

Секция 2. Трансграничное сотрудничество и угрозы национальной безопасности

Н.А. Абрамова , Е.А. Юшина

Дегуманизация и поиск региональных духовных ресурсов устойчивого ноосферного развития

Развертывание глобальных проблем человечества вскрыло противоречия социального развития, осуществлявшегося на основе принципов классического гуманизма. Фундаментальные исследования конца XX в. позволяют говорить о необходимости формирования новых общечеловеческих ценностей, способных обеспечить решение противоречий современной цивилизации. Этот процесс связан, прежде всего, с критическим анализом гуманизма и объективной оценкой процесса его дегуманизации.

Гуманизм представляет собой одно из наиболее важных движений в западной цивилизации и продолжает оказывать огромное влияние на современный мир. Гуманистические формы научно-технического развития, определившие триумф техногенной западной цивилизации, предполагают особую мировоззренческую ориентацию. Человек осмысливается как активное существо, призванное преобразовывать весь мир; его деятельность направлена вовне, на преобразование неживых предметов природы.

Истоки кризиса, который переживает сегодня все человечество, прежде всего, духовные. Проблема выживания требует изменения прежних гуманистических ценностей и духовных структур, характерных для техногенного развития. Эти изменения уже происходят, концентрируясь в главном. Первое – взаимодействие культур, их трансляция и трансформация ведет к формированию новых гуманистических ценностей и на их основе – выработке стратегии социоприродного не насилия. Второе – новый тип научно-технического развития, основанный на неогуманистических ценностях, будет связан с пониманием и соответствующим освоением «синергетических социоприродных объектов», требующим иного типа научной рациональности. Третье – преобразующая деятельность «синергетических социоприродных объектов» будет строиться не по принципу насильственного манипулирования, а по принципу выбора из возможных сценариев национальных, региональных, общечеловеческих стратегий, обеспечивающих устойчивое цивилизационное развитие, связанное с ноосферной ориентацией и решением глобальных проблем.

В контексте этих изменений по-новому осмысливается термин «Восток», его традиционные ценности и результаты межкультурного

взаимодействия Востока и Запада, Юга и Севера, формирующие новые планетарные ценности и стратегии цивилизационного развития.

Западная и Восточная цивилизации, взаимодействуя между собой, формируют и изменяют свои культурные доминанты, необходимые их развитию, приводя к возникновению различных «гибридных» обществ, к которым, например, и относится Россия. Ее история – влияние западной и восточной культур, рационально трансформирующих российскую самобытность, «русскую идею» и национальный путь развития с сохранением своих особенностей.

Оценивая потенциал России в мировом цивилизационном процессе, А.С. Панарин полагает, что только держава, история, география и культура которой синтезируют импульсы Запада и Востока, Севера и Юга, только культура, сочетающая восточную идентичность, связанную с восточно-христианской духовностью и с евразийской моделью государственности, и западный прометеизм, устремленный в будущее, «способна конвертировать богатейшее восточное наследие в альтернативный исторический проект» [1].

Профессор Гарвардского университета Ду Вэймин говорит, что в ситуации кризиса, который переживает сегодня мировая цивилизация, необходимо мобилизовать четыре типа духовных ресурсов [2]. В первую группу входят этико-религиозные традиции современного Запада, в первую очередь – греческая философия, иудаизм и христианство, но с критической переоценкой типичных западных ценностей.

Вторая группа – в многовековых незападных цивилизациях: индуизм, джайнизм и буддизм в Южной и Юго-Восточной Азии, конфуцианство и даосизм в Восточной Азии, ислам.

Третья группа духовных ресурсов заложена в первобытных традициях коренной американской, гавайской, маори и в многочисленных религиозных традициях туземных племен, традиции которых также несут в себе много поучительного для современного технократического мышления.

Ядро четвертой группы составляет сама структура Просвещения. Необходимость выйти за рамки гуманистического менталитета, сформированного Ренессансом и Просвещением (при этом не разрушая и не отбрасывая его приверженности рациональности, свободе, равенству, правам человека, справедливому распределению и т.д.), требует тщательного переосмысления значения таких понятий, как современность, процесс модернизации и роль традиций в современности.

Неудивительно, что представители гуманитарного знания во всем мире проявляют возрастающий интерес к восточным цивилизациям, особенно к их духовной роли в устойчивом развитии ноосферной ори-

ентации и решении глобальных проблем. Во многих дискуссиях все более весомое место занимает тема будущего китайской цивилизации и ее возможной духовно-ресурсной роли в мировом цивилизационном процессе.

Китайскую политическую культуру, ее субкультуры, их генетику и диалектику взаимодействия можно герменевтически представить и интерпретировать как культуру Дао [3], что воплотилось в появлении конфуцианства.

Конфуцианство вырабатывало рационалистическую концепцию «устойчивого» развития государства и общества как непосредственно продолжения упорядоченного космоса, как сферы господства основных законов природы. Это выразилось в формулах: «совпадающее единство Неба и человека», «взаимный отклик Неба и человека», «разграничение Неба и человека», интерпретируемых нами как модели устойчивого развития и ноосферной, и космической ориентации.

Моральные качества человека объявляются Конфуцием исходящими от «Неба» через «путь» («дао»). Конечная цель нравственного самосовершенствования заключается в овладении этико-политическими принципами «жэнь», «ли», «и» и т.д., каждый из которых указывает на определенную сторону поведения человека в его роли следовать через путь «дао» к разумной справедливости, существующей в самой природе.

Обращение к конфуцианству в современных поисках нового типа научно-технического развития, связанного с пониманием и соответствующим освоением «синергетических социоприродных объектов», диктует необходимость создания модели «этико-политического» поведения личности в природе по конфуцианской формуле: «внутреннее совершенство-внешняя царственность». Смысл ее современной интерпретации заключается в сочетании духовного развития личности с ее высокой, политически регулируемой, социально-экологической активностью. Развитие экономики, повышение уровня жизни, качества «человеческого материала» невозможно без концентрации политических усилий, обеспечивающих устойчивое развитие общества.

Это, с одной стороны, интеллектуальное развитие, мобилизирующее свою богатую техническую традицию, без которого невозможна рационалистическая современная наука, техника, технологии, но придерживающееся приоритетов стабильности («устойчивости» – в западном мышлении), исторически укорененных в социальных институтах и культурных ценностях, совокупности представлений о природе, обществе и человеке.

С другой стороны – моральность, основа основ мира и порядка в обществе, связанная с рационализмом конфуцианства, акцентирующе-

го групповые ценности, считающиеся важнейшим средством и критерием воспитания идеальной личности. Формирование идеи «естественного человека» (тяньжэнь гуань) связано с правильными отношениями между человеком и природой. Конфуцианская моральность, в этом случае, делает упор на перерастание любви к людям в любовь ко всему – вселюбие ко всему сущему, к «слиянию воедино Неба и человека» [4].

Эта древняя концепция слияния воедино Неба и человека («Небо не идет против человека, а человек не идет против Неба») и ее герменевтическая интерпретация слитности, равнозначности всего сущего, взаимоуправляемости приводит к современному ее пониманию как устойчивого ноосферного развития.

Таким образом, общезначимые рационалистические конфуцианские ценности выявляют свою достаточную устойчивость в современных условиях, адаптируясь к экологическим и экономическим потребностям стабильного развития китайского общества. Функциональное их применение может служить региональным духовным ресурсом устойчивого ноосферного развития не только в регионе «Большого Алтая», но и единой цивилизации в условиях дегуманизации.

Примечания

1. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999. С. 15.
2. Ду Вэймин. Глобальное сообщество как реальность: изучение духовных ресурсов социального развития // Китайская философия и современная цивилизация: Сборник статей. М., 1997. С. 19.
3. Абрамова Н.А. Политическая культура Китая. Традиции и современность. М., 2001.
4. Чжан Хайшань. Чжунго жуцзя лунли цзиншэнь юй сяньдайхуа // Чжуншань дасюэ сюэбао. Сер. Шэхуэй кэсюэ бань. Гаунчжоу, 1998. №4. С. 5–6.

О.А. Аршинцева Безопасность и разграничение интересов: исторический аспект

В международной практике XX в., противоречивой и многообразной, неоднократно предпринимались попытки решить проблемы национально-государственной безопасности путем двух- и многосторонних разграничений интересов. Исторически наиболее ранним примером подобного рода соглашений явились известные договоры 1904 и 1907 гг., которые составили основу Тройственной Антанты. В современной литературе преобладает традиция рассматривать эти соглашения в основном как преддверие первой мировой войны, как пример блоковой дипломатии, не оставившей войне реальной альтернативы. Не отрицая актуальности указанного аспекта проблемы происхождения глобального кон-

фликта, которая продиктована задачами его предотвращения, подчеркнем возможность иных подходов к историческому опыту создания Антанты. На наш взгляд, этот опыт содержал не только кризисный потенциал, но также истоки новых тенденций, которые в тех исторических условиях не были реализованы.

Участниками англо-французского 1904 г. и англо-русского 1907 г. соглашений были не традиционные для XIX в. акторы в статусе континентальных национальных государств, а три самые значительные колониальные державы своего времени. Их имперский статус, с одной стороны, зафиксировал традицию территориальных разделов предшествующей эпохи, а, с другой стороны, стал формой новых для своего времени процессов глобализации, включая и новую мировую (империалистическую) политику. Оставляя в стороне причины указанных явлений, подчеркнем, что они изначально подрывали традиционные принципы международной безопасности. Классическая для национальных государств континентальной Европы триада «суверенитет – территория – безопасность» и системное предотвращение гегемонии посредством равновесия сил не учитывали новых угроз безопасности даже самых могущественных участников международных отношений. Ответов на новые угрозы не предлагала и сложившаяся к рубежу XIX–XX вв. традиционная школа геополитики, которая оперировала не столько прагматичными рецептами, сколько концептуальными категориями планетарного дуализма и извечного противостояния морских и сухопутных держав.

Практический поиск новых путей обеспечения безопасности был начат в обход традиционной парадигмы, и не случайно, что инициатором этого поиска стала Британская империя, чья внешняя политика всегда отличалась особым прагматизмом. По оценкам ведущих английских экспертов того периода, Германия с ее новыми мировыми претензиями бросила вызов самим основам имперской безопасности, что в обозримой перспективе было чревато катастрофическими для Великобритании последствиями. Не частные опасности, а глобальная угроза заставила английское руководство действовать в упреждающем режиме, радикально изменив традиционную политику «блестящей изоляции».

Районом приложения новой британской внешнеполитической стратегии стали огромные территории протяженностью от Гибралтара на западе, включая Северную Африку, Средний Восток, Тибет, до Японских островов и Индокитая на востоке. Классики геополитики определяли эти территории, расположенные между 30 и 40 параллелями, как буферную зону, наиболее важную для отношений между центрами сухопутного и морского могущества. Перефразируя известное выражение, для британской стратегии постулаты геополитики были не столько

догмой, сколько руководством к действию. Не оставляя попыток сохранить морскую гегемонию путем ускоренного, опережающими темпами по сравнению с Германией, строительства ВМФ, правительство метрополии, чтобы укрепить дальние рубежи империи, усилило связи с доминионами. Но главные усилия должна была предпринять британская дипломатия для ликвидации наиболее уязвимых мест буферной зоны, где английские интересы сталкивались с третьей, не германской стороной. В этой логике понятны партнеры соглашений – Япония (1902 г.), Франция (1904 г.) и Россия (1907 г.) и их объекты – Марокко, Алжир, Египет, Иран, Афганистан, Тибет и Сиам.

Еще более примечательной, наряду с географией, была форма соглашений 1904 и 1907 гг. Политическая карта указанной зоны была весьма неоднородной, но включала в основном формально независимые страны, хотя и с разной степенью реальной самостоятельности. В тех условиях это уже не позволяло развести конфликтные интересы путем прямого раздела территорий. Поэтому стороны и договорились о разграничении сфер влияния, положив этот принцип в основу достигнутого компромисса интересов. Устанавливая границы сфер влияния, все три империи максимально сближали свои неофициальные границы, сводя к минимуму возможный зазор для проникновения потенциального конкурента в лице Германии.

Безусловно, указанные нововведения в международной практике обеспечения безопасности в большей степени соответствовали британским глобальным имперским интересам, что подкреплялось преобладающим могуществом Великобритании. Для ее партнеров, особенно для Франции, соглашение такого рода стало единственно реальной, но не идеальной формой английских гарантий поддержки. При этом все три участника Антанты отнюдь не исключали военного варианта дальнейшего развития событий, что в какой-то степени и предопределило инверсию первоначальной цели соглашений – обеспечение безопасности. Однако это вовсе не уменьшает актуальности обращения к историческому опыту для более глубокого прочтения и современных международных процессов. Столь популярные сейчас рассуждения о возрождении имперских идей и практики (в американском, российском или любом другом варианте) в устах как их сторонников, так и противников без серьезных исторических аргументов выглядят весьма легко-весно. В равной степени это относится и к имперским притязаниям в сфере обеспечения безопасности, которая, как никакая другая область международной жизни, требует гибкой, реалистичной и ответственной политики.

Д.Г. Балуев

Является ли транснациональная организованная преступность действительной угрозой национальной безопасности?

Международную организованную преступность часто называют важным фактором, который в XXI в. будет влиять на мировую политику. Транснациональные преступные объединения (ТПО) становятся признанными акторами этой политики. На наш взгляд, существует несколько причин подобного усиления роли ТПО.

Во-первых, появление ТПО является результатом долгосрочных тенденций и таких событий, как распад СССР и окончание холодной войны. Долгосрочные тенденции связаны с глобализацией, кризисом государственной власти и легитимности.

По сути дела, государства потеряли контроль над глобальными рынками. Слабость государства не является совсем новым явлением. Слабость итальянского государства позволила в XIX в. развиваться мафии на Сицилии. В условиях, когда государство было неспособно обеспечить защиту и разрешение споров, мафия заполнила вакуум. Слабость колумбийского государства и отсутствие его контроля над территорией, номинально находящейся под его юрисдикцией, были главными факторами, предопределившими то, что Колумбия стала «столицей» южноамериканской кокаинопроизводящей индустрии. Слабость государства дала колумбийским преступным организациям сравнительное преимущество перед их перуанскими или боливийскими коллегами. Классическим примером ситуации, когда слабость государства создала идеальные условия для развития преступных организаций, являются государства бывшего Советского Союза.

Вторая причина усиления роли ТПО – появление к концу XX в. нового типа государств. Хотя эти государства и обладают юридическим суверенитетом в международной системе, во внутренней политике они не имеют институтов, способных сдерживать лиц, занимающих официальные должности, от коррупции. Они не могут гарантировать общественный порядок, а поэтому и свободу для большинства своих граждан. В подобных условиях преступные элементы способны склонять правительственных чиновников к сотрудничеству путем либо взяток, либо угроз.

Третьей причиной развития ТПО является так называемая общественная исключенность. М. Кастельс определял общественную исключенность как процесс, в ходе которого отдельные граждане и группы систематически отстраняются от доступа к возможностям, позволяющим им получать автономные средства к существованию в рамках об-

ществленных стандартов, определяемых институтами и ценностями данного контекста.

Процесс общественного исключения в сетевом обществе затрагивает как людей, так и целые территории. При определенных условиях целые страны, регионы, города и районы становятся исключенными, вовлекая в эту исключенность их население. Зоны, которые не имеют ценности для информационного капитализма и не вызывают существенного политического интереса со стороны великих держав, обходятся потоками богатства и информации и в конечном итоге остаются без элементарной технологической инфраструктуры. Целые сегменты общественно исключенного населения, а также граждане, выбирающие более прибыльные, хотя и более рискованные способы заработка, составляют все более растущее в количественном отношении «подполье».

Четвертая причина уходит своими корнями во времена холодной войны. Во многих отношениях холодная война была «инкубатором» для международной организованной преступности на Западе. Одним из последствий постоянного внимания западных правительств к советской угрозе была их поддержка политических партий, тесно связанных с преступными организациями, но при этом демонстрировавших свой антикоммунизм. На преступные связи, особенно заметные в Италии и Японии, не обращали внимания. Коррупция была предпочтительнее коммунизма. Хотя антикоммунизм и не был синонимом поддержки организованной преступности, он смягчал оппозицию криминальным организациям во многих странах. Создавались прочные связи между организованной преступностью и политической и экономической элитами. С этой точки зрения окончание холодной войны было важно не столько потому, что оно было причиной роста международной организованной преступности, сколько потому, что оно «открыло глаза» многих правительств на это явление. В дополнение к этому окончание холодной войны подорвало основы существования ведомств, связанных с безопасностью, и разведывательных служб. Они были вынуждены начать поиски новых врагов, одним из которых и стала организованная преступность.

Структура самих ТПО значительно изменилась в 1990-е годы. Международные преступные группы становятся безличными и анонимными. Благодаря новым коммуникационным технологиям и оффшорной банковской деятельности они смогли приспособить свою структуру к новой действительности. Фактором, влияющим на структуру ТПО, является то, что в эпоху глобализации преступная деятельность часто не требует территориальной базы. Примером таких преступлений являются преступления в киберпространстве.

В настоящее время транснациональные преступные организации имеют различную структуру и принципы членства. Общим для них является то, что они очень мобильны и способны действовать сквозь национальные границы. Частичным объяснением этому является то, что они скорее являются сетями, чем формальными организациями. Интересно, что многие законные транснациональные корпорации также взяли на вооружение сетевую структуру, позволяющую им легче приспособливаться к меняющимся местным условиям.

Оценки роли ТПО в мировой экономике и политике, а также того, представляют ли они угрозу безопасности, крайне неоднозначны. В отличие от революционеров или террористических организаций, транснациональные преступные организации имеют, в первую очередь, экономические цели. Даже незаконные предприятия зачастую увеличивают национальный доход, создают новые рабочие места и предоставляют социальные гарантии. Они используют навыки в области управления, которые в противном случае просто пропали бы. Доходы от деятельности этих организаций очень велики, и, по крайней мере, часть этих доходов реинвестируется в национальные экономики. Тем не менее, считается, что эти организации являются угрозой безопасности. На уровне личности безопасность обычно означает достаточно безопасное окружение, в котором личность не является объектом насилия и устрашения. Преступные организации оказывают влияние на безопасность, определяемую подобным образом. Поскольку распространение наркотиков увеличивает уровень преступлений против личности, безопасность личности ставится под угрозу. На государственном уровне транснациональные преступные организации также являются угрозой безопасности. В некоторых случаях их сила превосходит силу государств. Их готовность использовать силу против государства и правоохранительных органов ставит под сомнение государственную монополию на организованное насилие и поэтому может быть более дестабилизирующей, чем деятельность революционных или террористических групп. Примерами могут служить Колумбия и Италия, где транснациональные преступные организации вошли в конфликт с существующими государствами. В силу самой своей природы транснациональные преступные организации подрывают гражданское общество (или заменяют его), дестабилизируют политическую обстановку в различных странах и подрывают власть закона.

Существует соблазн охарактеризовать угрозу со стороны транснациональной организованной преступности как прямую угрозу политической стабильности, общественному благополучию, а также существующим финансовым институтам. Хотя это и привлекает общественное внимание к проблемам преступности, это является преувеличени-

ем. К тому же это дает основания критикам заявлять, что после холодной войны аппарат национальной безопасности нуждается в новой угрозе и врагах и дает преступным организациям статус, которого они не заслуживают. На самом деле, как заявляют многие исследователи, лидеры преступных организаций выполняют не столько функции главы предприятия, сколько функции управления и арбитража в спорах. Кроме того, рассматривая организованную преступность безоговорочно в качестве негативного явления, можно не заметить те блага, которые организованная преступность предоставляет населению (причем не только вовлеченному в организованную преступность). Деньги, заработанные преступным путем, инвестируются в экономику, иногда вызывая подъем в целых регионах. Торговля незаконными товарами для некоторых стран может быть главным источником валютных поступлений. Иногда организованная преступность дает единственную возможность получить работу. В обществах, где более традиционные пути продвижения по общественной лестнице недоступны большим группам населения, участие в структурах организованной преступности может быть достаточно привлекательным. Говоря об угрозе со стороны международной организованной преступности глобальной финансовой системе, можно отметить, что преступные группировки вовсе не нацелены на разрушение этой системы. Напротив, они заинтересованы в ее использовании и продолжении ее существования.

Литература

1. Балув Д.Г. Приватизация военно-силовых функций государства и ее последствия для мировой системы и для России // Мировая экономика и международные отношения. 2004. №3.
2. Балув Д.Г. Понятие Human Security в современной политологии // Международные процессы. 2003. №1. С. 95–106.
3. Балув Д.Г. «Постмеждународная» политика? Изменение роли государства и природы суверенитета // Актуальные проблемы международных отношений в начале 21 века. М., 2003. С 223–235.
4. Балув Д.Г. Взаимодействие международных институтов и элементов глобального гражданского общества и обеспечение личной безопасности // Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2002. С. 89–119.
5. Балув Д.Г. Современная мировая политика и проблемы личной безопасности: Монография. Н. Новгород, 2002.
6. Балув Д.Г. Роль государства в современной мировой политике. Н. Новгород, 2003.

Т.Е. Бейдина
Россия и Китай: трансграничное сотрудничество и
противоречия взаимоотношений

Если ретроспективно взглянуть на историю российско (советско)-китайских отношений в последние сто лет, то она удивительно напоминает движение маятника. Влево–вправо, вперед–назад, только амплитуда колебания меняется в зависимости от внутренней и международной обстановки в тот или иной отрезок времени. Сегодня «маятник» вновь качнулся в сторону сотрудничества. И это хорошо. История однозначна в том, что великим соседям выгоднее жить в мире и согласии. Показателем нового уровня двусторонних отношений стал подписанный президентом России В.В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином во время очередной встречи на высшем уровне в Москве в середине июля 2001 г. российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Договор, как и российско-китайское сотрудничество, в целом имеет два аспекта: международный и двусторонний. Практически полное совпадение взглядов двух стран на международные проблемы – важнейший двигатель улучшения двусторонних отношений.

Но не все так просто в российско-китайских отношениях. Бурное развитие Китая, конечно, тоже ставит перед Россией серьезную проблему, и нынешнее российское руководство понимает ее, оценивая угрозы национальной безопасности РФ.

Китай в конце XX в. и начале XXI в., в отличие от России, сосредоточен на самом себе. Его внешняя политика имеет подчиненное значение по отношению к внутренней, направленной на экономическую и социальную трансформацию страны. Она (внешняя политика) призвана обеспечить стратегический выигрыш во времени для создания экономической и военной мощи с целью превратить Китай в мировую сверхдержаву. В этих условиях политика добрососедства для Китая – не благотворительность, не жест доброй воли, а объективная необходимость.

Китай занимает первое место в мире по численности населения, третье по объему ВВП, обладая при этом третьим по мощности ядерным потенциалом. В последние 10–15 лет укрепились его позиции в системе международных отношений. Согласно исследованиям «Рэнд корпорейшен», к 2015 г. он сравняется по объему ВВП с США, а его военный потенциал достигнет почти половины американского, намного превосходя по этому показателю другие развитые страны.

Широкое экономическое сотрудничество с Китаем может стать важным фактором российского экономического роста. Стабильные межгосударственные отношения всегда основаны на реальном взаим-

ном интересе. Это не означает, что в наших отношениях нет проблем. Существенное отставание политики от экономики – одна из них. Положение в области экономического сотрудничества далеко от идеального; прежде всего его масштабы не соответствуют возможностям двух соседних великих держав, которые разделяет самая протяженная в мире сухопутная граница.

Китайцы критикуют необязательность российских поставщиков, которые часто не соблюдают положенные сроки, трудности работы в России, где китайские бизнесмены страдают от произвола правоохранительных органов и мафии. Но и российская сторона часто выражает недовольство китайскими партнерами. Крупные российские компании жалуются, к российским фирмам относятся с пренебрежением, фактически не допуская их до многих контрактов, даже несмотря на более выгодные предложения по сравнению с западными конкурентами. Кроме того, в России существует беспокойство относительно склонности некоторых утверждающихся на российском рынке китайских компаний и отдельных бизнесменов к незаконной деятельности, уходу от налогов т.п., а также слишком суровых правил для российских товаров в Китае.

Для российских экспортеров проблемы экономической безопасности призваны решать различные межправительственные органы по экономическому сотрудничеству, в том числе регулярные встречи глав правительств. В последнее время эти встречи приносят конкретные положительные результаты. Во многом это связано с общей политической и экономической стабилизацией в России, но также и с тем, что обе стороны набрались опыта и научились уходить от пустых деклараций и лучше решать конкретные вопросы сотрудничества. В результате, на конец 2002 г. в России работало 400 предприятий с китайским капиталом, объем контрактных инвестиций сторон превысил 250 млн. долларов. Эти предприятия действуют в основном в таких сферах, как микроэлектроника, связь, сельское хозяйство, переработка леса, общественное питание, сборка бытовых электроприборов, торговля. Однако крупных предприятий с китайским капиталом немного. В Китае в 2002 г. насчитывалось 1160 предприятий с российским участием, причем, несмотря на большое число, объем инвестиций составлял всего 230 млн. долларов, которые были сосредоточены в ядерной промышленности, сборке и ремонте автомобилей и сельхозмашин, химической промышленности и строительстве. Выросла и приграничная торговля, в 2002 г. составившая 3,14 млрд. долларов, что на 65% больше уровня 2000 г.

С китайской точки зрения, проблемой двусторонней торговли является превышение китайского импорта над экспортом. Но и Россия не

вполне удовлетворена тем, что основу ее экспорта составляет вооружение и сырье. Вооружение составляет 15–20%. Это не случайно, ведь в этой области Китай может приобрести у России товары такого уровня, доступ к которому на Западе для него закрыт. Для России эта торговля крайне важна тем, что решает важные социальные проблемы (дает зарплату и работу десяткам тысяч рабочих оборонных предприятий).

В то же время Россия хотела бы продавать Китаю и гражданскую продукцию, к которой тот проявляет гораздо меньший интерес, часто предпочитая приобретать западные образцы. В этой связи крайне важны некоторые документы, подписанные на упомянутой выше VI сентябрьской встрече глав правительств. Во-первых, специальным протоколом была создана подкомиссия по связи и информационным технологиям, которая займется развитием сотрудничества в этой наиболее современной области. Во-вторых, что особенно важно, был подписан контракт на покупку КНР пяти российских гражданских самолетов ТУ-204 – 120. Эта сделка означает прорыв российского гражданского авиастроения на китайский рынок, который с середины 1980-х гг. контролировали США и Западная Европа. И это несмотря на то, что в феврале 1999 г., после катастрофы в Китае самолета российского производства ТУ-154 М сам китайский премьер Чжу Жунцзи заявлял, что его страна как минимум три года не будет рассматривать предложение о покупке российских гражданских самолетов.

Бизнес с Китаем, нашим ближайшим соседом, на глазах превращающимся в одну из ведущих мировых экономических держав, – дело перспективное и выгодное. С 29 по 31 мая 2001 г. в г. Харбине проходила первая конференция по научно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству между российским Дальним Востоком и провинцией Китая Хэйлунцзян, где было отмечено: 1) развитие китайско-российских торгово-экономических отношений – это настоятельная необходимость, диктуемая в экономической области отношениями стратегического сотрудничества и партнерства, исходящими из условий взаимной выгоды; 2) развитие китайско-российских торгово-экономических отношений настоятельно необходимо для защиты экономической безопасности Китая и России. Экономической безопасности России угрожают нехватка валюты и трудовых ресурсов. Экономической безопасности Китая угрожают нехватка нефти, леса и природного газа. Отсюда вытекает необходимость усиления экономического и торгового сотрудничества между двумя странами.

Трансграничное сотрудничество идет по следующим каналам.

Радует, что Китай и Россия договорились о создании двух центров научно-технического сотрудничества в провинции Шаньдун и провин-

ции Хэйлунцзян (столица – город Харбин). Предлагается в ходе совместного сотрудничества на основе высоких технологий производить самолеты гражданского и военного назначения, космические летательные аппараты и военное оборудование, газовые турбины и другое крупное оборудование.

Освоение запасов нефти и газа в России. Речь идет об ускоренном освоении богатейших запасов нефти и газа в России, прокладке трубопроводов для поставки нефти и газа в Китай за счет предоставляемых Китаем капиталов и рабочей силы. При таком варианте в ближайшие 10 лет Китай смог бы получать ежегодно 50 млн. тонн сырой нефти и 10 млрд. кубометров природного газа, а Россия – более 10 млрд. вырочки или товаров на эту сумму.

Разработка лесных ресурсов России. Россия обладает $\frac{1}{4}$ всех мировых запасов древесины, производит ежегодно древесины в 2 раза больше Китая. После принятия программы охраны природных лесонасаждений Китай сократил производство древесины, а потребность в ней растет. Предлагается, чтобы Россия увеличила свое производство и экспорт древесины в Китай с нынешних нескольких миллионов кубометров до нескольких десятков миллионов кубометров в год, увеличив тем самым свои валютные поступления до 10 млрд. долларов США. Для удовлетворения этих потребностей Россия ежегодно будет расходовать только часть естественного прироста леса, это никак не повлияет на экологию.

Совместное освоение земельных ресурсов. Россия занимает первое в мире место по территории, а по размеру пахотной земли на душу населения превышает Китай в 10 раз. Однако вследствие влияния таких факторов, как нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве, недостатки механизма управления и использования научных достижений в производстве ощущается нехватка продукции сельского хозяйства, на ее импорт приходится тратить валюту. В Китае же, где отмечается наименьшая в мире площадь на душу населения и избыток рабочей силы, наработана достаточно передовая технология сельскохозяйственного производства. Население России за последние 10 лет сократилось более чем на 6 млн. чел., одна только Сибирь испытывает острую потребность в рабочей силе – около 5 млн. человек. В этой ситуации выходом из положения могло бы быть использование качественной, дешевой китайской рабочей силы. Фактически подобное сотрудничество в настоящее время непрерывно расширяется в пограничных районах. Если бы его можно было поднять на государственный уровень, то это стало бы мощным стимулом для ускорения развития экономики обеих стран.

Необходимо совместное создание районов свободной торговли, торговых зон взаимных рынков и районов совместного освоения. Условия для этого развития прекрасны. Они обеспечиваются большой протяженностью наших границ, многочисленными пунктами пропуска на границе и огромными потенциальными возможностями торговли. В самое ближайшее время необходимо решить ряд вопросов: в приграничных районах, особенно там, где имеются парные пункты пропуска и удобные пути сообщения, организовать зоны свободной торговли, торговые зоны взаимных рынков, районы экономического освоения. Только это будет способствовать развитию экономической безопасности РФ.

Е.В. Брагин
Обеспечение сырьевой безопасности России
в условиях глобализации

Одно из следствий развития глобализации – стирание границ между исторически сложившимися обществами. В разных сферах общественной жизни этот процесс протекает с разной степенью интенсивности и результативности. Культурные границы наиболее устойчивы, вопрос о возможности их снятия остается спорным. Напротив, экономические границы считаются наиболее открытыми.

С экономической точки зрения Россия является одной из наиболее открытых стран мира. Иностранцы легко могут получить доступ на российский рынок, создав дочернюю компанию в форме российского юридического лица.

Тарифная защищенность отдельных отраслей (автомобиле- и авиастроения) не играет существенной роли. Главным преимуществом России, делающим ее наиболее привлекательной в глазах иностранных компаний, являются ее природные ресурсы, составляющие порядка 87% национального богатства.

Привлекательность данных природных ресурсов чрезвычайно высока. Ее не снижают ни климатические (Россия – самая холодная страна в мире), ни географические (основные ресурсы расположены в труднодоступных, удаленных районах), ни транспортные издержки. Кроме того, экспорт ресурсов практически не ограничен, т.к. добытое сырье является собственностью недропользователя, а права собственности не ограничиваются.

Российская экономика является средней по мировым меркам, а внутренний рынок России чрезвычайно мал, стимулы для организации переработки сырья на территории России для инвестора практически отсутствуют. При этом переработка является условием доступа на очень перспективные рынки в других странах. Поэтому инвестор будет заинтересован в вывозе из России добытого сырья в необработанном виде в страны, представляющие собой перспективный рынок.

Это существенная угроза экономической безопасности России. Вместе с необработанным сырьем из страны будут фактически вывезены дополнительные рабочие места и налоговые поступления (составляющие по отдельным полезным ископаемым более 50% общих поступлений), Россия не получит технологий дальнейшей переработки, будет закрепляться пагубная сырьевая зависимость ее экономики.

Реальность такой угрозы очевидна при рассмотрении сырьевой обеспеченности России и ее ближайшего соседа – Китая. Прогнозная стоимость природных ресурсов России составляет 12,4 трлн. долларов США, при этом ресурсы весьма разнообразны. КНР располагает ресурсами только на 1,48 трлн. долларов США, причем подавляющую часть этой стоимости составляет уголь (85,1%). ВВП обеих стран по паритету покупательной способности составляют 1 трлн. долл. и 6 трлн. долл. соответственно. Ресурсная обеспеченность существующей экономики России, в пересчете на доллар ВВП, оказывается в 50 раз выше; в пересчете на душу населения – в 75 раз выше. Темпы роста китайской экономики стабильно выше российских (2003 г.: 8,3% и 5,7% соответственно). Такая диспропорция создает естественный диспаритет цен на сырье – Китай, испытывающий острейший дефицит всех основных видов сырья, предлагает самые высокие цены в мире (перекладывая издержки на дешевую рабочую силу, отсутствие пенсионного обеспечения и затрат на экологию). Кроме того, китайский рынок защищен импортными пошлинами, повышающимися по мере роста глубины обработки сырья.

Россия с ее открытостью границ, широким доступом на рынок, обладающая гигантскими запасами ресурсов в малоосвоенных восточных регионах, непосредственно граничащих с Китаем, представляет собой очень привлекательный рынок как для китайских, так и для любых других компаний, заинтересованных в получении высокой финансовой эффективности.

Наращивание экспорта сырья в Китай, помимо указанных негативных последствий, повлечет также укрепление экономических связей малоосвоенных восточных регионов России с Китаем при резком ослаблении их связей с центром страны. А главное, в краткосрочной, либо среднесрочной перспективе (в каждой отрасли по-разному) будет лишена своей сырьевой базы вся российская промышленность.

При предоставлении права пользования недрами на аукционах, считающихся сегодня оптимальными (где победитель фактически определяется только деньгами), российские производители либо не смогут конкурировать с иностранными компаниями, располагающими значительно большими финансовыми ресурсами, либо, заплатив огромный разовый платеж, по экономическим соображениям будут вы-

нуждены выбрать наиболее эффективный способ возврата средств – т.е. экспорт в Китай. Ограничить этот экспорт государство не сможет – поскольку аукцион таких ограничений не предусматривает, а поднять пошлины по всему спектру природных ресурсов не позволит ни ВТО, ни сам Китай, как её член.

Кроме того, для большинства предприятий подвоз сырья общепринятым в мире способом – морем – исключен в силу чрезмерных логистических издержек, переложить которые на дешевую рабочую силу не удастся (уровень жизни и заработной платы в России высок, кроме того, население также несет климатические издержки). Значит, выбор будет между полной потерей конкурентоспособности перерабатывающих отраслей, что влечет их закрытие, или снижением уровня жизни населения, потерей квалифицированных кадров, т.е., в конечном счете, лишь немного отсроченной потере Россией своей перерабатывающей промышленности.

Таким образом, Россия представляет большой интерес для глобальной экономики и может быть в нее интегрирована как поставщик значительного объема природных ресурсов. Однако эффективность такой интеграции различна для глобальной экономики и для самой России. Остаются два варианта – закрытость и поиск механизма защиты национальных интересов в условиях глобальной экономики.

Закрытость возможна теоретически, однако это будет означать разрыв экономических связей, технологическую изоляцию и, как следствие, неизбежное технологическое отставание. Надежда на собственные разработки не оправдывается, поскольку, как показывает мировая практика, для успешного внедрения технологических новинок (т.е. получения на рынке доходов, окупающих расходы на создание и дающих прибыль на развитие) необходим как можно более емкий рынок, на конец XX в. – не менее 300 млн. жителей, причем эта цифра растет.

Большая часть российских природных ресурсов имеет весьма сложные условия добычи, требующие применения особых технологий. Так, новые технологии, полученные с Запада, позволили российским нефтяным компаниям продолжить и даже увеличить добычу на Самолоре. СССР так и не смог приступить к освоению богатейших месторождений в районе БАМа, поскольку советские крайне затратные технологии делали это нерентабельным.

Последнее средство – шантаж потребителей – мол, взять больше негде, возьмете у нас на наших условиях – малосостоятельно, поскольку потребители на шантаж не поддадутся, а воспользуются природными ресурсами других регионов, дождавшись окончательной технологической, а затем политической и экономической деградации закрытой России. Поэтому закрытость России следует признать нежелательной, так

как в сложившейся ситуации она объективно не отвечает национальным интересам.

Следовательно, необходимо создание механизма обеспечения национальных интересов, что применительно к природным ресурсам означает обеспечение сырьевой безопасности России в условиях глобальной экономики – то есть, переработку российского природного сырья на территории России до продукции максимально высокой степени готовности – для обеспечения максимального числа рабочих мест, прибыли российских компаний и, как следствие – максимума налоговых поступлений.

Так как «невидимая рука рынка» здесь играет не на стороне России, необходимы определенные цивилизованные ограничения рыночных механизмов – то есть, контроль за движением природных ресурсов. Одним из вариантов может быть правовое ограничение прав собственности недропользователя, скажем, до выполнения определенных инвестиционных обязательств – например, по созданию новых перерабатывающих производств. Создав их, он будет заинтересован в их окупаемости и, следовательно, в загрузке их своим сырьем.

Поскольку определение конкретных обязательств самим государством вряд ли будет эффективным, целесообразно передать это определение самим недропользователям. А для того, чтобы стимулировать их к расширению своих обязательств, можно использовать конкурентную среду – предоставлять право пользования недрами тому, кто предложит наибольшие инвестиционные обязательства, закрепляя их в договоре на право пользования недрами в качестве обязательного условия доступа к природным ресурсам России. В принципе, этот механизм юридически возможен даже при ныне действующем законе «О недрах», а с учетом того, что в настоящее время идет разработка нового, в нем можно прямо заложить подобный механизм.

Это позволит обеспечить, с одной стороны, открытость России, ее эффективную интеграцию в глобальную экономику, привлечение финансовых и технологических ресурсов, а, с другой стороны, сохранить контроль над национальной достоянием – природными ресурсами, обеспечить высокую экономическую и налоговую (бюджетную) эффективность их эксплуатации, а значит, сырьевую, экономическую и национальную безопасность России в условиях глобализации.

Литература

1. Вассерман А.А. Много ли рынку людей надо. Интеллект и производство // Промышленность России. №4. 2000.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации.
3. Закон Российской Федерации «О недрах» (в ред. от 3 марта 1995 г., с изм. на 6 июня 2003 г.).

4. Неженский И.А., Богданов Ю.В. Сравнительный стоимостный анализ минерально-сырьевой базы мира // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. №5. 2002.

5. Практическое руководство по мировой торговой системе. Женева, 1999.

6. Федеральный закон от 8 декабря 2003 года №164-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности».

7. China Council for the Promotion of International Trade, Customs Tariff Query // [http:// www.ccpit.org/servlet/org.servlet.en.OrgWebEn? actionType=Home&OrgId=1](http://www.ccpit.org/servlet/org.servlet.en.OrgWebEn?actionType=Home&OrgId=1)

8. Fraser Institute 2003/2004 Survey of Mining Companies // [http://www.fraserinstitute.ca/shared/readmore.asp? sNav=pb&id=623](http://www.fraserinstitute.ca/shared/readmore.asp?sNav=pb&id=623)

М.В. Ведяскин

Международный терроризм: новые угрозы

Все более масштабным социально-политическим явлением, представляющим серьезную угрозу безопасности и жизненно важным интересам как личности, так и общества и государства, становится терроризм. Современный терроризм существенно отличается от использования террористической тактики экстремистскими группами в прошлом. Это связано и со сдвигами, происходящими в обществе, и с использованием террористическими организациями новой тактики, и с таким фактором, как рост значения информационного фактора в политическом процессе. Вместе с тем, отечественная политическая наука пока еще далека от глубокого и концептуально целостного осознания взаимосвязи новых информационных технологий с терроризмом и контртеррористической деятельностью. Обозначить основные подходы к этому явлению мы попытаемся в данном докладе.

Террористическая деятельность как сложное, многоаспектное и крайне негативное социально-политическое явление давно переросла рамки национальных границ и превратилась в масштабную угрозу для безопасности всего человечества. Особое внимание мирового сообщества к этому феномену современности, как к одному из существенных факторов, дестабилизирующих обстановку в мире, было привлечено после 11 сентября 2001 г. Для России проблема терроризма осложняется тем, что терроризм, являясь по сути своей сложным социально-политическим явлением, аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в нашем обществе уровня многостороннего конфликта. Актуальность этой проблемы для современной России обозначена и в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, где указано, что серьезную угрозу национальной безопасности России представляет терроризм.

Международными террористическими организациями, как неоднократно заявляли официальные представители российского правительства, развязана открытая кампания в целях дестабилизации ситуации в России.

Другой важной тенденцией является то, что на современном этапе развития общества многие традиционные ресурсы человеческого прогресса постепенно утрачивают свое первоначальное значение. Вместе с этим все большее значение приобретает информация. Информация становится сегодня главным ресурсом научно-технического и социально-экономического развития мирового сообщества. Уже принято говорить о новом витке в развитии общественной формации – информационном обществе. Соответственно, в информационную эпоху и терроризм расширил сферу деятельности и обрел союзников в лице таких структур, как Интернет. Появился даже термин «информационный терроризм», обозначающий: 1) слияние физического насилия с преступным использованием или мошенничеством с информационными системами; 2) умышленное злоупотребление цифровыми информационными системами, сетями или их компонентами с целью содействия осуществлению террористических операций или акций. Чаще всего в качестве примеров «применения силы или насилия» в информационную эпоху приводят компьютерные атаки, поскольку именно такие действия у всех на слуху. Возможно, более подходящее определение сегодняшнего терроризма – это «терроризм в информационную эпоху», а не «информационный терроризм». Применительно к Интернету, например, это попытки террористов использовать Интернет для дискредитации правительств, подрыва доверия к ним населения, вывода из строя ключевых информационных систем, в том числе путем ввода в них определенных команд и вирусов. Во многих случаях это приводит к страху или панике граждан и таким образом дополняет традиционный терроризм.

Существуют (по крайней мере, известны на сегодняшний день) девять возможных способов использования Интернета для содействия террористическим группам:

- С помощью Интернета можно собирать подробную информацию о целях, включая изображение местонахождения целей и их характеристики. Если террорист получит подробную информацию о такой важной цели, как трубопровод или линия электропередач, он может манипулировать или шантажировать предприятия или правительство.
- С помощью Интернета можно собирать деньги на поддержку какого-либо движения или играть на бирже, чтобы нажиться на разнице курсов акций после осуществления теракта. Некоторые сайты сепар-

ратистов адресуют пользователей к банку и сообщают номер счета, на который можно послать деньги для их поддержки.

- С помощью Интернета можно объединять людей. Теперь члены диаспоры, религиозной секты в любой стране или регионе мира, или сторонники любого движения (например, экологического), могут постоянно находиться в контакте. С помощью интернет-сайта можно давать указания о времени и месте встреч, формах протеста или вопросах для изучения.

- Интернет можно использовать и для дискредитирования отдельных лиц, групп людей или компаний, например, финансовых институтов, а также для прямого лоббирования лиц, принимающих решения. Вымогатели требуют деньги у финансовых институтов с тем, чтобы последние избежали актов кибертерроризма и как следствие – ущерба своей репутации.

- Интернет обладает огромным рекламным потенциалом и часто используется в этих целях. С помощью Интернета можно мгновенно обратиться как к массовой аудитории по всему миру, так и к отдельным лицам. Террористические группы ставят доступ к СМИ на первое место среди своих стратегических приоритетов. Террористы могут оставлять сообщения о будущих или уже спланированных действиях на страницах сайтов или рассылать их по электронной почте, а также брать ответственность за совершение того или иного теракта. Поскольку в информационную эпоху коммуникации – это власть, мировое общественное мнение стало приоритетом номер один.

- Благодаря Интернету терроризм не ограничен лишь государством, где физически находятся террористы. Более того, в стране, подвергающейся теракту, баз террористов обычно вовсе нет.

- Интернет может служить в качестве инициатора психологического террора. Часто психологическим аспектам Интернета не уделяют должного внимания. Благодаря кажущейся надежности Интернета, его можно использовать для того, чтобы посеять панику, ввести людей в заблуждение или обмануть. Интернет также стал благодатной почвой для распространения слухов.

- Интернет существенно изменил коммуникационные сети террористов: в них теперь нет четких централизованных командных пунктов. Невольные соучастники террористов, например, хакеры, могут быть использованы «втемную» и не знать, для достижения какой цели их задействуют.

- Интернет может быть использован и для отправки засекреченных сообщений, как ранее – симпатические чернила. Террористы могут обмениваться информацией по электронной почте и через электронные доски объявлений без опасения быть пойманными.

Террористы используют открытость цивилизованного мира для достижения своих целей. В прошлом было труднее организовывать и исполнять теракты из-за воздействия таких факторов, как расстояния и сложность координации действий. Сегодня Интернет – мощнейший инструмент информационного века – практически устранил обе эти проблемы. В результате появились новые, «сетевые» террористы, которые могут координировать свою деятельность на доктринальном, содержательном, организационном и социальном (лояльность) уровнях, используя новейшие технологические достижения.

Показателем роста значения опирающегося на новые информационные технологии терроризма является то внимание, которое уделяется ему в последнее время спецслужбами, призванными бороться с терроризмом. Основой обеспечения эффективной борьбы с кибертерроризмом является создание эффективной системы взаимосвязанных мер по выявлению, предупреждению и пресечению такого рода деятельности. Для борьбы с терроризмом во всех его проявлениях работают различные антитеррористические органы. Особое внимание борьбе с терроризмом уделяют развитые страны мира, считая его едва ли не главной опасностью для общества. В России для борьбы с технологическим терроризмом создан специальный орган – Управление «Р», которое занимается борьбой с преступлениями в области высоких технологий. В США с компьютерными нарушителями борются ФБР, ЦРУ, Агентство национальной безопасности, Министерство юстиции, Министерство энергетики, Пентагон и еще десяток различных коммерческих организаций. Это более 10 тыс. человек. В 1999 г. американское правительство потратило на борьбу с этими преступниками 1,4 млрд. долларов. Практически все крупные государства мира имеют в составе своих правоохранительных органов специальные подразделения по борьбе с компьютерными преступлениями, однако эффективность их деятельности невысока.

Таким образом, более корректно было бы обозначить рассматриваемое явление как информационно-ориентированный терроризм, под которым понимается широкое применение террористами новейших технических продуктов и методов манипулирования, появившихся в ходе развития информационных технологий. В связи с этим при исследовании терроризма как общественного явления и выработке эффективных стратегий противостояния ему необходимо уделять большее внимание вопросам трансформации организационной структуры террористических сообществ, их доктринальным и идеологическим установкам, а также той роли, которую играют информационные и коммуникационные технологии в современном терроризме.

Литература

1. Проблемы политической психологии. Материалы научной конференции // [http:// yurpsy.fatal.ru/help/xrest/text/terror/08.htm](http://yurpsy.fatal.ru/help/xrest/text/terror/08.htm)
2. Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2002.
3. Фролов Д.Б. Проблемы борьбы с кибертерроризмом в условиях информационного общества // <http:// www.infoforum.ru/detail.php? pagedetail=828>
4. Центр исследования компьютерной преступности // <http:// www.crime-research.ru>
5. Arquilla J., Ronfeldt D., Zaninni M. Networks, Netwar, and Information Age Terrorism in Countering the New Terrorism. RAND Corporation, 1998.
6. Devost M.G., Houghton B.K., Pollard N.A. Information Terrorism: Can You Trust Your Toaster? The Terrorism Research Center, 1996.

В.А. Гарев

Политический плакат в дискурсе международного терроризма

Проблема информационной составляющей современного международного терроризма является едва ли не ключевой в понимании сущности данного явления. Завоевание информационного пространства есть первоочередная задача, с которой международные террористические организации успешно справляются, активизируя свою деятельность во всех направлениях. Залогом успеха в данном случае является неослабевающее внимание общественности к террористической деятельности подобных организаций. Правильный выбор объекта для создания коммуникативного резонанса, постоянная стимуляция обсуждения проблемы, многоканальность воздействия на аудиторию (особенно в арабском мире) и т.д. наглядно демонстрируют хорошую подготовленность террористов к проведению крупномасштабных многоуровневых психологических операций в информационном пространстве других стран.

Особенно интересными представляются нам некоторые аспекты работы с визуальным пространством. Вследствие повышения общего культурного уровня населения, с появлением телевидения и глобальных компьютерных сетей, средства наглядной агитации перестают быть необходимым продуктом массового информационного потребления и вытесняются на периферию демонстраций, митингов и предвыборных кампаний. Однако говорить о кризисе жанра преждевременно. Политические партии, общественные организации, а также государственные структуры продолжают активно использовать США, интегри-

руя их в средства массовой коммуникации и выходя, тем самым, на новые уровни психологического воздействия. Практические наработки в этой сфере международных террористических организаций, равно как и противостоящих им на информационном уровне государственных институтов, представляют для нас особый интерес, очерчивая нам еще одно виртуальное поле битвы в Мировой войне с терроризмом. В данной статье мы попробуем рассмотреть особенности современного политического плаката, его место и роль в дискурсе международного терроризма.

Создание убедительных символических образов в виртуальном пространстве врага, равно как и защита от психосоматических воздействий идеологического противника – одно из приоритетных направлений в ведении информационной войны. «Символы аккумулируют человеческий опыт, отмечая его ключевые моменты. Именно по этой причине человечество порождает символы и сражается за символы, которые выступают в виде краугольных камней, разделяющих типы жизнедеятельности и социальные группы» – отмечает Г. Почепцов [1].

Наиболее эффективно символы выражают себя в визуальной среде. Распространение идеологически заряженной информации с помощью визуальных символов можно встретить во многих культурах и на различных стадиях развития общества. «Иконы – это уже не специалистские фрагменты или аспекты, а единые сжатые образы комплексного типа. Они стягивают в крошечный фокус огромный регион опыта» [2]. Таким образом, сообщения кодируются в рамках визуального пространства. Психологическое воздействие изобразительными средствами используется в информационных войнах по сей день, оставаясь оружием нападения и средством защиты одновременно.

Создание и последующий анализ изобразительных средств воздействия невозможны без учета множества аспектов. Кроме идеологического наполнения, сама форма предполагает визуальное осмысление увиденного, поэтому правильно выполненный плакат, листовка и т.п. работает не только на привлечение внимания, но и на возбуждение интереса, желания глубже вникнуть в суть проблемы.

Человек в двадцать первом веке вынужден постигать мир на визуально-фрагментарном уровне. Компьютер и телевидение предоставляют нам разрозненные фрагменты мозаики, не позволяя видеть картину в целом. Плакат, заключенный в четкие рамки, упрощает действительность законченностью формы. Наполнение визуального поля обывателя новыми иконическими рекламными объявлениями с их сжатыми образами, как отмечает М. Маклюен, «соединяет в единое целое производителя и потребителя, продавца и общество» [3] Таким образом,

политический плакат выполняет вспомогательную функцию по отношению к основным источникам информации, создавая иллюзию самостоятельности выбора позиции у реципиента. В настоящий момент развитие плакатного искусства происходит в двух диаметрально противоположных направлениях. Первое направление, предназначенное в большей степени для широких масс, отличается очевидной навязчивостью формулировок, отход от стилистических канонов, примитивность технического исполнения. Второе характеризуется изменением целевой аудитории и переходом плакатного творчества в разряд элитарной культуры.

Сфера практического применения политического плаката в контексте проблемы международного терроризма достаточно обширна. В первую очередь это демонстрации, митинги, места массовых скоплений людей и пространство улицы.

Плакаты, применяемые на массовых собраниях, носят подчеркнуто примитивный характер. Ключевым элементом такого плаката является символ, который дополняет и делает более выразительным основное значение политического акта. «Знаки соотносятся сознанием с предметом или явлением и вызывают такое же действие, как сам предмет или явление, т.е. пробуждают определенное поведение в той или иной сфере», – пишет Д.В. Ольшанский [4]. Плакаты с изображением идейных и практических вдохновителей терроризма, Бен Ладена, шахидов-смертников, используемые на антиамериканских и антиизраильских демонстрациях в арабских странах, становятся социальными иконами, в которых образ теряет свою физическую суть и приобретает черты политического мифа.

В плакатах, применяемых на демонстрациях в США оппозиционными организациями, тематике международного терроризма придается также большое значение. Особенно ярко это проявилось во время антивоенных демонстраций, посвященных вторжению американских войск в Ирак. Образцы плакатов, размещенные на одном из антивоенных сайтов, сопровождаются рекомендацией скачать, распечатать и распространить данную идеологическую продукцию. Широкий спектр применения подразумевает интегрирование плаката в повседневную жизнь. Использование его в оформлении одежды, украшение плакатами жилища и постоянных мест сборищ политически активной молодежи позволяет сделать вывод о том, что плакат становится неотъемлемым атрибутом массовой культуры. Появившиеся на стенах зданий в Москве около года назад трафаретные изображения Дж. Буша с надписью «Wanted for murder J.W. Bush», или «Stop the oil WAR» есть ни что иное, как прямое

прямое следование отечественных активистов рекомендациям зарубежных коллег. Этот пример примечателен для нас тем, что перенесение изображения с помощью трафарета непосредственно на стену открывает новые возможности для использования политического плаката в пространстве улицы. Изображение на стене становится более убедительным для восприятия, появляются определенные трудности с его уничтожением. К свойствам плакатов, предназначенных для широких масс и используемых при больших скоплениях народа, можно отнести их лаконизм, однозначность, понятность, не требующую дополнительных разъяснений для всех, посвященных в данную символическую систему, расчет на массовое восприятие. Прimitивность сюжета и отказ задействовать в полной мере визуальное пространство плаката не мешают использовать его в качестве эффективного способа формирования массового поведения.

Воздействие на человеческую психику с помощью средств наглядной агитации столь значительно, а сами средства столь совершенны, что выделение политического плаката в самостоятельное направление современного искусства вполне оправдано. Художественные выставки ставших классическими советских, китайских, кубинских плакатов с успехом проходят во всех частях света, собирая немалое количество любопытствующей интеллектуальной публики. Становясь произведением искусства, политический плакат не теряет своей пропагандистской сути, наоборот, психологическое воздействие усиливается благодаря четкой ориентации на определенный тип потребителя. Внешне такой плакат может отличать трогательный сюжет, сложность построения композиции, продуманная цветовая гамма, отсутствие запоминающихся слоганов. В демократичной обстановке художественной выставки происходит присвоение визуального материала реципиентом и создается иллюзия самостоятельности выбора политической позиции. Интернет-версия экспозиции может содержать пояснения, подробное описание сопутствующих плакатам инсталляций, а также вопросы для тематических дискуссий в малых группах по каждому экспонату выставки.

Противостояние деструктивному психологическому воздействию – одна из важнейших задач национальных СМИ в борьбе с международным терроризмом. Умаление роли политического плаката в этом конфликте лишает нас возможности эффективно решать ряд проблем, связанных с профилактикой возможности осуществления террористических актов, повышением уровня ксенофобии и роста межнациональной вражды. Пропагандистский потенциал плаката логично задействовать при решении вопросов консолидации общества и снятия психологиче-

ской напряженности у населения. Использование ограниченного инструментария в информационной войне с терроризмом позволяет противнику одерживать ощутимые победы в условиях реальной войны.

Примечания

1. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. М., 2002. С. 12.

2. См.: Маклюен М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М., 2003. С. 257.

3. Там же. С. 258.

4. Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М., 2002. С. 460. См. также: www.bertisevil.tv/img/osamabinladen/bertandbin.htm; www.economist.com/world/asia/displayStory.cfm?Story_ID=798347; www.unitedforpeace.org; www.syr culturalworkers.org/feature/NoWarOnIraq.html; www.stopwar.org.uk/resources.asp; www.adamnieman.co.uk/posters; <http://www.liberationgraphics.com>; almashriq.hiof.no/ddc/projects/jafet/posters/english.html

Н.В. Греков

Безопасность России и сибирско-казахстанские приграничные связи

Отсутствие ясного понимания целей и задач российской политики по отношению к странам «ближнего зарубежья» в 90-е гг. XX в. породило у московских лидеров желание использовать приграничное сотрудничество в качестве универсального метода стихийного решения Россией проблем, возникавших на постсоветском пространстве. Ряд аналитиков поспешили заверить, что выход регионов на международную арену – естественный процесс, характерный для демократической модели федерализма. Федеральный Центр начал привлекать приграничные регионы для урегулирования спорных вопросов и для развития экономических отношений с сопредельными государствами. Все это укрепило уверенность в том, что приграничное сотрудничество станет «локомотивом, который может вытянуть весь комплекс связей» между Россией и граничащими с ней государствами. Насколько обосновано подобное ожидание? В какой степени приграничное сотрудничество способствует обеспечению безопасности России?

Регионы РФ активно развивают приграничные связи с Казахстаном. На приграничную торговлю приходится до 70% товарооборота между двумя государствами. С Республикой Казахстан граничат 12 субъектов РФ, в том числе 5 относящихся к Западной Сибири. Россия и Казахстан декларируют обоюдное стремление к углублению дружественных отношений, основанных на принципах стратегического партнерства. Обе стороны подчеркивают важную роль приграничных связей в

формировании единого экономического пространства. Между тем следует учитывать, что каждое государство имеет собственные экономические и политические интересы, которые не всегда совпадают. Соответственно, различны и угрозы безопасности государств.

Наибольшую опасность для России представляют внутренние угрозы. Их проявление специфично в разных регионах страны. Для Западной Сибири особо серьезными угрозами являются: закрепление за Сибирью функций сырьевого придатка российской экономики, истощение природных ресурсов, ослабление внутрисибирских интеграционных связей при нарастании противоречий региональных интересов, усиление межрегиональной социально-экономической дифференциации. Сохранение негативных тенденций в перспективе актуализирует угрозу потери Сибири для России, и как следствие, неизбежный распад России.

Укрепление сложившегося механизма распределения ресурсной ренты в пользу Центра побудило сибирские регионы к расширению торгово-экономических связей с Казахстаном. Наиболее активными стали внешнеэкономические отношения приграничных территорий. Чем беднее западносибирский регион ресурсами (газ, нефть, уголь), тем в большей степени он зависим от экономических связей с Казахстаном.

При этом доминирующие позиции в экспорте западносибирских регионов все равно занимают топливно-энергетические товары, сельхозсырье, материалы. Приграничная российско-казахстанская торговля имеет преимущественно сырьевой характер. Это в определенной степени помогает решать сиюминутные проблемы выживания по обе стороны границы, но в то же время содействует закреплению сырьевой специализации сибирского экспорта. Существующие транспортные проекты также ориентированы на вывоз ресурсов из Западной Сибири.

Все это ведет к дальнейшему ослаблению интеграции сибирских регионов, поскольку увеличение внешней торговли мало затрагивает внутренние межотраслевые производственные связи, а, следовательно, и межрегиональные связи. Подобное положение влечет за собой горизонтальную дифференциацию политического пространства Западной Сибири. Причем доходы, получаемые от трансграничной торговли, недостаточны для развития наукоемкого производства. Это означает, что приграничное сотрудничество не снижает остроты угроз национальной безопасности РФ в экономической, внутривнутриполитической и социальной сферах.

Иными являются результаты взаимодействия для Казахстана. Архаизация казахстанского общества, выдвигание на первый план кла-

новых интересов ставят под угрозу единство РК, где северные, наиболее развитые районы заселены русскоязычным населением. В этих условиях Казахстану выгодно расширение экономического сотрудничества с приграничными областями России. С одной стороны, это позволяет ему в значительной степени снимать напряженность на Севере, гасить сепаратистские настроения, с другой, позволяет увеличивать государственные доходы, поскольку основная часть налогов поступает в Центр из русскоговорящего Севера.

Почему Казахстан, уступая России по уровню экономического развития, извлекает из трансграничного сотрудничества больше выгод, нейтрализуя угрозу раскола страны? Вероятно, причина в различии весовых категорий административных элит, организующих приграничное сотрудничество. С каждой стороны действует государство в целом, с российской – элиты приграничных регионов. В Казахстане еще не сложилась независимая от власти экономическая и финансовая элита, поэтому Центр жестко контролирует местную администрацию, которая реализует общегосударственную стратегию. С российской стороны инициатива трансграничного сотрудничества исходит от административных элит приграничных регионов, которые руководствуются личными, корпоративными и местными экономическими интересами, не всегда соотносимыми с интересами государственными.

Расширение трансграничного сотрудничества не способствует и реализации внешнеполитических интересов России, поскольку независимо от российско-казахстанских контактов идет процесс усиления прозападной ориентации Казахстана в военной и топливно-энергетической сферах. Перспективы экономического развития страны казахстанское руководство связывает, прежде всего, с выходом на международные рынки энергоносителей. Главным условием реализации этих планов является установление тесных связей с США, которые уже сейчас намерены финансировать строительство военных кораблей для Казахстана. В 2001 г. Казахстан первым из центральноазиатских государств предложил США свою помощь, пообещав предоставить базы американцам. В Астане на полуофициальном уровне обсуждалась возможность размещения под Карагандой пехотной бригады США. Поэтому угроза безопасности России, связанная с вероятностью появления в непосредственной близости от ее сибирских границ американских военных баз, не может быть нейтрализована успехами приграничного сотрудничества.

Приграничные связи сибирских и казахстанских регионов не способны, к сожалению, ослабить угрозу развития трансграничной организованной преступности. Через российско-казахстанскую границу

потоком идет переправка наркотиков, контрабанды грузов. Серьезную угрозу безопасности России представляет нелегальная миграция. Наиболее сложная обстановка с незаконной миграцией сложилась на российско-казахстанском участке границы. Широкое распространение в приграничной зоне получили иные виды преступлений, в частности, воровство скота. Журнал «Профиль» утверждает, что ежегодно из одной только Омской области в Казахстан угоняют до 45 тыс. голов домашних животных (Профиль, 2003, №33, С.19).

Российские правоохранительные органы и пограничная служба пытаются закрыть границу для преступности. Спецслужбы России и Казахстана проводят совместные оперативные мероприятия по выявлению каналов нелегальной миграции и незаконного оборота наркотиков, прилагают совместные усилия по сокращению контрабандных потоков. Тем не менее, Совет Безопасности РФ (30.09.2003 г.) пришел к неутешительному выводу о том, что действующая система охраны границы «не позволяет эффективно обеспечивать национальную безопасность».

Власти приграничных регионов расширяют контакты в связи с возникающими угрозами загрязнения окружающей среды, в том числе, по изучению мер охраны водных бассейнов. Однако для устранения экологических угроз совершенно недостаточно усилий приграничных регионов, необходимы соглашения на уровне правительств.

Конечно, следует признать объективную необходимость развития взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества приграничных территорий. При этом, как представляется, беспочвенны надежды на то, что приграничные регионы самостоятельно выработают бесконфликтную модель двусторонних отношений, соответствующую интересам национальной безопасности России. Приграничные связи – всего лишь компонент двустороннего межгосударственного сотрудничества. Вне системы общегосударственных мер по обеспечению национальной безопасности взаимодействие приграничных регионов не способно нейтрализовать внутренние и внешние угрозы. При стечении неблагоприятных для Западной Сибири внешних обстоятельств, вызванных, например, целенаправленными действиями сопредельного государства, приграничное сотрудничество, не контролируемое федеральным Центром, может обернуться втягиванием региона в «обслуживание» интересов соседа даже в ущерб интересам российским. Однажды возникнув, подобная ситуация способна будет лишь усугубляться, поскольку взаимозависимость приграничных регионов станет заложницей стремления местных элит к переориентации сибирских территорий на политические центры вне России под лозунгом «обеспечения национальной безопасности».

Обсуждение доклада

Курныкин О.Ю.: Николай Владимирович, правильно ли я Вас понял, что укреплению безопасности России будет содействовать не расширение приграничного сотрудничества с Казахстаном, а наоборот, его ограничение? Так ли это?

Греков Н.В.: Спасибо за вопрос. Я специально оговорился, но, видимо, сделал недостаточно сильный на этом акцент, что приграничные связи необходимы, их развитие объективно способствует укреплению всего, что можно укрепить, но при этом всё это должно осуществляться под контролем Центра и в рамках специфической, специально выработанной, скоординированной программы, скоординированной между Центром и приграничными регионами. Если же инициаторами создания данных программ и её реализаторами выступают исключительно элиты приграничных регионов, то это может обернуться в целом для России, в частности, для Западной Сибири, мягко говоря, неблагоприятными последствиями, учитывая качественные характеристики наших политических элит.

Боронин О.В.: У меня сначала реплика, потом вопрос. По поводу угрозы безопасности при бесконтрольном развитии приграничного сотрудничества. Американское и канадское приграничье давно уже сотрудничают, причём там заведомо, также как в случае с США и Мексикой, есть ведомые партнёры. Тем не менее, ни Монреаль, ни Торонто не стали ещё американскими городами. Теперь по поводу сотрудничества в военной сфере со странами Запада, которое сегодня стремится осуществлять Казахстан. По Вашему мнению, не виновата ли в этом сама Россия? Они нуждаются сегодня в самолётах, они хотят создать свою Каспийскую военную флотилию, почему бы им не помочь? Мы же сами по лизингу не хотим поставлять им самолёты! Поэтому они обращаются к Америке, Франции. Это же нормально. Что Вы думаете на этот счёт?

Греков Н.В.: Здесь, я думаю, всегда надо помнить, что мы живём не в Америке и, соответственно, опыт Соединённых Штатов абсолютно не приемлем для Сибири, для России, находящейся в затяжном кризисе и т.д.

Что касается вопроса о нашем военном влиянии, которое должно поддерживаться военно-техническими вливаниями в казахстанские вооружённые силы, то совершенно верно, и в военной прессе отмечают этот факт как упущение министерства обороны. Действительно, упустили тот момент, когда Россия могла претендовать на заказы казахстанских лидеров. Здесь сыграли свою роль факторы субъективного характера, ведь заказ в Европе даёт преимущества определённого ха-

рактера многим чиновникам, которые осуществляют этот заказ. Заказ в России даёт меньше привилегий. Дальше, как рассуждали наши военные, создание военно-морского флота на Каспии у Казахстана, а там ещё и Туркменистан пытается создать, да плюс ещё Азербайджан... Против кого он будет направлен? То есть, немного не подумали, что можно было бы перехватить эту инициативу.

А что касается всех остальных закупок, то наиболее дорогостоящие заказы Казахстан стремится разместить на Западе, причём даже на военно-технических выставках в Москве в прошлом году военные обозреватели зафиксировали высказывания министра обороны Казахстана, что, например, система ПВО Казахстана не обязательно будет оснащаться системами российского производства, есть и другие производители. То есть, потихонечку идёт переориентация, и в этом процессе повинны, возможно, и наши чиновники военного ведомства, но Казахстан сам выбирает.

Тарасова Е.В.: Николай Владимирович, скажите, пожалуйста, какой из аспектов нелегальной миграции Вы имели в виду, говоря об Омской области: незаконное пребывание, нелегальная занятость (меня интересует именно форма)? Какие миграционные потоки представляют большую угрозу для Сибири – мигранты из Казахстана или транскозахстанская миграция из Центральной Азии, к примеру?

Греков Н.В.: Вы знаете, я не говорил, что миграция представляет угрозу для Сибири, я говорил о трансграничной преступности. Для Сибири именно нелегальная миграция может представлять угрозу: она связана с наркотиками, с контрабандой. А также и транзитная миграция, то есть идущая через территорию Западной Сибири на Запад и дальше.

Что касается миграции из Казахстана, именно из Восточного, то основной наплыв, как известно из средств массовой информации, схлынул ещё до 1997 г., когда из Казахстана «бежали» русские, немцы и т.д. Сейчас те, кто остался, прижились, и основной поток легальной миграции исчерпан или, во всяком случае, находится в контролируемых рамках и не ставит под угрозу экономическую жизнеспособность Омской области или какой-либо другой.

А что касается преступного мира, так на то он и преступный.

Никулин В.И.: Николай Владимирович, мне было очень приятно слушать Ваш доклад. Вопрос у меня такой. Вы за более сдержанное сотрудничество с нашим стратегическим партнёром Казахстаном или Вы считаете, что нужно кардинально менять приграничное сотрудничество? Кстати, Вы ничего не сказали о проекте, который только что появился, подготовлен документ, который претендует сегодня на луч-

ший документ в мировой практике о развитии приграничного сотрудничества России, в том числе с Казахстаном. Исходя из этого документа, который сегодня уже активно обсуждается, хочу спросить: тогда с кем мы остаёмся, кто тогда наш стратегический партнёр, если уже в лице Казахстана мы видим настороженность и более сдержанный подход?

Греков Н.В.: Спасибо за вопрос. Вы знаете, был у нас такой император Александр III. Ему задали вопрос о том, кто лучшие союзники России? Он ответил, что её армия и флот. Ещё один исторический пример. Великобритания – великая империя, которая очень долго жила с одним лозунгом, что у Британии нет постоянных союзников, у неё есть постоянные интересы. А вот мы почему-то всё время ищем, как тот хромоу, которому нужен костыль, кого-то: то друг Лукашенко, то друг ещё какой-то, то друг Фидель на далёкой Кубе. У России должны быть свои интересы и в соответствии с этими интересами, живя в дружбе, укрепляя добрососедские отношения, нужно использовать соседей, их потенциал для постоянного усиления и для решения, прежде всего, своих задач. А не как мы привыкли веками: укрепляй друга, отдавай последнее!

Что касается Казахстана, то я очень рад, если эта программа действительно объективно соответствует интересам национальной безопасности России, я счастлив, что она есть. Но до сих пор всё, что было, было в рамках реализации интересов частных лиц, я не побоюсь этого определения. Эти частные лица, надеюсь, реализовали свои интересы, теперь пора подумать об интересах России.

Калиева К.С.: У меня дополнение и вопрос. Документ, о котором мы говорили, о создании координационного совета, уже создан и называется «Наш общий дом». Кто контролирует приграничное сотрудничество? Приграничные районы готовят проект, который в любом случае утверждается в Центре. В России – президент, Кремль, в Казахстане – Астана. По времени, я думаю, этот вопрос решится уже на законодательном уровне, поскольку этот совет предполагает объединить усилия региональных законодательных органов власти и этот вопрос решать на уровне руководящих структур исполнительной власти и сопредельных структур Большого Алтая, а потом уже решать в Центре. Поэтому такой вопрос. Как Вы думаете, сотрудничество должно идти с Центра или в приграничных районах, и каковы перспективы этих связей?

Греков Н.В.: Центр для того и существует, чтобы контролировать и заботиться обо всех, он не сам для себя должен жить, что Центр казахстанский, что российский. Инициатива, если это межгосударственное сотрудничество, должна исходить из Центра с учётом интересов

приграничных регионов, которые тоже должны иметь своё слово и тоже вносить свою лепту. А то, что уже сформировалось, я могу процитировать нашего президента, когда он был недавно в Астане по поводу одного инцидента. Он сказал одну мудрую мысль: «Умные люди всех стран, объединяйтесь!». Вот это должно стать нашим лозунгом в межнациональных отношениях.

Филиппов В.Р.: Судя по всему, мы сейчас вынуждены будем убрать свои войска из Таджикистана. Как Вы думаете, в связи с этим, какую границу мы будем укреплять, северную границу Казахстана или южную границу Казахстана? Поясняю вопрос. Не попытается ли хитрый Назарбаев укрепить свои южные рубежи за наш счёт, а потом, как водится, показать России на дверь?

Греков Н.В.: Это вопрос к генералу погранслужбы. Из тех скудных сведений, которые я почерпнул в прессе, прежде всего, буквально в последние недели решён вопрос о том, что наши пограничники остаются в Таджикистане на некоторое время. Следующий вопрос о необходимости границ. Наше присутствие в Таджикистане мотивируется, прежде всего, наркотрафиком, который мы, якобы, там душим. Все, в том числе и сами пограничники, говорят, что на границе, в том числе этот опыт не только российский, задерживается 5–7% наркотиков. Основная часть наркотиков изымается уже на территории государства благодаря оперативным мероприятиям спецслужб.

Как мне кажется, если всё-таки Таджикистан найдёт способ вынудить наших пограничников уйти оттуда, то ни российско-казахстанскую границу, ни казахскую перекрыть мы будем не в состоянии. Видимо, поэтому держится этот передовой форпост, там ещё масса других задач военного-политического характера решается. Уход оттуда не влечёт укрепление и обустройство какой-то другой границы. Во всяком случае, на это, как явствует из заявлений наших руководящих лиц, денег нет.

Хилькова Н.В.: Считаете ли Вы возможным при каких-то обстоятельствах, пусть самых исключительных, объединение России и Казахстана?

Греков Н.В.: Опять же, на каких условиях? Мы с утра об этом говорили. Если на условиях Союза ССР, то восстанут Башкортостан, Татарстан и т.д. Я думаю, быть республикой на правах части России Казахстан никогда не согласится. Остаётся только высказать моё субъективное мнение по этому поводу: что, естественно, объединение, если такое возможно, было бы полезно и русскому и казахскому народам.

Степанова О.В.: Проблема соотношения трансграничного и приграничного сотрудничества и угроз национальной безопасности, конечно, важна. Никто не сомневается, что проблемы национальной

безопасности находятся в ведении Центра, это прерогатива Центра решать эти вопросы. То, что региональные, провинциальные элиты этим вопросом не занимаются, я думаю, не такая серьёзная их вина. Трансграничное сотрудничество – это веяние времени, и без этого сотрудничества невозможно современное экономическое, социальное и гуманитарное развитие. У меня такой вопрос. В характеристике середины 90-х гг. Вы говорили о политике попустительства во внешних связях отдельных приграничных регионов РФ. Я бы хотела услышать, на Ваш взгляд, если говорить о конце 90-х гг., начале 2000-х гг., можно ли выделить новые тенденции? Какие тенденции наиболее интересны и в дальнейшем будут развиваться?

Греков Н.В.: Самое главное, это новый президент, с новым подходом к решению накопившихся проблем. Я думаю, всё, что ни делается, делается к лучшему.

Что касается проблемы безопасности, то, безусловно, если Вы берёте вопросы военной безопасности и всего прочего комплекса, связанного с силовыми министерствами, то да, но я обратил внимание на то, что главные опасности для нашего региона – внутренние опасности экономического характера. Усиление, или какое бы то ни было развитие транснациональной торговли и сотрудничества на данный момент эти угрозы не снимает, а дальше я рассуждал по следующему поводу. Если в экономике мы проблемы безопасности не решаем, в экономике, в социальной сфере мы угрозы не снимаем, то, может, во внешней политике мы снимаем, благодаря приграничным связям? Но и там не снимаем. Я не пытаюсь ставить прерогативы Центра под вопрос.

Е.В. Дерюжина

Проблема национализма в евразийском учении

В связи с резким ростом активности этнических групп и обострением межэтнических отношений во всем мире, в особенности в многонациональных государствах, вокруг проблемы этничности развернулась острая дискуссия. Появились многочисленные теории этничности, пытающиеся объяснить природу и сущность этноса, этнической идентичности, ассимиляции, этнических конфликтов, национализма и т.д.

В мировой научной литературе вместо категории «национальное», наряду с категорией «этничность», широко употребляется термин «национализм». Этот термин в мировой литературе понимается широко, включая как негативные, так и позитивные явления в этнических процессах. Национализм является многозначным и обладает полиморфностью и поэтому может рассматриваться с разных точек зрения: как идеология, нравственный принцип, форма самосознания, форма самоопределения и т.д.

Необходимо отметить, что разработанные различными исследователями подходы к понятию «национализм» не носят взаимоисключающего характера, и потому перспективным способом исследования проблемы национализма будет, видимо, интеграция их наиболее важных аспектов. Многие этнологи полагают, что евразийские взгляды на проблему национализма могут стать ядром такого синтеза.

На настоящем этапе культурно-исторического развития человечества, как показывает анализ отечественных и зарубежных исследований, все более актуальной становится этническая характеристика тех или иных общественных проявлений. Ввиду все нарастающей этнокультурной мозаичности современной цивилизации все более актуальным становится комплексный, синтетический подход к исследованию проблемы национализма. Первыми этот подход попытались использовать евразийские ученые и исследователи. Этот подход определяется использованием оценок и закономерностей различных наук, позволяющих исследовать социально-этнические общности.

Смысл синтетического подхода евразийцев заключается в том, что на базовых законах гуманитарных и естественных наук в применении к изучению социально-этнических общностей и должны строиться различные модели социокультурного развития этносов.

Применительно к исследованию вопроса, связанного с национализмом, подход евразийских ученых позволяет целостно описывать всю полноту взаимодействия климато-географических параметров с поведением различных этнических общностей. При этом системно учитываются как природно-биологические, так и историко-культурные характеристики описываемых социально-этнических общностей. Собственно географические параметры, особенно тщательно исследованные П.Н. Савицким, выступают как системообразующие во всем многообразии элементов внутренней и внешней среды этнической общности.

Национальное, как особое проявление свойств этнического, в целом характеризуется тремя группами признаков – климато-географическими, расово-биологическими и социо-культурными. Синтетический подход предполагает, что все эти этнические признаки, характеризующие человека или общество, имеют либо этноинтегрирующую, либо этнодифференцирующую функцию. Это означает, что каждый из данных признаков либо объединяет этносы в определенное сообщество, либо разъединяет. В условиях «мозаичности» современной цивилизации такой подход позволяет учитывать весьма «тонкие» этнические различия и взаимосвязи.

Несмотря на то, что этносы существуют часто в единой социальной системе, различия между ними не стираются. Евразийские мысли-

тели утверждали, что взаимодействие этносов в социальной системе не ведет к ликвидации этнических различий путем их изменения или аккультурации; культурные различия могут сохраняться вопреки межэтническому контакту и взаимной зависимости.

По мнению П. Савицкого, к числу характеристик того, что в настоящее время понимается под национализмом, можно отнести: стремление к национальному самопознанию, обретению собственной культуры, обращение к своей истории, традициям, обычаям, типу хозяйствования. Евразийские мыслители не исключали такое свойство, как принятие ценностей других народов, способствующих укреплению и развитию данной социально-этнической общности.

Основой консолидации этноса является культура. Культурное единство, по мнению Н.С. Трубецкого, другого выдающегося евразийца, следует рассматривать не как основную характеристику национализма, но как результат его существования, более того, возможно, что даже как смысл этого существования. В свою очередь, это реализуется через взаимодействие данного этноса с другими этносами.

Евразийские мыслители выделяют различные типы национализма: «истинный» и «ложный». Трубецкой Н.С. выделяет три основных формы «ложного», отклоняющегося национализма: сепаратистский, «воинственный шовинизм», консервативный. В основе первого лежит мелкое тщеславие, «национальное самоопределение». Другой вид ложного национализма сводится к стремлению распространить язык и культуру своего народа на возможно большее число иноплеменников, искоренив в этих последних всякую национальную самобытность. Особой формой ложного национализма следует признать и тот вид культурного консерватизма, который искусственно отождествляет национальную самобытность с какими-нибудь уже созданными в прошлом культурными ценностями или формами быта. Культуре придается абсолютное значение, независимое от ее отношения к народу: «не культура для народа, а народ для культуры». Эти виды являются губительными для народа: первый вид приводит к национальному обезличению, к денационализации культуры; второй – к утрате чистоты национальной культуры, третий – к застою. Рассмотренные Н. Трубецким виды ложного национализма могут соединяться в разные смешанные типы. Истинный же национализм обладает, по мнению Н. Трубецкого, следующими качествами: «принципиально миролюбив и терпим, обладает особой чуткостью к культуре другого народа, способность к обмену культурными ценностями» [1].

Истинный национализм нередко у Н. Трубецкого отождествляется с национальным самосознанием, приверженностью к национальным

ценностям, культурной самобытности народа, способствующей дальнейшему развитию. Национализм же во взглядах И. Ильина, единомышленника евразийцев, органически связывается с такими понятиями, как «духовность», «религиозность».

Евразийцы объясняют всплеск национализма потребностью этнической общности в стабильности, в устойчивых жизненных ценностях, которые можно получить только в пределах этноса.

Встает вопрос, а могут ли быть всплески крайнего национализма на Евразийском пространстве, особенно такой его части, как России? Евразийские мыслители в своих работах научно обосновывали и доказывали, что между народами Евразии постоянно существовали и легко устанавливались отношения некоторого братания, предполагающие существование подсознательных притяжений и симпатий (обратные случаи, т.е. случаи подсознательного отталкивания и антипатии между двумя народами в Евразии очень редки). Одних этих подсознательных чувств, разумеется, недостаточно. Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место.

В результате евразийское этнокультурное общество оформляется как интегрированное сообщество, в котором связанность выше, чем дифференцированность. В нем все более заметную роль играют ценности сближения, объединения. И параллельно ослабевают привязанность, закрепленность социально-этнических общностей и пространства, обусловленная глобализацией вызовов, перед которыми оказывается сложно устоять. Изменение принципов организации евразийского социального пространства имеет сложные последствия – прежде всего для сохранения и развития культуры народов Евразии, что и пытались показать в своих учениях евразийские мыслители.

Таким образом, мы можем констатировать, что основателями евразийства национализм понимался как рефлексия этнического на определенные «вызовы» социальной системы и окружающего ландшафта. Эта рефлексия может протекать как в негативном, так и в позитивном направлениях. Важно отметить, что национализм в евразийском учении не тождественен этничности. То есть, национализм является производным качеством этнического. Этнические качества социально-этнической общности, в свою очередь производящей особую культуру, обогащают свои качественные характеристики через систему национальных ценностей. Мирное сосуществование народов Евразии может

порождать только ценности сотрудничества и толерантного отношения к другим народам и культурам.

Примечания

1. Трубецкой Н.С. Истинный и ложный национализм // Исход к Востоку. М., 1994. С. 53.

Н.А. Заусаева

Политическая философия о специфике определения национального интереса и национальной безопасности

Отечественная политическая наука, переходя в стадию зрелости, закономерно абстрагируясь от непосредственного анализа политических процессов, все чаще обращается к осмыслению их глубинной сущности, природы и политического смысла. Иначе говоря, накопленный эмпирический и теоретический материал нуждается в философском измерении, измерении, прежде всего, человеческой мерой. Проблемы и понятия, которые, казалось бы, уже в политологическом дискурсе обрели достаточно четкие очертания, в рамках политической философии получают иное звучание, раскрывают все новые грани своей многосторонней сущности. Среди подобных понятий и проблем едва ли не самой дискуссионной на сегодняшний день представляется национальная безопасность. Нельзя сказать, что в 90-е гг. эта проблема не являлась предметом внимания и обсуждения, но чаще всего дело ограничивалось скороспелым выдвиганием различных проектов, доктрин и полемикой вокруг них, в то время как решение подобных проблем предполагает взвешенный и всесторонне обоснованный характер выработки стратегии, подкрепленной материальными ресурсами.

Формирование национального самосознания также предполагает внесение определенной ясности по поводу национальной безопасности. Однако наиболее важной причиной интереса к этой проблеме, обнаружившегося уже в начале 1990-х гг., является становление российского государства после распада СССР, его самоопределение как в области внутринациональной, так и внешней политики. Этот процесс непосредственно связан с попытками вычленения общего (национального) интереса в новых условиях, выработкой стратегии государственной безопасности и уточнением позиций в отношении международной безопасности.

Следует признать закономерной сохраняющуюся на протяжении всего этого времени неопределенность как в подходах к решению этой проблемы, так и в определении понятия национальной безопасности. Обусловлена эта неопределенность, прежде всего, сложностью самого понятия и проистекающих отсюда проблем как в политической теории, так и в политической практике.

С точки зрения политической философии, имеющей дело прежде всего с сущностями политических явлений, национальная безопасность является одним из содержательных моментов национального интереса, понятия, которому присущ еще более дискуссионный характер. Подобный факт, однако, не означает, что следует ожидать определения понятия «национальная безопасность», чтобы затем внести ясность в понимание национального интереса. Национальный интерес, как правило, обнаруживает свое присутствие в государственной (национальной) идеологии, а таковой в нашей стране в настоящее время нет, и вопрос о ее содержании остается до сих пор открытым. Работа по ее формированию активно началась в определенных научно-политических кругах еще перед президентскими выборами 2000 г. В своих интервью некоторые участники этого процесса даже разъясняли принципиальный подход (являющийся по сути антропологическим), который будет положен ими в основу разработки новой идеологии. Те выборы давно прошли, в этом году состоялись уже следующие, а обещанных результатов не видно, как не видно и признаков деятельности той самой команды. Удивляться не стоит, в иных государствах на это уходили десятилетия, а то и столетия, поскольку в процессе формирования идеологии не должно быть спешки, ибо речь идет о вычленении тех ценностей, постижении тех глубинных мировоззренческих ориентиров, которые способны объединить граждан государства в достижении как общих целей, так и реализации их индивидуальных потребностей. У нас же этот процесс ко всему прочему осложняется многочисленными социокультурными расколами общества.

Формирование представления о национальном интересе, его определение отнюдь не должны представлять выработку и, тем более, провозглашение чего-либо конкретного в качестве национального интереса. Как показывает опыт других стран, национальный интерес оказывается определенным не в связи с появлением его четкой формулировки на официальном уровне, а в связи с формированием в общественном сознании консенсуса по поводу его понимания на уровне важнейших ценностей. Иначе говоря, достигается согласие, но для различных политических сил, социальных субъектов оно же означает возможность иметь свой, конкретный вариант понимания национального интереса, то есть остается возможность плюрализма в плане его формулировки и вычленения в нем опорных пунктов, иерархии ценностей и т.п. Это достигается посредством того, что никто на государственном, общенациональном уровне не стремится где-либо зафиксировать его точное определение, а лишь акцентируется внимание на его важнейших содержательных моментах. В идеологии это находит отражение в нежестком фиксировании иерархии ценно-

стей. Поэтому многие политические философы склонны считать, что национальный интерес, как, впрочем, и национальная идея, только тогда оказываются обретенными обществом, когда в результате длительного обсуждения разнообразными субъектами на всех уровнях общественного сознания по сути затухает процесс их поиска.

Такой подход позволяет избежать разного рода процедур вычленения субъекта национального интереса, которые чаще всего лишь усиливают имеющееся непонимание, национальные и социальные распри внутри страны и т.п., поскольку этот процесс связан не столько со сферой рационального в человеке, социальном субъекте, сколько со сферой иррационального, чувственного, где требуется величайшая осторожность. Столь широкое «определение» национального интереса позволяет соответствующим образом зафиксировать разнообразные приоритеты национальной безопасности, поэтому режим диалога, широкой дискуссии по этому вопросу вполне закономерен и может привести к ожидаемому результату – достижению общественного согласия в понимании этих важнейших составляющих государственной и национальной жизнедеятельности общества.

Г.В. Кагирова , Б.Н. Кагиров

Здоровье молодежи – основа национальной безопасности

Безопасность – это возможность осуществлять свою деятельность в социуме с минимальным риском для жизни, здоровья и жизнедеятельности.

Молодое поколение перестроечной эпохи живет в трудных условиях, которые связаны с экономическими проблемами, духовной и идеологической политикой. Перед молодым поколением извечно стояли вопросы самоопределения, выбора пути, и этот путь не всегда вел в «счастливую страну». Воздух «свободы» демократии в первую очередь привнес в жизнь молодежи заманчивые «сладости» в виде свободы отношений, свободы слова, свободы самовыражения, свободы производить над собой любые эксперименты. Часто вразрез с нормами права, морали, традиций молодые стремились к самовыражению. Интерес к сладкой жизни самых отчаянных быстро привел к горьким воспоминаниям и горю, связанному с потерей здоровья, смысла жизни, надежды на лучшее. В нашу жизнь вошли, казалось бы, очень редкие слова: наркотики, проституция... Но все это оказалось близким и пугающе опустошающим для многих молодых людей 90-х гг. прошлого века.

С чем связано такое неверие в будущее, такое безразличие к своей культуре, такое безволие в части молодежной среды? Прямой подрыв национальной безопасности – это потерянное поколение, или 2–3 поколе-

ния. К сожалению, в этом можно винить среди прочего и наркотическое зелье, поступающее к нам из-за пределов государства.

Многолетняя формальная борьба с наркобаронами привела к тому, что мы имеем детей, не обучающихся в школах, среди них распространены попрошайничество, воровство, непослушание. Среди факторов ухудшения состояния здоровья детей и подростков на одном из первых мест находится растущая распространенность девиантных типов поведения, в первую очередь потребление психоактивных веществ.

Анализ наркоситуации за 2001 г. показал, что наиболее потребляемыми наркотиками среди жителей Алтайского края являются опиаты (суррогаты опия – «ханка», синтезированные опиаты – героин). Не потеряло своей актуальности и потребление каннабиноидов (препараты конопли). Аналогичная тенденция распространенности и среди несовершеннолетних.

Наряду с препаратами опия, конопли в последнее время все более важное место на рынке нелегальных наркотиков занимают такие синтезированные наркотики, как экстази (стимулятор, производное амфетамина), ставший атрибутом вечеринок, молодежной субкультуры и сверхгаллюциногенное вещество – ЛСД.

Сложившаяся экологическая ситуация на территории Алтайского края имеет свои особенности:

- близость Семипалатинского полигона (снижение деятельности адаптационных систем организма);
- природно-климатические условия, обеспечивают богатую сырьевую базу (мак, конопля), благоприятную для производства наркотических веществ.

Геополитическое расположение Алтайского края способствует тому, что наиболее высокая заболеваемость регистрируется на территории, граничащей с Республикой Казахстан и далее вдоль разветвленной сети автомобильных и железнодорожных магистралей: в краевом центре, крупных городах и прилегающих к ним районах.

В последние годы увеличилось использование наркотических средств при использовании легкового транспорта, что создает дополнительную угрозу жизни.

Стабилизация произошла только в последние 2 года, когда была официально объявлена борьба с беспризорностью (эти дети, подростки, молодежь почти всегда имеют отношение к наркотическим средствам).

Картинки вечерних посиделок молодежи, ночных дискотек уже не видятся безобидными, а почти всегда предполагают употребление наркотиков. В печати Алтайского края недавно появилась информация о выявлении в ряде ночных дискотек фактов употребления «легких»

наркотических средств. Это редкие факты, когда кто-то задержан и предстанет перед законом, а значит, многие семьи обретут покой, а дети займутся добрыми делами. Почему возможна такая ситуация?

Думается, что наркотики – это не только неэффективные границы, но и попустительство лиц физических и юридических, которым удобно не замечать эти проблемы. Да и законодательство не имеет жестких законов, запрещающих и предостерегающих от употребления наркотиков.

Нелегальный ввоз чистых наркотических средств, средств пищевого и лекарственного назначения, имеющих в своем составе наркотические средства, большие объемы гуманитарной помощи, где возможна частичная фальсификация товара, – все это еще до конца не является прозрачным для государства.

Обучающие программы частных организаций, либо совместных с государством организаций, имеющие принципы «Молодые обучают молодых» не поддаются контролю и зачастую вместо предупреждения греха ему могут способствовать.

Как можно выйти из этого порочного круга?

Первый шаг, сделанный уже государством – это улучшение таможенного и оперативного контроля соответствующих служб за данной ситуацией, это увеличение числа специалистов, работающих с этой проблемой.

Но главное – это должна быть более соответствующая своему времени альтернатива развития молодежи, новый путь для молодежи. Этот путь должен быть не столько рациональным (что в этом возрасте мало понимается), но в большей степени – эмоциональным. Воспитание должно строиться на образе положительного героя, на возможности раскрыть свои лучшие качества в соревновании, в спорте, учебе, проведении отдыха. Должна быть разработана новая концепция увлекательной жизни для молодых, но при этом жизни созидающей и развивающей. Это путь и для отдельной личности, и для страны.

В материалах по обсуждению ситуации с наркоторговлей мы часто обвиняем террористов, неблагоприятные политические режимы смежных государств, забывая, что здоровому духу и телу вреда не причинишь. Значит, надо искать пути выхода из ситуации в совершенствовании духовного и физического развития, не на уровне частных инициатив, а на уровне государственных законов и решений.

Обсуждение доклада

Гончаренко Г.А.: Мне очень понравились два доклада: Н.А. Романович и Г.В. Кагировой. Я хотела бы их связать и задать, как доктору, такой вопрос: не считаете ли Вы, что реклама табака, пива, жестокость, насилие, наркотики, свободная продажа порнографических журналов

напрямую связаны с идеологией экстремизма, а потому мы и получаем такие результаты?

Кагирова Г.В.: Конечно, это так, однозначно, потому что это имеет прямое влияние на людей, проживающих в нашей стране. А молодое поколение воспринимает телевидение как учёбу: раз это по государственному телевидению, это надо принимать к сведению и этой дорожкой идти.

А.Л. Кобринский **Чеченский сепаратизм глазами В.В. Жириновского** **в 1993–1995 гг. Опыт контент-анализа**

Начнем с очень краткого пояснения, как проходила работа. Мы выделили из имеющегося массива стенографических отчетов о пленарных заседаниях Государственной Думы первого созыва части, непосредственно касающиеся интересующей нас проблематики. Провели работу по формированию соответствующей категории, получившей название «ЧЕЧНЯ». Сформировали список тем, отражающих основные направления в речах В.В. Жириновского, применительно к означенной категории. И, наконец, подобрав набор индикаторов – смысловых единиц текста, – конкретизирующих смысловое понимание категории, провели анализ посредством компьютерной программы «ТАСТ».

Впервые тема Чечни в речах лидера фракции ЛДПР Владимира Вольфовича Жириновского появляется 21 октября 1994 г., последний раз о ней идет речь на заседании 22 ноября 1995 г. Пик приходится на интервал с 16.06.95 г. по 19.07.95 г., когда категория «ЧЕЧНЯ» появляется 51 раз. Также два мощных всплеска приходится на 07.12.94 – 11.01.95 г. (29 раз) и на заседаниях 12.08.95 г. и 09.09.95 г. (31 раз).

Ниже приведены сведения об интенсивности упоминания изучаемой категории в динамике, по ходу дебатов в Государственной Думе. Это позволяет выявить периоды возрастания и угасания интереса лидера фракции ЛДПР к рассматриваемой категории. В таблице текст дебатов для простоты понимания динамики разбит на 10% временные интервалы, что приблизительно соответствует в среднем двум месяцам работы Думы первого созыва или 10–14 пленарным заседаниям, что в свою очередь аналогично такому же количеству стенографических отчетов о пленарных заседаниях ГД ФС РФ.

ДИНАМИКА ПОЯВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ЧЕЧНЯ» В ДЕБАТАХ СО ВРЕМЕННЫМИ ИНТЕРВАЛАМИ В 10% (части текста и количество упоминаний): 0–10% – 0, 10–20% – 0, 20–30% – 0, 30–40% – 4, 40–50% – 29, 50–60% – 11, 60–70% – 6, 70–80% – 51, 80–90% – 31, 90–100 – 15.

Первое появление приходится на 4 интервал (30–40%), и в последующем тема присутствует постоянно во всех 10 процентных отрезках. Это позволяет отметить тот факт, что лидер ЛДПР не упускал возможности после 21 октября 1994 года использовать тему чеченского конфликта как при прямом обсуждении этого вопроса, так и при дебатах, в центре которых лежали вопросы, не связанные непосредственно с чеченской проблематикой.

Этот тезис находит свое подтверждение при изучении контекста слов, сила связи с которыми категории «ЧЕЧНЯ» значительна. Например, Z-score (это показатель силы связи конкретного слова с контекстом; следует подчеркнуть, что в настоящей работе мы не будем использовать конкретные числовые показатели силы связи в связи с тем, что они затруднят восприятие текста) со словом «антирусская» достаточно высок, его контекст: «... Я ПРОШУ ВКЛЮЧИТЬ В ПОВЕСТКУ ДНЯ ВОПРОС О ТОМ, ЧТОБЫ ПРОСИТЬ ПРЕЗИДЕНТА И ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛИШИТЬ ЛИЦЕНЗИИ ТЕЛЕКОМПАНИЮ «НТВ»... НАМ УЖЕ НАДОЕЛО СЛУШАТЬ НА ЧЕЧЕНСКИЕ ДЕНЬГИ АНТИРУССКУЮ ПРОПАГАНДУ» (Стенограмма пленарного заседания ГД ФС РФ от 13 января 1995 г.).

Абсолютно очевидно, что здесь не обсуждается конфликт в Чечне, а чеченская тема использована для акцентуации проблемы, связанной с телекомпанией НТВ. Следующий пример – слово «губерния», его Z-score с изучаемой категорией так же очень высокий. Контекст таков: «... САМОЕ ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ ПРЕКРАТИТЬ ВСЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ, ЭТО ПЕРЕЙТИ К ГУБЕРНСКОМУ ДЕЛЕНИЮ В СТРАНЕ. КРОВЬ ЛЬЕТСЯ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ЕСТЬ ЧЕЧНЯ И СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ. ЕСЛИ БУДЕТ СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ И СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ ГУБЕРНИЯ, НИКАКОЙ КРОВИ НЕ БУДЕТ, ВСЕ ГРАЖДАНЕ БУДУТ РАВНЫ. МЫ ИСКУССТВЕННО ВЫЗЫВАЕМ ДИСКРИМИНАЦИЮ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ» (Стенограмма... от 16 июня 1995 г.).

Из этого фрагмента видно, что, во-первых, обсуждается национальная проблема и, во вторых, Жириновский касается вопроса государственного строительства, и к его видению этого важного вопроса также хотелось бы привлечь внимание. Чеченская тема здесь задевается вскользь для придания большей убедительности аргументационной базе по обсуждаемому кругу вопросов.

Эти примеры далеко не единственные. Из 143 раз появления категории «ЧЕЧНЯ» только 56 (!), что немало, были непосредственно связаны с обсуждением чеченского конфликта. В 76 случаях использование изучаемой категории было отмечено в качестве либо веского дока-

зательства, либо иллюстративного материала при обосновании того или иного положения в речах Жириновского по самому широкому кругу вопросов. И в 11 случаях тема Чечни увязывалась с общим сценарием развития ситуации в стране: «ЧЕЧНЯ – ЭТО НЕ ПРОСТО ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА, ЭТО ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА О РАСЧЛЕНЕНИИ СССР, КОТОРЫЙ ЕДИНОГЛАСНО ПРИНЯЛ АМЕРИКАНСКИЙ КОНГРЕСС В 1959 ГОДУ... ЧЕЧНЯ ОЧЕРЕДНОЙ СЦЕНАРИЙ. НЕ МУЧАЙТЕСЬ С ЧЕЧНЕЙ! О РОССИИ ДУМАЙТЕ!» (Стенограмма... от 16 декабря 1994 г.).

Основные темы выступлений, вошедшие в этот блок, следующие: Чечня, конфликт в Чечне, чеченский вопрос, ситуация вокруг Буденновска, Басаев, ситуация на Северном Кавказе, переговоры с чеченцами, о захвате солдат в плен. Следует еще раз подчеркнуть, что это условные названия, и затрагивать эти темы лидер ЛДПР мог, например, когда говорил о ситуации в стране, или о силовых министрах, или об армии, а возможно, о СМИ или о государственном строительстве и т.д. Возможности программы «ТАСТ» позволяют «выловить» интересующие нас фрагменты текста, используя соответствующие индикаторы, которые, в свою очередь, исследователь может определить, сделав предварительный анализ текста.

Переходим непосредственно к чеченскому вопросу. Выступая на заседании 22 декабря 1994 г., Владимир Вольфович высказал следующую позицию: «...Я ХОЧУ СКАЗАТЬ, – ПО ПОВОДУ ЧЕЧНИ. ЗДЕСЬ НАДО БЫ ВСЕМ УСПОКОИТЬСЯ, НИ ВО ЧТО НЕ ВМЕШИВАТЬСЯ. ЕСЛИ ВО ВРЕМЯ ХИРУРГИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ БУДУТ ВСЕ БЕГАТЬ, ТО БОЛЬНОЙ ПОГИБНЕТ... ЭТО НЕ ВОПРОС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. ЭТО ВОПРОС ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ...» (Стенограмма... от 22 декабря 1994 г.).

11 января 1995 точка зрения была несколько скорректирована: «... У НАС НЕТ ЧЕЧЕНСКОГО КРИЗИСА – У НАС ЕСТЬ КРИЗИС РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА... ПОЭТОМУ Я ПРЕДЛАГАЮ СКОРРЕКТИРОВАТЬ НАЗВАНИЕ В ПОВЕСТКЕ ДНЯ ТАКИМ ОБРАЗОМ: ОБ УКРЕПЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ – И ЧЕЧЕНСКИЙ ВОПРОС ОБСУДИТЬ В РЯДУ ДРУГИХ ВОПРОСОВ, ПОТОМУ ЧТО ОН ПРОИСТЕКАЕТ ИЗ СОБЫТИЙ 1991, 1993 ГОДА И ПОСЛЕДУЮЩИХ ЛЕТ» (Стенограмма... от 11 января 1995 г.; ср. 13 января).

С 05 июля 1995 г. Владимир Вольфович начинает высказывать определенную заинтересованность в участии в разрешении чеченского конфликта: «... ИДУТ ПЕРЕГОВОРЫ ПО ЧЕЧНЕ.... Я СЧИТАЮ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ВЕСЬ ПАРЛАМЕНТ ДОЛЖНЫ

ТОЖЕ В ЭТОМ УЧАСТВОВАТЬ... Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ПРОФИЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В ЭТИХ ПЕРЕГОВОРАХ И УЧИТЫВАЛАСЬ ПОЗИЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ» (Стенограмма... от 5 июля 1995 г.).

Сравнивая два выступления от 22 декабря 1994 г. и от 05 июля 1995 г., нельзя не обратить внимание на существенное изменение в позиции лидера ЛДПР, произошедшее за 7 месяцев. Следует также отметить тот факт, что, говоря о переговорах в Чечне, Жириновский 12 июля 1995 г. резко высказался против участия в них представителей СБСЕ. А 7 июля 1995 г. лидер ЛДПР гневно осудил позицию Правительства РФ за его нежелание или неспособность занять жесткую позицию на переговорах в Чечне. Жириновский потребовал от Правительства «... НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЬ ПЕРЕГОВОРЫ С БАНДИТАМИ, ВОЗОБНОВИТЬ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ И БОЛЬШЕ НЕ ВМЕШИВАТЬСЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИЛОВЫХ МИНИСТЕРСТВ, ОТВЕТСТВЕННЫХ ЗА НАВЕДЕНИЕ ПОРЯДКА В ЧЕЧНЕ!» (Стенограмма... от 7 июля 1995 г.).

14 июля 1995 г., говоря о причинах возникновения чеченского конфликта, лидер ЛДПР отметил наличие двойного стандарта при решении однотипных вопросов, что, по его мнению, не допустимо: «... стандарт должен быть один: или всем право на самоопределение, или никому». Радикальное изменение первоначальной позиции Жириновского по отношению к чеченскому конфликту отмечено на заседании 12 августа 1995 г., то есть, фактически, через 8 месяцев после начала конфликта. Однако, вероятно, было бы неверным говорить о непоследовательности лидера ЛДПР в ключевых моментах проблемы. Представляется, что объяснение подобного изменения в отношении к проблеме следует искать в том значении, которое придавала фракция ЛДПР вопросам, связанным с чеченской проблемой. Жириновский теперь уже последовательно настаивает на том, чтобы «поставить первым вопрос о Чечне – это война на территории России», и дальше: «Я КАТЕГОРИЧЕСКИ НАСТАИВАЮ ОТ ФРАКЦИИ ЛДПР: НЕМЕДЛЕННО НАЧАТЬ ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА ПО ЧЕЧНЕ» (Стенограмма... от 12 августа 1995 г.).

Как мы видим, это требование коренным образом отличается от тех, что были зимой и весной 1995 г.: «...по Чечне ничего в повестку дня не включать...». Но основной тезис: « то, что сейчас происходит в Чечне, – это не шутки, это все подготовлено...» остался неизменным. Жириновский по прежнему считает, что «... вся эта война случилась как большая провокация...», направленная на дальнейший развал России, и «цель одна – вызвать не-на-висть. Ненависть!..» к русскому на-

роду, к России. Учитывая это, Владимир Вольфович предлагает «заставить Правительство прекратить вести переговоры, отозвать все эти комиссии и заставить нового министра внутренних дел Куликова прекратить любое кровопролитие, любое кровопролитие в Чечне. И все заморозить... И начать расследование здесь, в Москве». Потому, что «сценарий продолжает двигаться к гражданской войне». Этот призыв и позиция также отличны от призыва, сделанного месяц назад 07 июля 1995 г. – «возобновить боевые действия и... не вмешиваться в деятельность силовых министерств».

27 октября 1995 г. точка зрения на проблему разрешения конфликта вновь меняется: «МЫ ЖЕ В ЧЕЧНЕ ПРОДОЛЖАЕМ ИГРАТЬ В ВОЙНУ! МИНИСТР ОБОРОНЫ ПРАВИЛЬНО СКАЗАЛ В НОЯБРЕ 1994 ГОДА О ТОМ, ЧТО ЕМУ НУЖНА ВСЕГО ОДНА НЕДЕЛЯ. НО ПРЕЗИДЕНТ – ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ – НЕ ДАЕТ ТАКОГО УКАЗАНИЯ. ЗНАЧИТ, ПУСКАЙ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ДАСТ УКАЗАНИЕ МИНИСТРУ ОБОРОНЫ НАВЕСТИ ПОРЯДОК В ЧЕЧНЕ ЗА ОДНУ НЕДЕЛЮ» (Стенограмма... от 27 октября 1995 г.). Трудно себе представить, чтобы министр обороны, во-первых, принял к исполнению указание кого-либо, кроме президента (поэтому говорить о серьезности подобного предложения трудно, но сама позиция интересна), а во-вторых, наводил порядок за неделю не силовыми методами.

На заседании 22 ноября 1995 г. лидер ЛДПР так характеризует цель продолжающейся войны: «А... ЦЕЛЬ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ ОДНА... ЗА ВРЕМЯ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ ИЗМОТАТЬ НАШУ АРМИЮ И ПОЛУЧИТЬ ПОВОД ЕЕ РАСФОРМИРОВАТЬ... ВОТ В ЧЕМ ЦЕЛЬ... ВОТ ПОЭТОМУ ЧЕЧЕНСКУЮ ВОЙНУ И ЗАТЯГИВАЮТ» (Стенограмма... от 22 ноября 1995 г.).

Здесь же он вновь призывает депутатов особо не вмешиваться в этот вопрос и не «подогревать». Вывод российских войск из Чечни Владимир Вольфович оговаривает одним условием – «... одновременно выведем из Чечни 4 тыс. боевиков... и оставим в покое мирное, гражданское население Чечни». А по вопросу о создании независимого чеченского государства позиция лидера ЛДПР была вполне определенной – это допустимо, «... но территория будет расположена за Кавказским хребтом. А на Северном Кавказе – это неделимая часть России на вечные времена».

Изучение категории «ЧЕЧНЯ» показало, что в выступлениях Жириновского она использовалась в трех случаях: При обсуждении непосредственно чеченского конфликта – 56 раз; в качестве иллюстративного материала при обосновании различных положений и тезисов – 76 раз;

тема Чечни увязывалась с общим сценарием развития ситуации в стране – 11 раз. Следует отметить, что, несмотря на непоследовательность в ряде пунктов, основная линия в определении сущности конфликта осталась неизменной. Лидер ЛДПР провел границу между своим видением цели развязанного конфликта – дальнейший развал России, и цели затягивания войны – развал армии как задачи для достижения основной цели конфликта, стоящей в ряду других задач этого же плана – взорвать Северный Кавказ, втянуть Дагестан, Осетию, установить контроль за нефтяными потоками и т.д.

Обсуждение доклада

Греков Н.В.: Спасибо, Александр Львович, за интересный доклад! Вы работаете только по Жириновскому?

Кобринский А.Л.: Дело в том, что это не единственная моя работа. Был сделан ряд работ, они были поданы Г. Явлинскому, Г. Зюганову и В. Жириновскому. Единственный, кто позвонил мне на мобильный телефон, был Владимир Вольфович. Мы с ним договорились о встрече, он сказал, что хотел бы видеть более развёрнутые работы. Я сказал, что я из МГУ и ни на кого из политиков я работать не буду. И если я буду это делать, то объективно. Он попросил сделать объективно. Я сделал. Результаты есть у В.Н. Владимирова, если кому-то интересно, могут потом посмотреть.

Гончаренко А.И.: Спасибо, конечно, за доклад, Александр Львович, но у меня маленький вопрос и перед этим небольшая ремарка. Я сидел, слушал и как бы вспоминал своё детство, когда мы все в школе изучали труды В.И. Ленина. Это было, конечно, очень интересно. А потом, когда уже подросток, мы в школе так же изучали труды Л.И. Брежнева. Я думаю, что Вы правильно сделаете, если подарите этот развёрнутый труд Владимиру Вольфовичу Жириновскому, потому что, наверное, так детально никто ещё не изучал политиков. Наверное, даже прославленный Туркмен-Баши позавидовал бы столь детальному изучению. Что касается стереотипа о Жириновском, что при официальных выступлениях он один, а при отсутствии микрофонов другой, то не Вы первый сделали это открытие. Это уже известно давно, это своеобразная форма существования В.В. Жириновского. А вопрос мой в следующем: я, как и Вы, кандидат наук, только медицинских, и я привык, что, когда готовится научный труд, там обычно идёт актуальность проблемы, а в конце выводы и практические рекомендации. Вот только после этого труд, можно сказать, имеет прикладной характер. Пожалуйста, скажите, что предопределяло в Вашем научном труде актуальность проблемы, почему Вы подошли именно к этой проблеме? Спасибо.

Кобринский А.Л.: Я ещё раз объясняю, что актуальность, на мой взгляд, здесь колоссальна! Почему? Потому что у нас существуют

мощные стереотипы о политиках. Я подчёркиваю, что я изучаю не только Владимира Вольфовича. Выходя с докладом о В.В. Жириновском на любую аудиторию, я понимаю, что я вызываю к себе. В этом тоже есть стереотип.

Вы тут мне мягко намекнули, что я изучал его труды, как Вы изучали труды Ленина. Так вот, я Вам скажу, что не его труды я изучал. Вы невнимательно слушали. Я изучал стенограмму Государственной Думы, в этом, позвольте заметить, принципиальная разница. То, что политик высказывает в СМИ, по телевизору, по большому счёту, он высказывается, как частное лицо, и никакой ответственности за то, что он говорит, он не несёт, это ничего не означает. Когда он выступает с трибуны Государственной Думы, это его рабочее место, его «токарный станок», он там на работе. И для меня очень важно, что он говорит там! Взять, например, Григория Алексеевича Явлинского: казалось бы, интеллигент! Я что угодно ожидал увидеть, но что его вообще никак не интересовала тема образования в России в эти сложнейшие годы?! Взять Г. Зюганова, который, казалось бы, должен заниматься социальной защитой, да? У Жириновского и Явлинского гораздо больше посвящено выступлений социальной защите на их рабочем месте, не на митинге, не по телевизору у Шустера, например, а на рабочем месте!

Вот для меня, как для человека, который идёт на выборы, и который собирается голосовать и определяться, я считаю, архиважно знать, за кого Вы голосуете, как Вы голосуете. Чтобы не быть тем человеком, которого приводят и который дружно со всеми голосует за «Единую Россию». А потом все бегают и кричат, что отменяют льготы! Но, вы же за них проголосовали! Молчите, ждите, что будет дальше, на следующих выборах. Актуальность темы сформулирована в моих книгах, Вы можете взять почитать, они доступны, они есть в библиотеках. Ещё раз говорю об актуальности в двух словах: развеять стереотипы и посмотреть, чего реально стоят наши политики. Вы считаете, это не актуально?

Гончаренко Г.А.: Я по образованию тоже врач, председатель Алтайской краевой общественной женской организации «Надежда». Есть такая детская сказка, называется «Золушка». Там сидят сёстры Золушки и пишут: «Принц сказал ха-ха – 2 раза, посмотрел в сторону на сестру Золушки – 5 раз, поковырял в носу – 10 раз». Вопрос: а женится ли принц на сестре Золушки? Так вот, у меня после Вашего доклада такой вопрос: Жириновский сказал то-то – 10 раз, сказал про Кавказ – 50 раз... Скажите конкретно, что сделал Жириновский, и что Вы хотели этой работой сказать? Мы совершенно не поняли, хорош Жириновский или плох, будет ли он президентом, и вообще, о чём речь?

Кобринский А.Л.: Моя функция не сводится здесь к тому, чтобы Вас убедить в том, хороший или плохой Жириновский. Я Вам показы-

ваю, что он делал, а Вы решайте сами, хороший он или плохой. Я говорю, как он использовал эту тему, для чего, какую позицию занимал, и как она менялась. А Вы будете сами для себя внутренне определять, хороший он или плохой, правильно он сказал или нет. Что касается других цифр, если мне не изменяет память, как меня учили в школе, словарный запас А.С. Пушкина составлял около 25 тыс. слов, Лермонтова – около 14 тыс. У Жириновского – 15,5 тыс., у Явлинского за то же самое время – около 9 тыс. слов, понимаете? Мне, как профессионалу, это говорит об образовательном уровне человека. Чем большее число тем человек затрагивает, как депутат, тем на большее количество событий он в состоянии откликнуться и среагировать – это его работа. Вы его туда для этого выбрали, и я, как налогоплательщик, за это ему плачу.

Боронин О.В.: У меня небольшая реплика. Вы сказали, что Ваши исследования будут способствовать развеиванию стереотипов о политике. Но, по-моему, более актуально анализировать не то, что политики говорят в Думе, а результаты голосования, я прав?

Кобринский А.Л.: Вы абсолютно правы. Но делопроизводственная документация Думы – колоссальный объём, и один человек не может заняться этим. Безусловно, интересно потом сравнить, что же они говорят, и как же они голосуют. Но для того, чтобы это сравнить, сначала надо понять, что они говорят.

Боронин О.В.: Извините, я к политике не хотел переходить, но по социальной защите Зюганов, может, ничего не говорил, но посмотрите результаты голосования по социальным законам, и всё станет ясно, кто Жириновский, и кто Зюганов.

Кобринский А.Л.: Извините, дело в том, что я работал и с тем, и с другим человеком, достаточно много лично общался. У меня о них своё мнение, и не хочу сейчас его как-то засветить по отношению к обоим. Я говорю об объективной реальности. Допустим, я прихожу на своё рабочее место и не делаю свою работу, а потом выхожу с завода и рассказываю, как я мог бы чудесно и прекрасно соорудить или сваять нечто, но мешает что-то. Ты приходи к станку и сделай, всё!

Овчаров Г.А.: Спасибо, Александр Львович, за интересное сообщение. Я думаю, что небольшая дискуссия, которая развязалась, вызвана тем, что в определённый момент возникло недопонимание смысла Вашей работы. Сам доклад по сути очень интересный, но вопрос, который я хочу задать, несколько выходит за обозначенную нами тему. Не так давно в СМИ прошло сообщение о письме, подготовленном рядом ведущих, может быть, бывших, но активно действующих военных, американских политиков. В письме говорилось, что политика нынешнего президента США представляет собой угрозу национальной

безопасности. На Ваш личный взгляд, выступления Жириновского как политика и государственного деятеля не несут в себе какой-то элемент угрозы национальной безопасности России?

Кобринский А.Л.: Вопрос понятен. Давайте договариваться о терминах. Что мы понимаем под угрозой национальной безопасности? Я не считаю, что выступления В.В. Жириновского несут в себе угрозу национальной безопасности, в особенности для России. Я так не считаю. Почему – это отдельная тема. Я не могу сказать, что я с ним был согласен во всём, в том числе и на последней выборной кампании. Имея возможность общаться, я был абсолютно не согласен с выдвинутым лозунгом ЛДПР «Мы за русских, мы за бедных!». Я предлагал иной вариант, но его объяснения я понял.

Что касается других вопросов, то губернское деление, о котором здесь говорилось и в первом докладе, и вообще упоминалось, Владимиром Вольфовичем было впервые, именно им, предложено в 1995 г. Это абсолютно его идея. Мы сейчас без оценок будем говорить. Абсолютно его идея либеральной империи, которую недавно Чубайс опубликовал в газете и подал это, как исходящее от себя. Там не названа либеральная империя, но все основные позиции, если Вы возьмёте, то найдёте в его речах с 1995 по 1998 гг. И так по очень и очень многим вопросам.

Иногда при анализе речей у меня складывалось впечатление, что его устами иной раз в общество вбрасывались какие-то идеи, к которым бы общество привыкало. Дальше смотрели на реакцию общества. Я стал изучать это, потому что меня удивило, что многие вещи, если Вы посмотрите назад, были озвучены устами Жириновского. А, общаясь с ним в частных беседах, могу вам сказать, что все те прогнозы, которые он давал, вплоть до Фрадкова, о котором я вообще слыхом не слыхивал в ноябре ещё прошлого года, он их все озвучил. Это очень осведомлённый человек, он очень чётко понимает, о чём он говорит и зачем он это говорит. Другое дело, что говорит он это так, что не всем всегда нравится и понятно. Но это уже проблемы его имиджмейкеров, которых, кстати, у него нет.

Л.Г. Коваленко
Сущность информационной безопасности
и проблема выживания личности

В современном взаимосвязанном мире, особенно на фоне расширения ЕС и событий на Ближнем Востоке, новое звучание приобретает проблема безопасности во всей ее многоаспектности. Что такое безопасность? Это, прежде всего, отсутствие угрозы жизни и основным атрибутам человеческого существования; это защищен-

ность, обеспечение сохранности основных жизненных ценностей. Отсюда сама безопасность есть главная ценность, без которой значимость других ценностей сомнительна: кому нужны свобода, благосостояние, если отсутствуют гарантии безопасности личности? Противоположностью безопасности является состояние социальной катастрофы, которое характеризуется низким уровнем обеспечения безопасности вследствие разрушения властных механизмов, то есть, когда возможности реализации или защиты человеческих ценностей блокируются, разрушаются, общество деформируется. Особое значение в этом плане имеет информационный аспект безопасности, предполагающий возможность получения полной и разносторонней информации всеми членами общества, их свободу от воздействия идеологических систем, хотя последнее достаточно проблематично. В некоторых странах, например, в США, России, есть законы или статьи в конституции, регулирующие доступ к информации. Информационная безопасность личности характеризуется защищенностью психики, сознания от опасных информационных воздействий (манипулирования, дезинформирования, побуждения к самоубийству, террористическим актам), она зависит как от личностных качеств (психологических, интеллектуальных), так и от социальных и правовых условий в обществе.

Особо следует выделить такие направления информационной опасности, как информационный терроризм, воздействующий на психику людей, управление их поведением; неточность информации, исходящей от СМИ; чрезмерная раскрытость общества, создающая впечатление отсутствия государственных тайн, коммерческих секретов, нагнетающая порой нездоровую атмосферу в обществе – страх, нервозность, нетерпимость (религиозную, национальную); электронная слежка за населением, партиями; использование компьютерных сетей; отсутствие ответственности за информацию и др. Все это предполагает необходимость вырабатывать личностные и групповые навыки к адекватному восприятию и мерам в информационном противоборстве, а это уже в первую очередь задача государства, которое, используя свой властный ресурс, обеспечивает нормативное регулирование информационных потоков, меру ответственности за информацию, наносящую вред психическому и физическому здоровью личности (общества); образовательные учреждения формируют определенную культуру восприятия информации и соответствующего поведения, но здесь очень значим субъективный фактор (воспитатель, педагог, руководитель).

Плодотворно исследовать проблему безопасности личности, в том числе информационной, можно в рамках формирующейся новой вита-

листской парадигмы, в основе которой лежит концепция жизненных сил человека, по-новому рассматривающая взаимодействие жизненных сил и жизненного пространства человека, т.е. это проблема новых способов выживания, жизнеосуществления человека, формирования нового образа жизни, характера взаимодействия со средой обитания; не последнее место в этих процессах принадлежит информации (ее качеству, способам распространения и т.п.).

Исходя из вышесказанного, следует подчеркнуть, что необходима в настоящее время и на будущее полная информатизация России, что создает условия для информатизационной самореализации каждой личности, раскрытия ее способностей в условиях свободного доступа к любой информации, включенной в социальные коммуникации и информационные банки. Именно такое положение в информационном пространстве является залогом информационной безопасности и, в более широком смысле, национальной безопасности.

Литература

1. Демидов А.И. Учение о политике: философские основания. М., 2001.
2. Коваленко Л.Г. Проблема справедливости в социологическом витализме // Неклассическая социология в современной России: накопление методологического потенциала и технологических возможностей. М., Барнаул, 2003. С. 223.
3. Потрубач Н.Н. Проблемы информационной безопасности // СГЗ. 1999. №2. С. 264–268.

Н.Л. Краснобаева Миграционное движение население Казахстана по данным переписи 1926 г.

Миграционные процессы, отмеченные в материалах переписи 1926 г., оказали существенное влияние на формирование численности населения Казахстана, особенно в первой четверти XX в. В данном контексте миграции могут быть интерпретированы как процесс массовой реакции населения на изменяющуюся ситуацию. Эти качества миграций позволяют исследовать эволюцию общественного развития, дают возможность отследить все его повороты, очертить фазовые состояния и переходные периоды [1].

Материалы переписи 1926 г. включали вопросы о миграции, но в полном объеме можно судить только о численности осевших. Ответы на вопросы переписного листа о продолжительности проживания и миграции населения при переписи были получены путем выборочного опроса.

По итогам переписи 1926 г., общая численность населения составила 6503 тыс., в их числе 1601 тыс. человек в момент переписи отме-

чено не в том населенном пункте, где они родились. Причем половину из них составляли крестьяне-переселенцы и коренное население, сменившее место жительства до 1916 г. Таким образом, в декабре 1926 г. было зарегистрировано свыше 800 тыс. неместных граждан, переехавших с 1916-го по 1926 гг. Вновь прибывших оказалось на 638,8 тыс. больше, чем выехавших за пределы республики, то есть сложилось положительное сальдо миграции. Большая часть из них переселилась из Центра, Поволжья, Украины; меньшая – из Сибири, Урала, Белоруссии, Средней Азии. Иммигранты из европейской части расселялись в районах богарного земледелия, степной и лесостепной зонах, которые по агроклиматическим условиям были близки к районам выхода мигрантов. К тому же, приехавшие из Европейской части России поселялись среди русских и украинцев, попадая таким образом в близкую этническую среду.

Таблица 1

**Число неместных уроженцев по регионам Казахстана
по Переписи 1926 г.**

Губернии	Наличное население	Местные уроженцы	Число неместных уроженцев	% к наличному населению
Акмолинская	1211552	792662	409608	33,8
Кустанайский округ	389336	239804	147428	37,9
Север	1600888	1032466	557036	34,8
Джетысуйская	887845	686055	196798	22,2
Сыр-Дарьинская	1157088	987978	165770	14,3
Кара-Калпак.авт	304541	285340	17665	5,8
Юг	2349474	1959373	380233	16,2
Семипалатинская	1310186	964601	338866	25,9
Восток	1310186	964601	338866	25,9
Уральская	638021	476846	157052	24,6
Актюбинская	468882	320966	145801	31,1
Адаевский уезд	135555	112177	22000	16,2
Запад	1242458	909989	324853	26,1
Итого по Казахстану	6503006	4866429	1600988	24,6

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения – 1926 г. Том 8. Казахская АССР, Москва, 1928. С. 108–109

Наибольшей миграционной подвижностью отличались Север, Восток и Запад Казахстана, где в Кустанайском округе (37,9%), Акмолинской (33,8%), Актюбинской (31,1%) и Семипалатинской (25,9%) губерниях отмечался наивысший процент мигрантов. Губернии Юга Казахстана оказались менее благоприятными для переселенцев. Здесь положительное сальдо было отмечено только в Сырдарьинской (14,3%) и Джетысуйской областях (22,2%).

По сравнению с данными переписи 1897 г., на территории Казахстана увеличилось количество переселенцев на Востоке и Западе, при этом наблюдается уменьшение доли переселенцев в составе населения на Севере Казахстана (рис. 1).

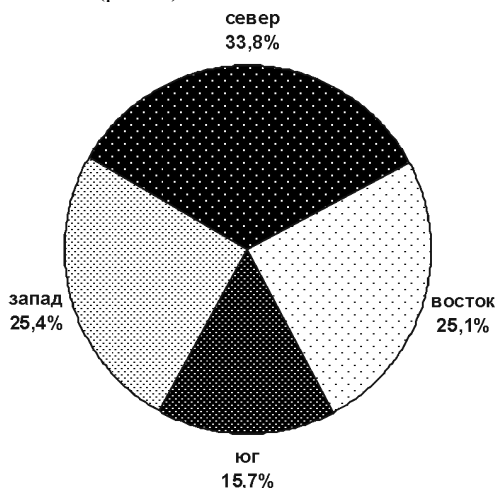

Рис. 1. Число неместных уроженцев по регионам Казахстана по Переписи 1926 г., в %

С 1921 по 1925 гг. численность «неместных уроженцев» в Казахстане распределялась относительно равномерно, в 1926 г. наметилось снижение: 1921–1923 гг. – 53,8%; 1924 – 17,6%; 1925 – 16,3%; 1926 – 12,8%. (Рис. 2). Есть основание утверждать, что большинство «неместных уроженцев» – это люди, возвратившиеся на родину после периода голода 1921–1922 гг. Подтверждением данного положения может служить то обстоятельство, что часть «неместных уроженцев» составляли казахи (31,4%) возвращающиеся на территорию Казахстана. Находясь в Казахстане свыше 3-х лет, они составляют самостоятельное население (42,2%), в основном занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью.

При переписи было учтено 17,1% жителей, проживающих на месте прохождения переписи менее 2-х лет, что свидетельствует об устойчивости миграционных процессов. Данная категория неместного населения, переехавшая в 1924–1926 гг., включала самостоятельное население: 37,3% рабочих, 24,7% хозяева-одиночки и члены их семей, в основном занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью (22,8%). В большинстве своем по национальному составу – русские (23,8%).

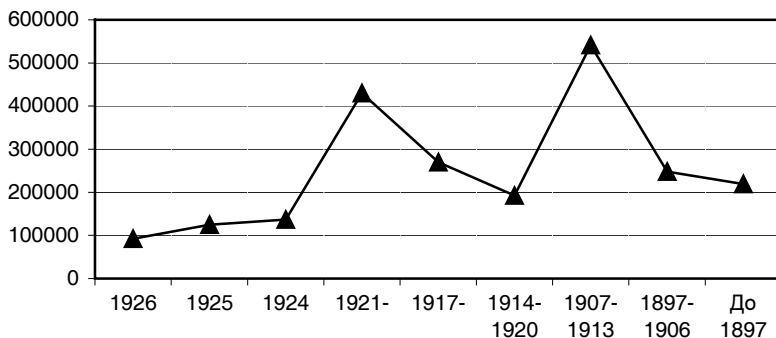

Рис. 2. Время прихода неместных уроженцев, проживающих постоянно в Казахстане

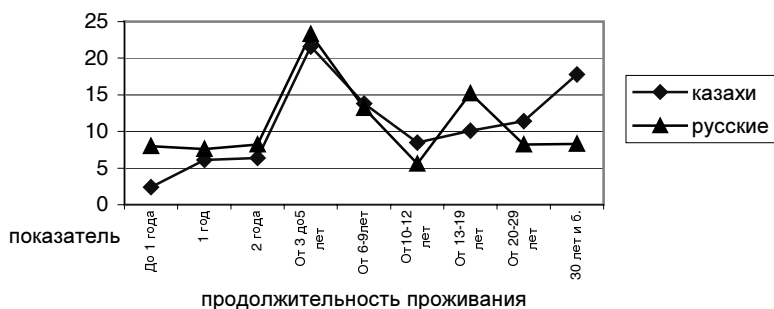

Рис. 3. Неместные уроженцы, постоянно проживающие на территории Казахстана по продолжительности проживания

В Казахстан из иностранных государств прибыло 2111 человек, из них мужчины составляли 74,8%, женщины 25,2%. Большая часть

приехавших из дальнего зарубежья становились городскими жителями (67,7%). В сельской местности сохранялся высокий показатель приехавших из Китая.

Основной приток иностранцев был направлен на Юг Казахстана, в частности, в Жетысуйскую губернию (30,7%), где в основном были мигранты из Китая. Данный показатель сохраняется с периода переписи 1897 г.

Таблица 2

Структура прибывших в Казахстан на постоянное место жительство из дальнего зарубежья по странам исхода, в %

Эконом. районы	Прибыли из стран						
	Австрия	Венгрия	Германия	Польша	Китай	Других	Всего
Север	19,7	4,0	18,9	22,5	6,42	28,5	11,8
Восток	16,7	3,04	2,4	10,0	40,1	27,6	15,6
Запад	7,9	21,7	11,9	7,9	–	50,5	4,8
Юг	2,1	2,0	0,8	2,4	80,3	12,3	67,8
Казахстан	6,7	3,4	3,7	6,25	61,5	18,5	100

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том 8, Казахская АССР, Москва, 1928. С. 50

Восток Казахстана находился на втором месте по количеству иностранных граждан, основной поток которых приходился на город Семипалатинск. На данную территорию приехали жители Китая (40,1%) и Австрии (16,7%).

На севере Казахстана преобладало неместное население из Польши (22,5%), Австрии (19,7%) и Германии (18,9%).

Минимальное количество прибывших в Казахстан на постоянное место жительства из дальнего зарубежья было отмечено на Западе Казахстана (4,8%), в основном это переселенцы из Венгрии (21,7%).

Неверно представлять миграционные связи Казахстана в 20-е гг. как процесс односторонний. Казахстан не только получал переселенцев, но и жители Республики мигрировали в другие регионы страны.

Причины миграций были различными, в частности, возврат на обжитые места после войн и голода; переезд в другие регионы Казахстана, как часть внутренней миграции населения; переселение из сел в города, но для Казахстана этот процесс еще не приобрел того масштаба, какой был в центральных районах России. В значительной мере переселенческий поток в Казахстан перекрывался и обратным потоком. По мнению А.Б. Галиева, обратный поток из Казахстана в 1926 г. составлял 162,7 тыс. человек [2].

Данные переписи показали, что 24,6% населения республики проживает в месте постоянного места жительства не с рождения. Этот пока-

затель в 2 раза выше среди горожан, чем среди сельских жителей. Имеются различия и по экономическим районам. Значения ниже среднереспубликанского показателя имеет Южный Казахстан, в населении которого только 16% неместных уроженцев. В то же время, в Северном Казахстане этот показатель выше – 34,8%.

Удельный вес мигрантов из СССР по республике составлял 56,6%, при этом переселившихся в сельскую местность – 82,4%. Из других стран за исследуемый период прибыло 2111 человек, подавляющее большинство из: Китая, Германии, Польши, Венгрии, Австрии. При этом более половины мигрантов составили выходцы из Китая, на втором месте, значительно уступая им, стоит поток из Австрии и Польши.

Более половины мигрантов из этих стран расселились в Южном Казахстане (67,8%).

Национальный состав мигрантов представлен в основном двумя этническими группами: тюркской и славянской.

Анализ миграционных процессов по регионам страны выявил существенные региональные различия и показал тот факт, что в миграционном движении преобладал отток крестьян-переселенцев из Казахстана, а не приток в республику. Из распределения мигрантов по длительности проживания в 1926 г., видно, что мобильность всех поколений населения была невысока.

Таким образом, миграционные процессы в первой половине 1920-х гг. не могли существенным образом повлиять на увеличение численности населения Казахстана и носили спонтанный характер.

Примечания

1. Зайончковская Ж.В. Россия: миграция в разном масштабе времени // Научные доклады. Вып. 1. М., 1999. С. 7.

2. Галиев А.Б. К истории миграции населения Казахстана // Вестник АН Казахской ССР. 1979. №5. С. 55.

А.Е. Кутейников

Российско-эстонская граница после расширения НАТО и ЕС и реванш фашизма в Эстонии

1. В эстонской газете «Постимес» («Postimees») от 8.08.2003 в преддверии вступления в Евросоюз было опубликовано «Обращение» двух писателей, режиссера, академика и дирижера, – «Эстонцем можно остаться лишь будучи европейцем». В очередной раз представители эстонской интеллигенции попытались использовать идеи 80-х гг. об извечном тяготении эстонцев к европейской культуре, о вхождении с конструктивной программой в европейский дом, о необходимости защиты эстонского языка для иллюзорного объяснения желательности вступления Эстонии в Евросоюз, не заботясь о соответствии содержа-

ния излагаемого объективным фактам действительности. В частности, в «Обращении» утверждается очевидно нелепый тезис о том, что граница европейской цивилизации, проходившая, по Хантингтону, по реке Нарве, удерживалась эстонцами в течение 5 тыс. лет. Эстонцы «держали духовную границу Европы», отделяя ее, как утверждают авторы документа, от православия, кириллицы, бесправия и автократии.

Вряд ли стоило бы обращать внимание на послание нескольких представителей эстонской интеллигенции, расписавшихся в полном незнании истории, если бы оно не было частью большой и старательно реализуемой политической программы с участием многих государств и международных структур и направленной на подрыв безопасности России.

Абсурдность многих положений «Обращения» и неправомерность содержащихся в нем нападок на Россию и русскую культуру, ложность тезиса Хантингтона о р. Нарве как границе европейской цивилизации отметил Яан Каплинский в статье «Границы Европы и охранители границ», опубликованной в «Ээсти экспресс» («Eesti ekspress») от 2 октября 2003 г. Этот автор во времена перестройки и начального периода независимости Эстонии довольно рьяно выступал с идеями, направленными на разрыв с Россией. Теперь же он подчеркивает выдающийся вклад России в европейскую культуру и говорит о недопустимости создания мифа о ее враждебности Западу. Будучи сторонником вступления Эстонии в ЕС, он указывает на то, что Эстония не должна предлагать Западу услуги по охране его границ в течение следующих 5 тыс. лет, как этого желают лица, подписавшие «Обращение».

Хотя о границах ЕС и НАТО можно говорить лишь в переносном смысле, поскольку эти международные учреждения не являются территориальными образованиями, вступление Эстонии в них уже привело и приведет к еще большим переменам как в сферах политики и теории, так и в практической действительности взаимодействия государств через общую границу.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что Яан Каплинский, отрицая тезис Хантингтона о границе европейской цивилизации, якобы проходящей по р. Нарве, отмечает, что аналогичное утверждение содержалось в нацистской пропаганде.

2. Несмотря на то, что преступления нацизма давно осуждены на международном уровне и во многих странах мира, факты свидетельствуют о реваншистских тенденциях в Эстонии.

Периодическая печать, издаваемая в огромном количестве литература и электронные сайты героизируют фашизм и фашистов. Выделяются работы, написанные историком по образованию, длительное вре-

мя занимавшим пост премьер-министра М. Лааром. Его первая статья «Об эстонских солдатах во Второй мировой войне» была опубликована в журнале «Virekaag» и долго не переводилась на русский язык. В 1993 г. в Таллине вышла, правда без указания авторства, его книга «Эстония 1944», в которой утверждается, что большинство жизнеспособной части эстонской нации боролось за сохранение порабощения народов Европы фашистской Германией. Спустя полвека историк М. Лаар возвышает эту борьбу на фоне утверждений, что эстонцы тяготеют к Европе и не мыслят себя вне ее институтов.

Осуществляются мероприятия по прославлению эстонцев, воевавших на стороне гитлеровской Германии во Второй мировой войне. Лица, участвовавшие в преступлениях фашистов, представляются как борцы за освобождение Эстонии от коммунистического режима. Например, периодически проводятся международные военно-спортивные соревнования «Эрна» в память о диверсионной группе «Эрна», созданной в начале Второй мировой войны в Финляндии и заброшенной в 1941 г. в тыл советских войск, сражавшихся в Эстонии с наступавшими фашистами. Формально подчинявшаяся отделу разведки Главного штаба Финляндии, группа фактически управлялась гитлеровцами. В 2002 г. в девятой игре «Эрна» участвовали 30 команд из 12 стран, а также объединенная команда США и Эстонии.

Два года назад была предпринята попытка увековечить память «всех эстонских солдат, павших во второй Освободительной войне 1940–1945 гг. за родину и свободную Европу». Именно такая надпись была высечена на памятнике эстонскому солдату в форме вермахта, который установили в центре курортного города Пярну, но под давлением международной и местной общественности за несколько дней до открытия убрали.

25 апреля 2004 г. на заседании Комиссии ООН по правам человека большинством голосов была принята резолюция «О недопустимости действий, способствующих разжиганию современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Резолюция, в частности, осуждает феномен восхваления и героизации бывших членов преступной организации «Ваффен СС» в Эстонии и Латвии. В документе подчеркивается, что проведение шестий бывших эсэсовцев, возведение памятников эсэсовцам оскверняют память жертв фашизма, абсолютно несовместимы с обязательствами государств-членов ООН. Таким образом, на уровне международного документа, принятого авторитетной комиссией ООН, осуждены профашистские тенденции, проявляющиеся в двух прибалтийских государствах.

Настораживает тот факт, что Латвия и Эстония не только не возражали против принятия резолюции Комиссии ООН по правам человека,

но и присоединились к числу ее соавторов [1]. В научной литературе, описывающей и обобщающей практику международных отношений и внешней политики Эстонии, отмечено, что поведение руководителей эстонского государства определяется феноменом двойного стандарта. Впервые такой вывод был сделан исследовательницей из Шлезвиг-Гольштейнского Института исследований мира Х.-М. Биркенбах [2]. В отечественной литературе сущность двойного стандарта, его проявление в поведении эстонской правящей верхушки и связь с реваншем фашизма показана в книге Х. Рейну и З. Родницкой [3]. В частности, авторы показывают, что в структуре поведенческого феномена двойного стандарта отсутствует положительная нравственная мотивация и последовательность нравственных целей. Для него характерен механизм спекулятивного мышления и различные формы групповой субъективной заинтересованности. Практика данного поведения сопровождается нарушениями мыслительных процессов, в частности, непоследовательностью, фрагментарностью, скачкообразностью, подменой понятий, применением смягченных оценок, неправомерным сведением целого к части, несвязанностью, недостаточностью доказательности и пр. Существенные аспекты двойного стандарта составляют: узкоэгоистический прагматизм, хитрость, авантюризм, лживость, амбициозность.

В результате следования двойному стандарту искажается фактология и истинный смысл сущности международных отношений. Снижается возможность эффективного влияния на международные отношения в позитивном плане.

О том, что соавторство Эстонии в подготовке резолюции не является подтверждением изменения реального положения дел и желания эстонского правительства пресечь действия профашистских элементов, к сожалению, свидетельствуют новые факты. 18 мая с.г. Департамент информации и печати МИД РФ опубликовал комментарий в связи с вопросом российских СМИ относительно публикации в Эстонии ряда докладов по периоду ее пребывания в составе СССР, в которых вновь проводится мысль о якобы имевшей место оккупации Эстонии Советским Союзом, хотя, если бы это было так, Эстония должна бы была проходить на Нюрнбергском процессе в качестве союзницы гитлеровской Германии.

По сообщению ИТАР-ТАСС со ссылкой на газету Вирума Таетаја (Virumaa Taetaja), на территории частного землевладения в поселке Вийтна 19.05.2004 установлен памятник оберштурмбанфюреру СС Альфонсу Ребане, командовавшему в годы Второй мировой войны 20-й дивизией СС, которая была сформирована из эстонцев [4].

Настораживает, что страны – члены ЕС и США проголосовали против резолюции в Комиссии по правам человека.

Вступление Эстонии в НАТО и ЕС ставит множество практических и теоретических вопросов. Но один из важнейших – вопрос нравственный. Не получится ли так, что под шум фашистской пропаганды на костях и пепле 125 тыс. погибших в 24 концлагерях Эстонии будут возводиться коттеджи для новых богачей и казармы для иностранных солдат?

Примечания

1. См.: <http://www.sem40.ru/lenta/news-dir/86575.html>.
2. Биркенбах Х.-М. Расследование фактов как средство превентивной дипломатии. Взгляд международных организаций на конфликт по вопросам гражданства в Эстонии и Латвии. М., 1998.
3. Рейну Х., Родницкая З. Феномен двойного стандарта и некоторые аспекты деятельности международных организаций в Эстонии. СПб., 2001.
4. Власти Эстонии прославляют нацистов: будет установлен памятник офицеру СС // <http://www.sem40.ru/lenta/news-dir/86575.html>.

С.В. Малахов

Земляные орехи и пчелы в политике «реформ и открытости», КНР

Уже второй десяток лет мы привычно имеем дело с более чем положительными оценками тех преобразований, которые проводятся в социалистическом Китае. Иная тональность в их трактовке встречается нечасто. Есть немало людей, которые зовут нашу бедную страну идти этим, «китайским», путем, как несколько раньше звали идти «югославским». Но что он собой представляет, даже его сторонники осведомлены, на наш взгляд, не лучшим образом (что касается коммунистов, то для них это, в общем, и несущественно).

В этой статье поставлена задача: на основе крохотного среза материала культурно-идеологического характера рассмотреть вопрос о том, насколько та ценностная ориентация, которая присуща так называемым реформаторским кругам КНР, соответствует общепринятым ценностям, разделяемым за ее пределами. И, следовательно, в какой мере приемлем для нашей страны «путь социалистического Китая».

Работа написана на материале двух текстов одного из уроков (а именно: 60-го) учебника «Основы китайского языка», Пекин, 1991. В предисловии 1989 г. он аттестуется как «первый языковой учебник, распространяемый в Китае и за его пределами после вступления страны в период расширения внешних связей» [1]. Помимо русского, это учебное пособие выдержало уже несколько изданий на английском, французском, немецком и испанском языках.

В учебниках китайского языка для внешнего мира, подготовленных в КНР, как правило, не присутствуют материалы, допускающие политико-идеологическую актуализацию на своей основе. И некоторая

«приоткрытость» в оговоренном отношении 60-го урока отчасти выводит его из этого общего круга.

Урок открывается текстом «Земляные орехи». Это адаптированный рассказ Сюй Дишаня, и речь здесь идет об арахисе; на примере последнего объясняются те принципы, которым желательно было бы следовать в нынешнем Китае его простым людям. В нем говорится: «Пользы от арахиса много, но есть и такая, которая всего дороже. Эти махонькие бобы не похожи на красивые яблоки, персики и гранаты, что развешивают свои плоды на ветвях, ярко-красные, нежно-зеленые, так, что людей, посмотревших на них, охватывает зависть. Арахис просто прячет свои плоды в землю, и только когда они поспевают, позволяет выкапывать их. И вы, случайно увидев, как арахис, съжившись от холода, растет на земле, не сможете разобрать, есть ли у него плоды или нет; нужно иметь с ним дело – только тогда это можно разобрать. (...) И вы, [дети], стало быть, должны быть похожими на арахис, потому что он полезный – а не красивый, но бесполезный. Нужно быть полезными людьми, а не такими, которых заботят лишь приличия, но бесполезными» [2].

Как следует из приведенного места, хороших людей красят уже неприметность, неброскость и неяркость, послушность, покорность и нетребовательность, закрытость и внешняя неинтересность. Здесь можно, пожалуй, говорить и о скромности и терпеливости – но это мало что меняет. Сочетание же всех этих черт обслуживает то безусловно главное положительное начало, которое характеризует людей, а именно – их полезность. Причем польза здесь прямо противопоставляется красоте, с одной стороны, и порядочности – с другой. Слову из текста, которое переведено как «приличие», присущи также значения: «честь», «достоинство», «репутация», «престиж», «порядочность», «пристойность» и т.д. Отметим и то, что красный и зеленый цвета в китайской традиции издавна имеют эротическую контаминацию. Очевидно, что «полезность» здесь крайне рационализирована и выведена за пределы как эстетической, так и этической ее легитимации. Проще говоря, что нужно для китайского общества, а что – нет, в идеале должно определяться не обществом во всем его чудном многообразии, а теми, «кому это положено».

Своеобразный оттенок придает всей этой истории и то, что земляные орехи, о которых идет в ней речь, дети вырастили, как можно понять, сами, подняв пустовавшую у дома землю. Принимала в этом участие и мама, которая еще и «приготовила из [убранного] арахиса множество разной снеди» [3]. За праздничным столом объясняет детям, как они должны служить своей стране, однако же, отец; и его слова, как пишет автор, от лица которого ведется повествование, «навсегда

остались в моей памяти» – хотя «всю снедь из арахиса давно уже съели» [4]. Вот так.

Второй – безымянный – текст завершает 60-й урок. Речь в нем идет о пчелах, и выдержки из него приводим без комментариев, которые здесь излишни.

«[Вечером], перед тем временем, когда пчелам нужно будет заходить в [их] «дома»..., множество их спешит туда-сюда, так что невольно думаешь: пчелы тоже спешат строить новую жизнь! (...)

Пчелы, эти маленькие существа, больше всего любят трудиться... Меда они делают много, хотя сами и едят его мало; каждый раз, когда мы забираем мед, то оставляем им только самую малость, чтобы им хватило на еду – и ничего. Они все продолжают трудиться, продолжают делать мед – день за днем, месяц за месяцем... (...) Пчелы очень понятливы, и когда доживают до пяти-шести месяцев, то сами спокойно и тихо умирают где-нибудь и [в улей] уже не возвращаются. ...Какие милые маленькие существа!» [5].

Подводя итоги, можно сказать, что те ценности, которые представлены в двух рассмотренных текстах, по сути напрямую перекликаются с концепциями еще легистско/моистского круга, то есть теми, которые имели хождение в Китае накануне объединения его в границах империи Цинь. То, что они так или иначе проповедаются в социалистической – пусть и реформируемой – КНР, на наш взгляд, вызывать недоумение не должно [6]. Если учесть, что несоответствие подобных ценностей передовой линии китайской культуры с достаточной определенностью было выявлено уже в их оценках ранними конфуцианцами, то говорить о принятии их русской культурой – значит плохо знать еще и ее.

Примечания

1. Основы китайского языка. Ч. 1. Пекин, 1991. С. 3.
2. Там же. С. 20–21.
3. Там же. С. 20.
4. Там же. С. 21.
5. Там же. С. 36–37.
6. См.: Малахов С.В. Взгляд на историю Востока и Запада, какой она дана в марксистской традиции // Востокovedное образование в университетах России. М., 2000.

А.В. Манойло

Информационно-психологическая война: трансграничное сотрудничество и угрозы национальной безопасности в информационно-психологической сфере

Современная ИПВ – явление социальное, естественный этап эскалации социального конфликта в условиях, когда гражданское общество уже перешло в новую, информационную стадию развития, но еще не выработало действенных механизмов регулирования стремительно развивающихся новых форм и видов социальных отношений. ИПВ – разновидность социальных отношений, входит в систему социально-политических отношений современного общества и базируется на использовании в основе всех своих комплексных организационных технологий информационно-психологического воздействия на тех же базовых элементах и способах социальной коммуникации, что и другие социальные процессы.

Информационное противоборство в форме ИПВ пронизывает в настоящее время все формы борьбы, начиная с дипломатической и экономической и заканчивая вооруженной, развиваясь вместе с тем как самостоятельная сфера деятельности. Опыт, средства и методы информационно-психологического воздействия используются не только в интересах военно-политического руководства иностранных государств, но и в практике деятельности средств массовой информации и массовой коммуникации (СМИ и МК), политической борьбы, конкуренции в экономике, распространения политических, религиозных и иных взглядов и идей, групповых и межличностных отношений. В этих сферах, зачастую, они включены в долговременные и широко-масштабные операции с использованием разнообразных организационных форм и имеют комплексный характер.

Информационное противоборство – соперничество социальных систем в информационно-психологической сфере по поводу влияния на те или иные сферы социальных отношений и установления контроля над источниками стратегических ресурсов, в результате которого одни участники соперничества получают преимущества, необходимые им для дальнейшего развития, а другие их утрачивают. В современном многополярном мире информационное противоборство является основным средством обеспечения геополитического баланса.

Цель информационного противоборства – обеспечение национальных интересов в информационно-психологической сфере.

Задачи информационного противоборства:

- обеспечение геополитической и информационно-психологической безопасности государства;

- достижение военно-политического превосходства и безусловного лидерства в сфере международных отношений;
- обеспечение достижения целей национальной экономической, идеологической, культурной, информационно-психологической экспансии;
- обеспечение благоприятных условий для перехода собственной национальной системы социально-политических отношений на новый, более высокоразвитый и высокотехнологичный этап развития;
- трансформация структуры национальных пространств (экономического, политического, социально-культурного, информационно-психологического) в соответствии с собственными принципами формирования информационной картины мира.

Основные способы достижения целей в информационном противоборстве: информационно-психологическое превосходство; асимметричный ответ на внешние воздействия более сильных субъектов информационного противоборства.

Основные способы достижения информационно-психологического превосходства: тайное управление деятельностью органов власти государства-конкурента, информационно-психологическими процессами; информационно-психологическая агрессия; ИПВ.

Объектом информационного противоборства является любой объект, в отношении которого возможно осуществление информационного воздействия либо иного воздействия, результатом которого будет модификация его свойств как информационной системы. Общий признак объекта, который может рассматриваться как объект информационного противоборства, – любая форма использования информации в его функционировании.

Родовые объекты информационного противоборства: система социальных отношений информационного общества; система политических отношений информационного общества; система психологических отношений информационного общества.

Субъекты информационного противоборства: государства, их союзы и коалиции; международные организации; негосударственные незаконные (в том числе – незаконные международные) вооруженные формирования и организации террористической, экстремистской, радикальной политической, радикальной религиозной направленности; транснациональные корпорации; виртуальные социальные сообщества; медиа-корпорации (СМИ и МК); виртуальные коалиции.

Признаки субъекта информационного противоборства:

- наличие у субъекта в информационно-психологическом пространстве собственных интересов;
- наличие в составе субъекта специальных сил (структур), функционально предназначенных для ведения информационного противоборства или уполномоченных на ведение информационного противоборства;

- обладание и/или разработка информационного оружия, средств его доставки и маскировки;
- под контролем субъекта находится сегмент информационного пространства, в пределах которого он обладает преимущественным правом устанавливать нормы регулирования информационно-психологических отношений (на правах собственности, закрепленных нормами национального и международного законодательства) или государственным суверенитетом (национальный сегмент информационного пространства как часть государственной территории);
- существование в официальной идеологии положений, допускающих участие субъекта в информационном противоборстве.

Информационно-психологическая экспансия – деятельность по достижению национальных интересов методом бесконфликтного проникновения в сферу социальных и духовных отношений общества с целью постепенного, плавного, незаметного для общества изменения системы социальных отношений по образцу системы источника экспансии, вытеснения положений национальной идеологии, системы ценностей и замещение их собственными ценностями и идеологическими установками, увеличения степени своего влияния и присутствия, установления контроля над стратегическими ресурсами, IT-структурой и СМИ, наращивание присутствия собственных СМИ в информационной сфере объекта проникновения.

Информационно-психологическая агрессия – действия, направленные на нанесение противнику ограниченного и контролируемого ущерба с целью получения агрессором дополнительных преимуществ при последующем выборе компромиссного решения политического конфликта.

Признаки информационно-психологической агрессии:

- ограниченное и локальное по своим масштабам применение силы;
- контролируемое, дозированное нанесение ущерба;
- исключение из средств информационно-психологического воздействия наиболее опасных видов, не позволяющих надежно контролировать размеры наносимого ущерба (информационного оружия);
- ограничение размеров пространства, числа объектов информационной инфраструктуры и социальных групп, подвергающихся поражению информационно-психологическим воздействием, ограничение по целям и времени, а также по привлекаемым силам и средствам;
- естественная релаксация эффекта от агрессивного воздействия после прекращения активности источника агрессии.

Информационное оружие (ИО) – комплексные технологии информационно-психологического воздействия, специально предназначен-

ные для поражения центральной нервной системы человека в результате управления его высшей нервной деятельностью.

Цель ИО – поражение центральной нервной системы человека, включающее: изменение или разрушение индивидуального сознания; изменение или разрушение системы ценностей; нанесение ущерба психическому здоровью; изменение или частичную утрату способности к абстрактно-логическому мышлению.

ИПВ – политический конфликт с целью разрешения противоречий по поводу власти и осуществления политического руководства в информационно-психологическом пространстве, а также по поводу перераспределения роли, места и функций в политической системе информационного общества, в котором столкновение конфликтующих сторон происходит в форме информационно-психологических операций с применением ИО.

Цель ИПВ – разрешение противоречий по поводу власти и осуществления политического руководства в информационно-психологическом пространстве, перераспределение роли, места и функций участников конфликта в политической системе информационного общества.

Признаки ИПВ: насилие как основная форма взаимодействия участников политического конфликта; информационно-психологические операции как специальная организационная форма оказания политического воздействия на участников конфликта; применение информационного оружия.

Информационно-психологические операции (ИПО) – система организационных технологий информационно-психологического воздействия, объединенных единым замыслом и согласованных по целям, задачам, месту и времени, формам, методам и способам оказания воздействия на объекты поражения или управления.

Существующая сегодня система социально-политических отношений российского общества и действующие в ней механизмы самосохранения, регулирования и безопасности не могут помешать такой особой категории информационно-психологических конфликтов, как ИПВ, развиваться. В современном российском обществе ИВ не может носить характер «сигнального» конфликта, поскольку развивается скрытно даже от внимания вовлеченных в него участников, что затрудняет его выявление на ранних стадиях, а также выявление и своевременное разрешение противоречий, этот конфликт породивших. Это делает существующую систему социальных отношений средой, благоприятной для ИПВ.

В условиях формирования информационного общества информационно-психологическое воздействие является наиболее эффективным

и универсальным инструментом внешней и внутренней политики, предоставляя силам, участвующим в политической борьбе, уникальные (в том числе – по поражающей мощи) возможности для скрытого управления политической системой, нанесения ущерба политическим оппонентам и манипулирования ими в собственных целях, т.е. именно те возможности, обладать которыми стремятся любые политические силы. Именно это стремление политической элиты (существование среди политической элиты ведущих стран мира заказчиков этой продукции и быстро растущего рынка ее потребителей) способствует быстрому развитию и совершенствованию организационных, технологических форм и методов ИПВ.

Литература

1. Грачев Г.В. Информационно-психологические операции во внутривнутриполитической борьбе в России в современных условиях. М., 1999.
2. Директива МО США TS3600.I «Информационная война» от 21 декабря 1992 г.
3. Директива председателя КНШ МО США N30 «Борьба с системами управления», 1993 г.
4. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М., 2003.
5. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М., 2003.
6. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000.
7. Принципы, касающиеся международной информационной безопасности. Проект. МИД РФ, 2000.
8. Фролов Д.Б., Воронцова Л.В. Информационное противоборство: история и современное состояние. М., 2004.
9. Harley I.A. Role of Information Warfare. Truth and Myths. NTIS, Naval War College. AP-A307348. USA, 1996.
10. Information Warfare: Implications for Arms Control. Kings College London, ICSA. UK, 1998.
11. Information Warfare, Complex Organizations and the Power of Disruption. University of Arizona, 1997.
12. Libicki M.C. What is Information Warfare? Washington, D.C., 1995.
13. Stein G.H. Information Warfare // Airpower Journal. Spring 1995.
14. Szafranski R.A. Theory of Information Warfare: Preparing for 2020 // Airpower Journal. Spring 1995.

Обсуждение в Интернете

Автор: Paulyuk Вukowski в: 15.03.2004 15:56

Предмет: Информационное оружие

С удивлением прочитал: «Информационное оружие (ИО) – комплексные технологии информационно-психологического воздействия, специально предназначенные для поражения центральной нервной системы человека в результате управления его высшей нервной деятельностью».

Есть ли примеры практического использования информационного оружия? Помню историю с деструктивными мультиками в Японии. Было ли что-то еще?

Автор: amanoilo в: 22.03.2004 12:54

Предмет: Информационное оружие

Существует ли информационно-психологическое оружие?

Несколько слов по поводу определения ИО, приведенного в докладе. В настоящее время существует достаточно большое количество различных определений ИО, однако, на мой взгляд, ни одно из них не позволяет четко и однозначно выделить из всего многообразия средств, способов и методов информационного воздействия (используемых в межличностной коммуникации, в экономической конкуренции, в политической борьбе) те из них, которые могли бы встать в один ряд с оружием традиционным, т.е. относиться к «устройствам, конструктивно предназначенным для поражения живых целей» (определение оружия в ФЗ «Об оружии»). В самом деле, нельзя же рассматривать информационное оружие как совокупность средств, методов и способов, специально созданных для нанесения ущерба информационной сфере, а также процессам и системам, функционирующим на основе информации (проф. Л.В. Воронцова) или как алгоритм, позволяющий осуществлять целенаправленное управление одной информационной системой в интересах другой и реализующий процесс управления системой через поступающие или обрабатываемые ею данные (проф. С.П. Расторгуев), поскольку в обоих указанных случаях под категорию ИО подпадает практически любой вирус. Настоящее же оружие разрабатывается для того, чтобы убивать, в этом заключается его высокая социальная опасность и необходимость государственного регулирования оборота указанных средств.

Я и мои коллеги по кафедре информационной политики РАГС (проф. А.И. Петренко, доц. Д.Б. Фролов) придерживаются несколько иной точки зрения: ИО – это комплексные технологии информационно-психологического воздействия, специально предназначенные для поражения центральной нервной системы человека в результате управления

его высшей нервной деятельностью. Данное определение можно разбить на три тезиса:

1. ИО это комплексные технологии информационно-психологического воздействия,

2. предназначенные для поражения центральной нервной системы человека...

3. в результате управления его высшей нервной деятельностью.

Попробую дать пояснение по каждому пункту.

1. Почему ИО – технологии, а не сама информация? Специально подобранная, отфильтрованная, искаженная, способная дезориентировать объект воздействия, побудить его к совершению спонтанных, немотивированных, агрессивных, асоциальных поступков, способная повлиять на процесс принятия личностью решений. Ведь известно, что слово иногда способно убивать. С этим трудно не согласиться, однако стоит заметить, что для того, чтобы информация стала для психики объекта воздействия действительно опасной, необходимо обработать психику личности таким образом, чтобы снять все (или, по крайней мере, основные) барьеры, защищающие нервную деятельность человека от воздействия агрессивной внешней среды – например, плавно, незаметно и постепенно перевести его в т.н. измененное или «пограничное» состояние. Защитных механизмов у человека, несмотря на его кажущуюся уязвимость, достаточно много – об этом позаботилась сама природа в процессе эволюционного развития. Кроме того, к природным механизмам в процессе взросления и воспитания личности добавляются другие – система ценностей, нормы социального поведения, авторитеты и т.д. Разрушить все эти барьеры или хотя бы изменить их можно только посредством использования комплексных технологий.

2. Цель любого оружия – поражение живых целей. Если не рассматривать средства, способы и технологии программно-технического воздействия на компьютерные системы противника, то, в наиболее общем случае, целью информационного оружия является поражение живых целей с помощью информации. Информация нематериальна и способна нанести ущерб только психике человека. Поэтому цель ИО – поражение центральной нервной системы человека, способное нанести ущерб его психическому здоровью, разрушить или изменить систему ценностей и ориентиров, подчинить сознание личности и управлять им (явно или скрыто).

3. И, наконец, нанести психологический ущерб личности (поразить живую цель методами информационно-психологического воздействия) можно только управляя его высшей нервной деятельностью – в первую очередь, сознанием, поскольку формирование уязвимости изначально устойчивой психики личности для определенной разновидности внеш-

него информационно-психологического воздействия требует активного изменения его индивидуального сознания.

В качестве примеров использования ИО, на мой взгляд, можно привести следующие.

1. Комплексные организационные технологии информационно-психологического воздействия, которые можно отнести к категории ИО, используют тоталитарные секты для подготовки адептов – послушного живого материала с полностью измененной психикой.

2. К разновидностям ИО, применяемого во внутривластной борьбе, в сфере экономической конкуренции и, реже, – в сфере межличностной коммуникации, можно отнести ряд технологий т.н. НЛП (нейро-лингвистического программирования), цель которых – принудить противника, союзника или конкурента стать исполнителем воли источника воздействия. Для тех, кто попытается возразить, сказав, что НЛП – всего лишь эффективные методы убеждения оппонентов в процессе любой дискуссии, позволяющие лучше понять собеседника, быстро его изучить (не собирая на него досье) и также быстро уяснить, что ему нужно (для его же пользы), нелишне будет напомнить, что термин «программирование» в условном названии данной категории технологий информационно-психологического воздействия – вовсе не случайная оговорка.

3. К разновидностям ИО можно отнести также технологии создания и управления толпой, которые нередко используются в политической борьбе в целях «демонстрации народного возмущения», инициализации всплесков экстремизма (например, погромов), нагнетания напряженности в обществе и в иных целях. В последнее время в рамках психологии развивается новое направление – психология толпы, изучающая эти процессы, при вовлечении в которые добропорядочные, разумные, образованные и законопослушные граждане способны превратиться в дикую стаю, крушащую все на своем пути. Важно отметить, что толпы практически никогда не возникают сами по себе, стихийно.

4. И, наконец, в качестве примера применения ИО во время операции США в Ираке можно привести применение его разновидности, корректирующей индивидуальное и массовое сознание, – слух об атипичной пневмонии и связанной с ней смертельной опасности. Нетрудно установить, что эпидемия атипичной пневмонии началась в тот самый момент, когда недовольство общественного мнения (в первую очередь, в самих США, а также в вовлеченных в этот конфликт европейских странах) ходом операции в Ираке достигло своего максимума. Данное информационно-психологическое воздействие было направлено не на общественное мнение в целом, а на каждую личность в отдельности, и мгновенно заставило забыть граждан о происходящем в

далеком Ираке – естественно, вирус атипичной пневмонии смертелен (вакцины-то нет!), а жить всем хочется. Мало кто заметил, что, как только дела американцев в Ираке снова наладились, эпидемия атипичной пневмонии мгновенно куда-то исчезла. Кто теперь боится атипичной пневмонии? Кстати, стоит заметить, что от т.н. атипичной пневмонии умерло порядка 1000 чел., в то время как от обычного гриппа в год примерно погибает 100–150 тыс. жителей земного шара.

С уважением,

Манойло Андрей Викторович

Д.В. Николаенко

Мягкие постсоветские конфликты: пример острова Тузла

Для постсоветского пространства характерны новые конфликты. Безусловно доминирование РФ в генерировании и управлении такого рода конфликтами. Российские власти начали писать первые страницы книги под названием «Мягкая безопасность (Soft security)». Страниц будет много. Приведу свои выводы, сформулированные на основании исследования конфликта, связанного с островом Тузла.

Организация конфликта.

1. Конфликт организован. Это целенаправленная акция со стороны российских властей. Такого рода конфликт не может быть случайным.

2. Несмотря на внешне провальную форму действий для РФ, это блестящая операция российских спецслужб. Она выполнена на высоком профессиональном уровне и, вероятно, со временем станет типовой для генерирования «мягких конфликтов».

3. «Операция Тузла» есть пример того, что российские спецслужбы выступили против Украины. История с Тузлой есть показатель того, что наступили новые времена. Враги изменились. Это уже не далекие капиталисты и сражения с ними в европейских городах, описанные Виктором Суворовым.

4. Значительная часть политиков и населения России и Украины сыграли в процессе этого конфликта поверхностную роль.

Новый тип конфликта.

5. Остров Тузла – новый тип конфликта в рамках постсоветского пространства, когда при минимальных практических действиях получается значимый результат в масштабах двух государств.

6. Данный тип конфликтов есть порождение нового типа отношений постсоветских государств. Это проявление постсоветской Soft Security.

7. Такие конфликты можно назвать триггерными. Это особый тип конфликта, и его не стоит путать с остальными, как бы он на них ни походил внешне.

8. Особенность триггерных конфликтов в полном отсутствии реальных действий или их минимальном характере, полном отсутствии официальных свидетельств о каких бы то ни было нарушениях. Это «отсутствие присутствия» сопровождается общей известностью и значимыми последствиями в отношениях государств. Пустота или минимальное действие порождают изменение реальности. В данном случае сделаны дальнейшие шаги по увеличению различий России и Украины.

9. Инициатива в активизации триггерных конфликтных районов будет на российской стороне. С украинской стороны она может носить только вполне случайный характер.

Частота повторов мягких конфликтов и ее анализ.

10. Триггерные конфликты повторяются. Будет устойчивое повторение и конфликта вокруг острова Тузла. Все зависит от интересов России.

11. На российско-украинской границе есть несколько такого рода районов, благоприятных для триггерных конфликтов наподобие острова Тузла. Они будут использоваться для того, чтобы регулировать отношения между двумя государствами. По факту, они будут использоваться для усиления депрессивности Украины.

12. Сколь бы ни было много таких триггерных конфликтов, не будет никакой практической активности. Только периодические и раздраженные разговоры на высоком уровне. Ни один метр границы России и Украины не будет изменен. В этом нет необходимости. Есть необходимость в сохранении надуманной неопределенности.

13. Для корректного анализа российско-украинских триггерных пограничных конфликтов нужно рассматривать их в единстве. Еще раз отмечаем, что таких конфликтных регионов несколько. Как в музыке, сумма звуков и пауз дает определенную композицию. Не нужно анализировать отдельный звук. Нужно анализировать композицию.

14. Есть вполне очевидная связь активации триггерных конфликтов с российскими политическими выборами, но не стоит проводить однозначную зависимость. Положение много сложнее.

15. Такого рода конфликты можно детально анализировать, корректно понимать и прогнозировать их течение. Они носят однотипный характер.

Смысл триггерных пограничных конфликтов.

16. Смысл связан с более активным преобразованием приграничного пространства. По прошествии некоторого времени (15–20 лет) российско-украинская граница приобретет иной вид. Будет существенное различие освоения приграничных территорий. От советского наследия не останется и следа, кроме линии на политической карте.

17. Смысл конфликта «Тузла» и аналогичных триггерных конфликтов в российско-украинских отношениях связан с формированием и поддержанием Украины в депрессивном состоянии. Депрессивность Украины есть явление формируемое, и выгодное РФ.

18. Экономические затраты на генерирование такого рода конфликтности (например, строительство дамбы) ничтожны, по сравнению с выгодами России от долговременных последствий этого конфликта.

Что делать?

19. Вероятно, можно и вмешиваться в данные конфликты, если в этом есть необходимость. В рамках мягкого противостояния постсоветских государств это дело нормальное. Важно не забывать о театральности, имитационности такого рода конфликтов. Конфликт длится недолго и заканчивается ничем. Но важны только его последствия, уходящие далеко за пределы конкретной дамбы.

Приложение

Пример возможной реакции специалиста на такие конфликты – сатира.

«Дамба». Пьеса для политизированного театра

Автор – Д.В. Николаенко

© Д.В. Николаенко

ИСПОЛНИТЕЛИ

Делятся на три группы: говорящие актеры, массовка, журналисты.

Говорящие актеры – политические деятели РФ, имеющие проблемы с PR. Их количество может быть любым. Их никогда не много, но и всегда есть несколько деятелей, которые хотели бы сыграть в этом спектакле.

Массовка – состоит в основном из мужчин. Это военные, милиция, люди в официальных казенных костюмах. Лица неприветливые. Очень упитанные. Средний вес участников спектакля 91 килограмм.

ДЕКОРАЦИИ И ОБОРУДОВАНИЕ

Дамба в Керченском проливе, несколько «Мерседесов», пара милицейских машин, диктофоны, цифровые камеры и фотоаппараты.

ВРЕМЯ ПОСТАНОВКИ СПЕКТАКЛЯ

Сезон года не играет никакой роли. Как правило, спектакль ставится за несколько месяцев до выборов. Начало постановки – сентябрь 2003 г.

Продолжение постановки? Сложно сказать сколько, но несколько лет спектакль можно ставить. Потом Дамба будет размыта Керченским проливом, станет не актуальной, и не проездной. Начнутся проблемы неинтересные (экологические, деньги на поддержание Дамбы нужны, и прочие). Для PR это не проблемы, а пустое место.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ СПЕКТАКЛЯ

Спектакль длится один день. Все как в классической драме. К примеру, Чацкий. Утром приезжает. Вечером уезжает, и больше не ездок. На дамбе, в реальности, спектакль длится еще меньше.

ДЕЙСТВИЕ

Действие происходит на Дамбе. На нее приезжает 5–7 автомобилей. В идеале, лучше доехать до окончания Дамбы. Люди выходят из машин, что-то говорят, показывают руками на украинский берег. Все часто кивают, каждый своей головой. Совсем недалеко, примерно в 150 метрах, виден остров Тузла. Там демонстративно и вызывающе стоит пограничный украинский столб, пограничный блокпост. Может реять украинский флаг. Скучающий пограничник в бинокль, от нечего делать, разглядывает участников спектакля. Ему не интересно.

Участники спектакля ходят группами. Они в одиночку последний раз ходили только в детстве. Часто останавливаются. Порой заглядывают в воду и видят неглубокое дно Керченского пролива. Говорящим актерам стоит показывать руками в различные стороны. Если есть возможность, то лучше координировать свою жестикуляцию со своей речью. Если нет такой возможности, то проблем нет. Все равно массовка ничего не слушает. Одни уже все слышали 300 раз, а другим просто приятно посмотреть на говорящего актера. Его раньше знали по фамилии, а сейчас можно на него посмотреть вблизи. Ему приятны внимание окружающих и своя известность.

ЗВУКОВЫДЕЛЕНИЕ. ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ

Частный словарь звуковыделения на Дамбе.

- «Наше». Термин встречается наиболее часто. Склоняется, спрягается на различные лады. Может приставляться к чему угодно. Смысл в том, что «все наше». Что наше? Почему наше? Какое отношение именно эти люди имели к тому, что творилось в Российской империи и СССР, совершенно непонятно.

- «Тузла». Этим термином обозначают украинский остров и российский мыс. Ученые говорят, что когда-то давно они соединялись. Участники спектакля остров и мыс не разделяют. Наверное, они ученые. Вид говорит о том, что они занимаются чем-то другим, но внешность так обманчива.

- «Дамба». Термин повторяется часто. Это вообще приятный термин. В нем есть что-то динамичное, южное, позитивное. Человеку с хорошо поставленным от долгих разговоров голосом его приятно произносить. Впрочем, участники спектакля могут делать ударения и на английский, и на французский манер, поэтому восприятие от его прослушивания портится.

- «Им, их, ихнее и так далее».
 - «Какая глубина?». Имеется в виду Керченский пролив. Вопрос риторический. На него вопрошающему дается всегда четкий ответ, но он почему-то его никогда не запоминает. Вопрос может повторяться.
 - «А, М-м, Угу, Ага и так далее». Эти звуки передают эмоции, чувства, так сказать, участников спектакля. Используется и для поддержания потока речи.
 - «Ну, что поехали?». Вопрос волнует всех. По этой причине повторяется часто.
- Также ведется масса постоянных разговоров. Они доминируют. Во время спектакля ничего не происходит.
- The End & To Be Continued

Литература

1. Николаенко Д.В. Введение в экономику государственной (не) зависимости. Претория. 2003 / www.nikolaenko.ru

Д.В. Николаенко О долговременных последствиях политики и угрозах безопасности

Тезис 1. Любой специалист по естественным наукам понимает, что в сложных системах связи носят очень опосредованный характер. Изменение одного параметра может привести к самым неожиданным последствиям во всей системе. Они не обязательно носят катастрофический характер и имеют решающее воздействие на систему в целом, но они могут быть именно неожиданными. Часто такого рода последствия нельзя объяснить в причинно-следственных категориях. Они просто происходят.

Вероятно, наиболее сложными системами, которые описывает наука, являются социо-культурные. В них пересекается множество измерений, многие из которых не распознаются на научном уровне. Объяснение особенностей эволюции социо-культурных систем часто носит исключительно примитивный характер. Например, опричнина связывается с особенностями поведения Ивана Четвертого, столыпинская реформа с идеями Столыпина и так далее. Получается, что политика и политики управляют развитием общества.

Реальность невероятно далека от этого тезиса, но на нем настаивают. Причина, вероятно, и в том, что естественные науки занимаются предметами, которые не оказывают непосредственного влияния на наблюдателей. Может быть, у гельминтов есть свои интересы, но они не могут оказывать никакого влияния на специалистов по гельминтологии. У тех свои исследовательские установки. В социальных (гуманитарных) областях познания такой независимости никогда нет. В ито-

ге, доминирует предельно упрощенное понимание исследуемых объектов, попытка активного включения интересов заказчиков в реальность. Она никогда не интересна сама по себе. Она никогда не рассматривается с последовательно синергетических позиций. Она рассматривается в связи с переменами, желательными текущему начальству.

Тезис 2. Данный методологический тезис получает новую конкретизацию на примере постсоветской гуманитарной рефлексии. Если в Российской империи и СССР в основании российских гуманитарных рассуждений были интересы российской СКС в целом, то в постсоветские времена в их основании оказываются интересы отдельных государств. Драматически меняется масштаб. Дискуссия относительно проблем безопасности Российской Федерации яркий тому пример. Российскую империю и СССР постоянно окружали враги. Сейчас российская идея врага изменилась. Он оказался гораздо ближе и совсем другим. Большое количество врагов РФ представлено людьми из других постсоветских государств и своими гражданами, которые не хотят понимать, что им будет много лучше, если они не будут выступать против московского начальства, независимо от того, что оно делает.

Рассуждения относительно безопасности Российской Федерации в новых условиях являются примером продолжения предельно упрощенного методологического подхода. В определенных случаях он, может быть, приемлем с практической точки зрения, но он никогда не дает корректного образа реальности. Итогом являются постоянные неожиданности.

Тезис 3. В постсоветском пространстве – времени – структуре безусловным лидером является Российская Федерация. Причин тому много. Они объясняются на основании анализа освоения российских территорий. Сейчас важно то, что проблемы с безопасностью в постсоветском пространстве – это во многом порождение попыток РФ продолжить стандарт политики СССР, но в иные условия. СССР мог активно вмешиваться в дела любого государства мира. Например, Мозамбика. В страну было поставлено гигантское количество оружия. Оно было нужно для победы социализма. Идея социализма ушла в прошлое. Социализм в Мозамбике не построили, но оружие осталось. Остались и противопехотные мины, вкопанные в землю. Последствия этого, в виде невероятного количества инвалидов и вооруженного насилия, пожирают другие люди. В частности, советское оружие активно используется в ЮАР. Это оружие местных бандитов. Понятно, что причины преступности в ЮАР носят фундаментальный характер, но важно, что фамилии Макаров и Калашников известны людям всех цветов кожи этого региона мира. Такого рода последствия активности СССР не ка-

саются ни одного из постсоветских государств. Они даже никому не интересны. Это была, пусть и неудачная, но «братская помощь» народу Мозамбика. Но...

Тезис 4. Последствия меняются. Агрессивное отношение СССР ко всему неуголному дало географически удаленные последствия, про которые российским властям можно не думать. Агрессивное отношение постсоветского лидера (Российской Федерации) ко всему неуголному в постсоветском пространстве будет иметь последствия, от которых будет не так просто уйти. Это не далекие Мозамбик и ЮАР, страдающие от Калашникова, Макарова и противопехотных мин.

Последствия социо-культурного характера носят долговременный характер. Когда США вторгаются в Ирак и пытаются остаться в данной стране на предельно долгое время, это ведет не только к ослаблению американского доллара относительно евро и других валют. Это ведет не только к устойчивому повышению цены на нефть и очередным проблемам, например, авиационных компаний. Одним из долговременных последствий этого вторжения станет и формирование нового дополнительного канала наркоторговли. Разумеется, он будет направлен на США и Западную Европу. Это последствие долговременное. Сменится две-три администрации США, и только тогда в полной мере начнет проявляться это последствие.

Такого рода долговременная связь есть дело не только далеких стран. Когда РФ продолжает настаивать на силовом решении проблемы Чечни, она объективно генерирует возникновение наркоканала, ориентированного на Москву и Санкт-Петербург. Новый наркоканал начнет активироваться в полной мере через некоторое время. Уже не будет президента Путина (если его, конечно, не избирут на пожизненный срок). Уйдут в прошлое герои и антигерои очередной чеченской войны. Но начнет активно работать новый наркоканал. Это последствие «непредсказуемое». Его «никто не может описать», по причине того, что все решают только сиюминутные задачи.

Большое количество аналогичных «непредсказуемых» последствий возникает и в связи с давлением России на Украину. Сейчас это резервуар дешевой рабочей силы. Это выгодно и дает большую прибыль РФ. Но это имеет и массу иных «непредсказуемых последствий».

То есть, модель поведения государства, при которой оно пытается реализовать свои идеи независимо ни от чего, дает долговременные «непредсказуемые» последствия. Когда речь идет о географически удаленных районах и иных СКС, от них можно отмахнуться. Одноногие инвалиды Мозамбика, популярность Макарова и Калашникова на юге Африки не интересны никому в нынешней РФ. Когда речь идет о

своей СКС и географически близких регионах, такие последствия остаются на исторически долгое время.

Тезис 5. СССР был агрессивным государством, но с точки зрения рядового гражданина жить в нем было относительно безопасно. Погибнуть можно было всем вместе (третья мировая война). Это было маловероятно и очень абстрактно.

Постсоветская Российская Федерация не столь агрессивное государство, как СССР. У РФ нет идей относительно построения социализма на юге Африки или в ином климате. Гражданам Российской Федерации не угрожает третья мировая война, но жизнь в РФ становится вполне опасной. Опасность приобретает обыденный характер.

Причины такого изменения опасности нужно искать не во врагах, некоем «международном терроризме», вышедшем из-под контроля и подбирающемся к вашему подъезду. Причины такого положения нужно искать в политике самой Российской Федерации. Агрессивность РФ, в пределах постсоветского пространства, ведет к тому, что данное государство объективно порождает долговременные и крайне неблагоприятные последствия именно для своих людей.

Вероятно, основная проблема даже не столько в том, что агрессивность и сиюминутность поведения есть дело только нынешнего руководства РФ. Основная проблема в том, что такие установки начинают переходить на уровень обыденного сознания «привилегированных жителей» РФ. Я имею в виду жителей Москвы и Санкт-Петербурга. В СССР была «лимита». Дети «лимиты» стали малоразличимыми жителями окраин Москвы и Петербурга. В постсоветских условиях появились «черные» = «чечены», «украинцы» и многие иные. Это изменение носит принципиальный характер.

На наших глазах идет становление нового российского национализма. Он объективно ведет к тому, что национальной гордости станет больше, но безопасности много меньше. Качество жизни от этого не улучшится. Российские специалисты будут объяснять это как угодно, но они никогда не признают того, что причины такого положения в политике самой РФ.

Г.А. Овчаров **Региональные аспекты безопасности РФ**

Распад Советского Союза привел к изменению геополитического положения регионов Российской Федерации. Около 50 ее субъектов стали теперь приграничными, что порождает целый комплекс проблем. Основные угрозы безопасности регионов и России в целом исходят с трех стратегических направлений: Запада, Востока и Юга. Не следует исключать возможность военных провокаций в приграничных пространствах России.

Поводом для развязывания вооруженного конфликта на Западе могут послужить территориальные притязания к России ряда государств. Со стороны Норвегии они возможны по поводу разграничения вод Баренцева моря и о. Шпицбергена. В Финляндии определенные круги стремятся к объединению близких по языку карелов, саамов, коми и вепсов, выдвигая при этом территориальные претензии на часть Карелии. На Западе нередко раздаются призывы о придании особого международного статуса Калининградской области под совместным протекторатом России, Германии, Польши и Литвы.

К геополитическим проблемам российских регионов имеют прямое отношение и внешнеполитические позиции влиятельных общественно-политических кругов бывших советских республик на западе страны. За исключением Беларуси, здесь в целом имеет заметное влияние тенденция политического дистанцирования от России. Она подкрепляется и территориальными претензиями на некоторые регионы Российской Федерации. Ряд политиков в Эстонии настаивают на границе, соответствующей Тартускому договору 1920 г., по которому Изборск и Печоры были признаны эстонской территорией. На картах, выпущенных в Латвийской республике, Пыталовский район Псковской области фигурирует как составная часть Латвии. В Литве нередко призывы, обращенные к России, вернуть местность в районе озера Виштитис, Куршскую косу и город Советск. Региональные и федеральные власти выступают совместно против территориальных претензий со стороны соседних государств. Такого рода взаимодействия придерживаются граничащие Ленинградская и Псковская области.

Обстановка на востоке страны характеризуется наличием территориальных противоречий, усилением соперничества США, Японии и Китая за лидерство, их стремлением ограничить роль России в решении региональных проблем. Особое значение, с точки зрения региональной и национальной безопасности, имеет характер отношений Российской Федерации с Китайской Народной Республикой. С одной стороны, Россия и КНР заинтересованы в предотвращении военно-политического доминирования в АТР какой-либо одной из держав, а также в недопущении распространения ядерного оружия, что обуславливает (в совокупности с другими факторами) дружественный характер взаимоотношений. Но, с другой стороны, Китай – государство, с которым РФ имеет самую большую по протяженности границу (4 375 км), – выдвигает России самые крупные территориальные притязания, которые составляют около 1,5 млн. кв. км. По оценкам экспертов, через 10–15 лет Китай может оказаться на пороге серьезного демографического и сырьевого кризиса, поэтому возрастает его заинтересованность в сырьевых ресурсах

Сибири и Дальнего Востока. Нарастает нелегальная миграция с территории Китая в стратегически важные районы Забайкалья, Хабаровского края и Приморья. Положение усугубляется демографической ситуацией в России: все российское население, проживающее на территории от Урала до Дальнего Востока, составляет около 21 млн. человек (на российском Дальнем Востоке проживает около 8 млн. человек). В то же время в Китае рождаемость составляет 12–13 млн. человек в год. Показательны также цифры плотности населения: 2,5 человека на 1 кв.км в России против 121 человека на 1 кв.км в Китае.

Наиболее остро последствия сложившейся ситуации ощущает российское население Дальнего Востока. Там в настоящий момент проживает от 1 до 5 млн. китайцев, которые создают свои общины, находят свою нишу в экономике и рассматривают свою миграцию как возвращение на «историческую родину». В этой связи не исключена опасность того, что огромная и богатая природными ресурсами, но малозаселенная российская территория за Уралом из фактора национального могущества страны может превратиться в ее уязвимое место. Особенно если соперничество в мире будет преобладать над сотрудничеством и региональными системами безопасности.

На южных рубежах страны обстановка определяется как обострением борьбы за доминирование в регионе с исторической соперницей – Турцией, так и стремлением ведущих западных государств взять под контроль Центральную Азию и Кавказ с их природными ресурсами и транспортными путями. Пантюркистский проект утверждает идею объединения тюркских народов постсоветского пространства и даже самой России в конфедерацию под эгидой Турции. Этот проект не только поддерживается Западом на пропагандистском уровне, но и в известной степени финансируется им в форме помощи Турции.

Серьезными являются противоречия, связанные с культурно-историческим и социально-экономическим развитием стран Малой Азии, Ближнего и Среднего Востока, которые вплотную соприкасаются с южнороссийскими регионами. Обстановка здесь в значительной мере определяется усилением влияния исламского фундаментализма и попытками реализовать его идеи не только в этих регионах, но и за их пределами. Это чревато новыми кризисами и вооруженными конфликтами, которые способны дестабилизировать обстановку в южных регионах России. В этой связи не исключается возможность создания структуры политико-экономического и военного сотрудничества государств Ближнего и Среднего Востока, рассматривающей в качестве зоны своих интересов не только государства Закавказья, но и российский Северный Кавказ. Кроме того, этот регион приобрел глобальное

значение в качестве перспективного источника нефтегазовых ресурсов и транзитной территории для перекачки нефти из Казахстана и Азербайджана. В этом качестве маршруты нефтепроводов через Северный Кавказ являются конкурентами маршрутов через Грузию, Турцию, Центральную Азию и Иран.

Учитывая это, страны Запада будут стремиться укрепить свои позиции в постсоветских государствах южного пояса СНГ и одновременно, играя на интересах региональных элит Северного Кавказа, превратить его в своеобразное «внутреннее зарубежье» России. Все это делает необходимой активную и хорошо продуманную политику как федерального Центра, так и местных властей по защите национальных интересов России и отдельно взятых ее регионов.

Э.Э. Полетаев

Наркотрафик и проблемы региональной безопасности в Центральной Азии

Антитеррористическая военная кампания США в Афганистане привела к смене политической элиты, но никак не повлияла на изменение основы ее экономической и военно-политической силы, которая имеет корни именно в сфере наркобизнеса. Естественно, было бы нивным ожидать быстрое решение этой проблемы в стране, где в течение десятилетий существует только наркоэкономика, которая определяет основную статью экспорта Афганистана и специфический характер внутренних наркоинвестиций. Но временная нейтрализация движения «Талибан», сократив определенную военную угрозу для региональной безопасности Центральной Азии, увеличила уровень наркоугроз для региона, уменьшение которых, судя по всему, не входило в планы США, опасавшихся потерять союзников в лице Северного альянса. Если провести историческую аналогию, то похожая ситуация когда-то наблюдалась в Мьянме (Бирма), где после получения этой страной независимости в 1947 г. США, опасаясь прихода к власти коммунистов, начали активно поддерживать племенных лидеров-наркоторговцев. Что в результате получилось, мы видим сейчас: Мьянма занимает второе место после Афганистана по объему производства опиума.

Самым негативным сценарием развития этих двух стран является колумбийский вариант наркократии, которая будет скрываться за фасадом цивилизованных государственных институтов и делать ставку на наркоэкономику. Что это такое, могут наглядно продемонстрировать данные ООН, согласно которым в настоящее время цена на опий-сырец в Афганистане составляет 283 долл. за 1 кг. Таким образом, общая стоимость урожая 2003 г., по оценке экспертов, составляет

\$1,02 млрд., что равняется 23% от ВВП Афганистана. С учетом производства героина и его транспортировки эта сумма возрастает до примерно половины от ВВП страны. В опийное производство вовлечено почти 2 млн. человек. В результате душевой доход от участия в наркобизнесе составляет от 259 долл. на севере до 1 тыс. долл. на юге. Неудивительно, что программа Хамида Карзая по замене наркокультур на сельскохозяйственные растения в этом году потерпела крах. А перспектива долговременного соседства с наркоэкономикой является первой важной проблемой, которая угрожает региональной безопасности Центральной Азии.

Вторая проблема связана с той же ситуацией, при которой когда-то активно развивался международный терроризм в период «холодной войны», когда он долгое время рассматривался и США, и Советским Союзом лишь в качестве инструмента глобальной геополитической игры. К чему это привело впоследствии, нам наглядно продемонстрировали видеокadres 11 сентября 2001 г. Как ни печально, но схожая ситуация наблюдается и в сфере борьбы с наркобизнесом, где также опасна политика двойных стандартов, когда политическая конъюнктура определяет масштабы и глубину противодействия наркоэкспансии.

На данный момент из четырех существующих наркотрафиков в сторону той же России (восточный – Центральная Азия, южный – Закавказье, юго-западный и западный – славяно-молдавский, северо-западный – Прибалтика), именно центрально-азиатский маршрут стал наиболее интенсивным. Хотя с этой точкой зрения согласны не все. В частности, несмотря на то, что казахстанские спецслужбы обеспокоены возможным ухудшением криминальной обстановки в Центральной Азии в связи с прогнозируемым ростом транзита наркотических средств, они не считают, что основной поток афганских наркотиков идет через наш регион. По мнению начальника департамента экономической безопасности Комитета национальной безопасности Казахстана Нургали Белисбекова, через страны Центральной Азии осуществляется трафик 30% производимого в Афганистане героина, а 70% – через контрабандные каналы Ирана и Пакистана.

В то же время, нельзя не согласиться с тем, что современный наркотрафик – это дорога с двусторонним движением, так как наркотики идут не только из Центральной Азии в Европу, но и наоборот. В частности, формирование новых путей наркотрафика происходит вследствие того, что Европа становится центром производства и потребления синтетических наркотиков, которые поставляются в Северную и Южную Америку, а также в Центральную Азию.

Что касается реальных объемов перевозимых через регион афганских наркотиков, то, по данным Агентства по контролю за наркотика-

ми при президенте Республики Таджикистан, показатель изъятия наркотиков в Таджикистане за 11 месяцев 2003 г. по сравнению с показателем за 2002 г. увеличился почти вдвое. По мнению аналитиков Агентства, увеличение показателей напрямую связано с резким ростом наркопроизводства в Афганистане в последние годы. Сегодня афганскими наркоторговцами предприняты все меры, чтобы сохранить рост производства до 30%.

Но причина активизации центрально-азиатского наркотрафика лежит не только в географической близости региона к Афганистану, но и в тех уязвимых местах, которые имеет Центральная Азия, и о которых хорошо знает наркомафия.

1. Внутрорегиональные противоречия и трения между государствами региона, что не способствует эффективной координации их деятельности в борьбе с наркобизнесом. В последнее время стали предприниматься попытки переломить эти негативные тенденции. В частности, об этом говорит инициатива Управления ООН по наркотикам и преступности, по поводу создания Центрально-азиатского регионального информационного координационного центра в области контроля за наркотиками. Но опять возникает вопрос, почему эта инициатива возникла в недрах ООН, а не в рамках региона?

2. Тяжелая социально-экономическая ситуация в некоторых странах Центральной Азии, которая пока не имеет перспектив к улучшению.

3. Значительный уровень коррупции в правоохранительных структурах стран Центральной Азии. Как известно, коррупция – тот ключ, который может открыть практически любую дверь, в том числе и на границе.

4. Определенная угроза сращивания наркомафии с государственными органами в некоторых странах Центральной Азии.

5. К сожалению, акцент до сих пор делается лишь на силовые методы борьбы с наркоторговлей и наркомафией при незначительном внимании к профилактическим работам.

6. Активизация экстремистских и террористических организаций в Центральной Азии, что крайне выгодно для наркомафии по двум причинам:

- это отвлекает внимание силовых структур региона;
- это дает возможность объединять свои усилия с террористическими организациями с целью дестабилизации обстановки в регионе. Реальность такой кооперации еще более вероятна в период смены политических элит в некоторых странах Центральной Азии, что может привести к появлению представителей наркократии в высших структурах государственной власти.

Все это создает благоприятные условия для того, чтобы рассматривать наш регион как благоприятную зону транзита, а с учетом снижения цен в последнее время на некоторые виды наркотовара, в частности на героин, и в качестве зоны для сбыта части наркотиков.

Что касается реальной угрозы объединения экстремизма и наркобизнеса в один эффективно действующий организм, то она подводит нас к третьей важной проблеме, связанной с наркотрафиком и с угрозами региону. Речь идет о появлении идеологического обоснования наркоторговли, которая многими стала рассматриваться как один из действенных инструментов борьбы с Западом и их союзниками. Это очень опасная тенденция, которая говорит о формировании такого явления, как наркоидеология, с которой бороться лишь силовыми методами – то же самое, что стрелять из пушки по воробьям. Когда производство и торговля наркотиками переходит их сферы обычного нелегального бизнеса в область идеологического противостояния, это говорит о необходимости внести существенные изменения в арсенал борьбы с наркоиндустрией.

По поводу перспектив Центральной Азии с точки зрения борьбы с наркотрафиком: они полностью будут зависеть от способности государств региона осознать необходимость совместного противодействия наркобизнесу. К сожалению, на данный момент возникает ощущение того, что страны Центральной Азии пока не готовы к такому взаимодействию. Хотя определенный потенциал для решения этой проблемы, как ни странно, может быть у таких региональных организаций, как ОДКБ и ШОС, в которых участвуют практически все центрально-азиатские государства, кроме Туркменистана. Эти две организации показали свою способность к трансформации с учетом появления террористических угроз региону. Но увеличение дестабилизирующей роли наркобизнеса в Центральной Азии может способствовать созданию определенных структур по борьбе с наркоиндустрией по аналогии с антитеррористическими центрами. Если этого не произойдет, то рано или поздно на наших глазах вырастет наркомонстр, который заменит собой все наши государства, как это уже произошло в некоторых регионах мира.

Литература

1. «Деловая Неделя». Алматы. 2004. №4. С. 2.
2. Досым Сатпаев. «Центральноазиатская Колумбия». Алматы, 2003.
3. «Континент». Алматы, 2004. №12. С. 15–17.
4. Материалы Государственного агентства Таджикистана по борьбе с наркотиками, Душанбе, 2003.
5. www.iwpr.net/centrasia

Э.Э. Полетаев

Центральная Азия: потенциальные конфликты, взаимная вражда и угроза исламского экстремизма

Угроза дестабилизации на территории Центральной Азии вполне возможна, она и не снижалась. Другое дело, что трудно предугадать, где конкретно может произойти конфликт. В обществе «бродят подводные течения социального недовольства, и зреет протест, а влияние радикальных исламских группировок велико, хотя и не всегда лежит на поверхности», – говорится в докладе МГУК «Центральная Азия: последняя возможность перемен» за апрель 2003 г. «Отсутствие политических и экономических преобразований угрожает не только благосостоянию и экономической свободе народов, населяющих регион, но в перспективном плане ставит под угрозу безопасность Центральной Азии в целом».

По мнению представителей Госдепартамента, представляет серьезную опасность Исламское Движение Узбекистана. Выступая в Конгрессе, помощник секретаря БДЕЕ Джоунс заявила: «Потеряв способность к открытой вооруженной конфронтации, ИДУ продолжает угрожать странам региона и американским интересам террористическими актами».

Другая активно действующая в регионе исламская организация – «Хизб-ут-Тахрир», несмотря на свою радикальную идеологию, в каких-либо насильственных действиях не замечена. Тем не менее, многие видят потенциальную угрозу в «Хизб-ут-Тахрир», из рядов которой вполне могут возникнуть новые, более радикально настроенные группировки. Как сами «тахрировцы», так и их возможные «преемники» могут в любой момент взяться за оружие. «Хизб-ут-Тахрир» рассматривается в качестве потенциальной новой угрозы безопасности центрально-азиатских государств. Постоянные преследования узбекских властей могут вынудить сторонников этой организации взяться за оружие.

В докладе, опубликованном в феврале американским Институтом внешнеполитических исследований, говорится: «Дальнейшая радикализация и милитаризация исламских активистов в центральной Азии лишь усугубят стратегическую дилемму, перед которой уже сейчас оказался Вашингтон: сотрудничество с определенными режимами с целью использования их военных объектов в борьбе с терроризмом приводит к тому, что Америку перестают воспринимать как либеральную, благожелательную сверхдержаву, склоняясь больше к тому, как нашу страну характеризуют исламские экстремисты – как циничную, хищную страну, обслуживающую только свои интересы».

В 1999–2001 гг. ИДУ совершило ряд партизанских вылазок на территорию Узбекистана и Кыргызстана. В ходе наступления сил анти-террористической коалиции на северо-востоке Афганистана в конце 2001 г. ИДУ, казалось, было полностью разгромлено вместе со своими союзниками – талибами, однако все центрально-азиатские режимы по-прежнему видят в нем угрозу своей безопасности. Не успокаивают и сообщения международной прессы о том, что боевики ИДУ вместе с отрядами талибов и Аль-кайеды попали в окружение и были уничтожены в ходе спецоперации на северо-западе Пакистана в марте 2004 г.

По мнению ряда экспертов, своей политикой центрально-азиатские правительства создают питательную среду для роста и развития исламских течений, а это – не в интересах США.

«При том, что за последние 12 лет национальная безопасность Узбекистана и режим президента Каримова действительно не раз оказывались под угрозой, ответ на эту угрозу представляется чрезмерно жестким, – заявила Марта Брилл Олкотт, выступая на слушаниях в Конгрессе в октябре прошлого года. – Своими чрезмерно жесткими действиями государство лишь обеспечило себе и будущим режимам более серьезную угрозу». «Правящие элиты Центральной Азии намеренно преувеличивают масштабы угрозы национальной безопасности, исходящей от сторонников радикальной исламской идеологии. Американские политики сделают большую ошибку, если поставят знак равенства между общими целями союзников в войне с террором и близоруккой, потенциально опасной политикой, проводимой режимами региона в вопросах вероисповедания».

Другой угрозой стабильности центрально-азиатских государств являются их лидеры. Жестокость со стороны властей заставит тех, кто склонен к насилию или связан с экстремистскими организациями, начать действовать. Чем жестче прессинг властей, тем жестче будет ответ, направленный против режима и его союзников.

После долгих лет экономического спада, последовавшего за развалом СССР, экономика всех пяти государств региона в последнее время демонстрирует определенный рост, однако везде она держится на одной-двух сырьевых отраслях, сильно зависимых от конъюнктуры на мировом рынке. При этом относительное процветание в этих отраслях не распространяется на другие области экономики.

Степень рыночной ориентации экономики в различных странах неодинакова, однако для всех характерна высокая степень вмешательства государства в экономику – оно регулирует цены, возводит торговые барьеры и поддерживает монополии. По мнению критически настроенных наблюдателей, чиновники таким способом защищают свои

собственные интересы в бизнесе. Столь неравное положение игроков в экономике в сочетании с повальной коррупцией убеждает население в том, что правители их обманывают и грабят. Огромная масса людей проживает за чертой бедности, а работу – даже низкооплачиваемую – на большей территории Центральной Азии найти очень сложно.

В уже упоминавшемся докладе Института внешнеполитических исследований социально-экономические проблемы называются в качестве одного из главных потенциальных источников нестабильности: «Сочетание экономических проблем и политических репрессий – идеальная среда для экстремистских исламских идеологий».

Кроме того, государства Центральной Азии теперь меньше нацелены на взаимное сближение. Как и во многих других случаях, источником этих проблем принято считать Узбекистан – отчасти из-за проводимой им политики по отношению к соседним странам, отчасти – из-за возросшей самоуверенности узбекского руководства как основного союзника США в регионе, но на самом деле просто оттого, что Узбекистан находится в самом центре региона и граничит со всеми соседями. Когда Узбекистан ввел у себя непомерные налоги на импорт, регион содрогнулся. Но сделано это было не из-за враждебных чувств по отношению к соседям, а чтобы удержать фиксированный валютный курс – элемент все еще сохранившейся административно-командной экономики. Узбекское население немедленно хлынуло за покупками в Казахстан и Кыргызстан, где соседи приняли их с распростертыми объятиями и даже ускоренными темпами соорудили у границы огромные оптово-розничные рынки. Тогда узбекские власти затруднили своим гражданам доступ через границу, практически закрыв ее на замок. Движение населения через границу в обе стороны сильно сократилось, приграничная торговля была прервана, возникла напряженность.

Это лишь усугубило уже имеющийся «букет» пограничных проблем. После серии вылазок на свою территорию боевиков ИДУ в 1999–2000 г. узбеки «засеяли» свои южные рубежи минами – часто без всяких предупреждающих знаков – и теперь на них регулярно подрываются отклонившиеся от проложенных троп таджикские и кыргызские пастухи. Постоянно ухудшается и ситуация на узбеко-таджикской границе. Не имея выхода к морю, Таджикистан в немалой степени зависит от Узбекистана, через территорию которого в страну идет транзит товаров, а сотни тысяч таджикских трудовых мигрантов ежегодно отправляются на заработки в Россию.

В отношениях между Узбекистаном и Казахстаном также существуют проблемы, связанные прежде всего с демаркацией границ. Даже

после того, как вопрос, казалось бы, был решен, линия границы зачастую проходит посреди частных огородов. Один житель Казахстана погиб недавно во время инцидента на границе, а в прошлом году пограничные споры между Кыргызстаном и Таджикистаном вылились в локальные беспорядки.

Постоянно возникают конфликты и по поводу воды – основного стратегического ресурса центральной Азии. Споры идут между странами-источниками – Кыргызстаном и Таджикистаном – и тремя полностью зависимыми от них, но более мощными пользователями, к которым вода поступает в виде нескольких крупных рек.

Страны нередко обвиняют друг друга во вмешательстве в свои внутренние дела. Ташкент обвинял Душанбе в бездействии по поводу лагерей боевиков ИДУ на своей территории, а Бишкек – в неспособности поставить заслон на их пути в Узбекистан. Туркменистан обвинил Узбекистан в содействии в подготовке покушения на жизнь президента Ниязова в ноябре 2002 г. И все соседи разом обвиняют Узбекистан в том, что тот «экспортирует» свои проблемы. Жестоко преследуя исламских активистов на своей территории, узбекские власти вынуждают их обосновываться на территориях соседних государств.

В результате всех этих неурядиц, по мнению наблюдателей, нарастает соперничество между лидерами центрально-азиатских государств. С тех пор, как в регион пришли США, отношения между центрально-азиатскими лидерами ухудшились. Они больше соперничают друг с другом и совсем перестали заботиться о людях.

В регионе, где явно преобладают авторитарные методы правления и существуют серьезные трения в отношениях между государствами, может оказаться, что США фактически снаряжают армии этих государств на войну друг с другом. Это может привести к возникновению конфликта.

Литература

1. Доклад Государственного департамента США по странам Центральной Азии, 2003 г.
2. Олкотт М.Б. Казахстан: непройденный путь. М., 2003
3. Слушания в Конгрессе США. По материалам посольства США в Казахстане.
4. www.iwpr.net/centrasia.
5. www.navi.kz.

Н.А. Романович
Идеология экстремизма как угроза гражданской безопасности

Известно, что в 2002 г. в России был принят «Закон о противодействии экстремистской деятельности». Разработка такого закона началась еще при Ельцине, а актуализировал его Путин, занявшийся им вплотную в конце 2001 г. Есть мнение, что актуализация принятия закона – ответ руководства нашей страны на события 11 сентября.

Как же закон трактует понятие «экстремистская деятельность»? Согласно закону, экстремистская деятельность – это, во-первых, деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; во-вторых, это пропаганда экстремистской деятельности; в-третьих – ее финансирование. Таким образом, сама деятельность, как таковая, а также пропаганда ее и финансирование охватываются этим законом.

Чтобы выяснить, что знают обычные люди об экстремизме, и знаком ли им этот термин, еще задолго до принятия закона (в 1999 г.) Институт общественного мнения «Квалитас» обратился к жителям города Воронежа с вопросом: «В последнее время часто говорят об экстремизме – политическом, религиозном, национальном. А Вы знаете или не знаете, что означает слово «экстремизм»?» Оказалось, что многие респонденты это слово слышали далеко не в первый раз: большинство воронежцев (65%) знакомы с ним (это на 13% больше, чем в среднем по России по данным ФОМ). Не знают значения этого слова в Воронеже только 33%, тогда как в России – 41%.

Неоднократные случаи избиения (иногда со смертельным исходом) иностранных студентов уже давно перестали быть редкостью в Воронеже. Обычно такие случаи связаны с деятельностью организаций экстремистского толка. Закон предусматривает расширенное понятие экстремистской организации, в связи с чем был возбужден уже не один судебный иск. Оставим юристам право решать – можно ли причислить деятельность той или иной организации к экстремистской. Нас интересует мнение населения, не очень сведущего в законе. Какие организации, по мнению воронежцев, являются экстремистскими? Ответы, ко-

которые мы получили, заставляют задуматься (вопрос был задан в открытом виде, и оригинальная формулировки респондентов сохранены).

«Какие экстремистские организации Вы знаете?»

РНЕ (Русское Национальное Единство) – 19%;

Чеченские боевики – 5,5%;

Неофашистские организации – 3,8%;

Исламские фундаменталисты – 3%;

ЛДПР (Либерально-демократическая партия России) – 2%;

Аум Сенрике – 1,5%;

Красные бригады – 1,3%;

Исламисты – 1,2%;

ИРА (Ирландская Республиканская Армия) – 1,2%.

Каждый пятый воронежец к экстремистским организациям причислил официально зарегистрированную партию РНЕ, а также неоднократно была названа и другая известная партия – ЛДПР. Общественное мнение выявило зачатки «духа» экстремизма и в других политических партиях. Означает ли это, что идеология экстремизма незаметно вписывается в официальную государственную политику?

В последнее время все большую актуальность приобретает проблема молодежного националистического экстремизма. В центральных СМИ, освещающих эту проблему, Воронежу отводится, как правило, особое место, наряду с Санкт-Петербургом и Москвой. События последних месяцев только подогрели интерес к нашему городу.

На этом фоне нам показалось важным узнать степень информированности воронежцев о местных молодежных националистических организациях, и в частности представителей наиболее радикального крыла – «скинхедах». Опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение» в марте 2004 г. (опрошено 1500 респондентов), позволит сравнить ситуацию в Воронеже (опрос проведен 19–22 марта 2004 г. ИОМ «Квалитас») с общероссийскими показателями. Почти половина (42%) россиян только во время опроса впервые услышали слово «скинхеды», тогда как в Воронеже незнакомых ранее с этим словом оказалось только 17%. При этом большинство воронежцев (52%) хорошо знали значение этого слова (среди россиян эта цифра была почти в два раза меньше – 29%).

Как мы можем убедиться, на общероссийском фоне воронежцы в значительно большей степени осведомлены о существовании такого понятия, как «скинхеды». Особенно известно это слово в молодежной среде (более 80%). Чем вызвана столь высокая осведомленность воронежцев о понятии «скинхеды»? ИОМ «Квалитас» обратился к воронежцам с вопросом: «Скажите, пожалуйста, как Вы считаете, есть или нет в Воронеже скинхеды?». 90% горожан ответили на этот вопрос

утвердительно (на этот вопрос отвечали только те респонденты, которые заявили, что им известно слово «скинхеды»).

Уверенность воронежцев в том, что они живут бок о бок со скинхедами, превалирует на фоне общероссийских данных (по результатам опроса ФОМ, только 29% россиян считают, что в месте их проживания действуют скинхеды). Справедливости ради надо отметить, что Фонд «Общественное мнение» проводил опрос не только жителей больших городов, но и жителей российской глубинки, где не только молодежных движений, но, зачастую, и самой молодежи почти не осталось.

Тем не менее, мнение воронежцев о наличии в городе скинхедов выделяется и на фоне ответов жителей мегаполисов и жителей столицы, прославившейся погромами скинхедов на рынках и улицах Москвы. Так, в крупных городах 38% горожан, знакомых с понятием «скинхед», утверждают, что «бритоголовые» в их городе есть (напомним, что в Воронеже 90%). В Москве этот показатель достигает уже 44%, что в два раза меньше, чем в столице Черноземья. Поэтому можно сказать, что Воронеж является своеобразной столицей движения скинхедов, что является весьма сомнительной славой для города.

При этом 5% опрошенных воронежцев относятся к скинхедам положительно, а 83% – отрицательно. Максимальное количество положительных оценок (12%) «коженноголовые» получили в среде 18–24 летних жителей города. Это обстоятельство (приверженность молодежи) свидетельствует о том, что движение скинхедов находится на стадии подъема.

Как же следует поступать со скинхедами, по мнению населения? Одни говорят, что движение скинхедов надо запретить. По мнению других, этого делать не следует. С первой точкой зрения, как показал опрос, согласны 75% воронежцев, со второй – 15%.

Согласно результатам общероссийского опроса ФОМ в марте 2004 г., ратуют за запрещение движения скинхедов только 60% наших соотечественников, а 22% россиян с ними не согласны.

Даже на фоне достаточно отчетливо выраженного желания россиян запретить движение скинхедов, воронежцы выделяются еще большей решительностью не видеть бритоголовых националистов на улицах города.

Убийство иностранных студентов в Воронеже, к сожалению, перестало быть редкостью. Недавняя очередная трагедия, произошедшая в феврале 2004 г., заставила нас вновь обратиться к вопросу о национальном экстремизме среди молодежи.

Насколько воронежцы осведомлены о произошедшем? ИОМ «Квалитас» обратился к горожанам с вопросом: «Знаете ли Вы, что-то слышали или слышите сейчас впервые о том, что недавно в Воронеже был

убит чернокожий студент из Африки?». Более 90% воронежцев оказались осведомлены о чрезвычайном происшествии, выразившемся в убийстве чернокожего студента Медицинской академии, уроженца Гвинеи-Бисау.

Какую позицию заняли горожане по отношению к произошедшему? Убийство чернокожего студента в Воронеже с первых же дней перешло в разряд чрезвычайных событий, привлечших внимание общественности. Но не столько само убийство гражданина Гвинеи-Бисау заставило общество повернуться лицом к проблеме, сколько реакция на происшествие иностранных студентов воронежских ВУЗов. Отказ от учебы, митинги протеста, требования о встрече с первыми лицами города и области, отъезд группы студентов из Воронежа – все это получило соответствующий резонанс не только в столице Черноземья, но и привлекло внимание федерального Центра.

А как восприняли случившееся простые воронежцы? Вопрос ИОМ «Квалитас» звучал следующим образом: «Одни считают, что убийство студента надо рассматривать как чрезвычайное событие и уделить ему особое внимание. Другие считают, что нападение на чернокожего студента – это рядовое событие, не требующее особого внимания. Какое мнение Вам ближе – первое или второе?». Оказалось, большинство воронежцев не готовы видеть в убийстве по расовому или национальному признаку только рядовое преступление (62%). В то же время более четверти воронежцев (28%) готовы назвать это убийство рядовым, не выбивающимся из череды других преступлений со смертельным исходом.

Задержанные подозреваемые в убийстве три молодых человека (один из них несовершеннолетний) проверяются на причастность к движению скинхедов. На сегодняшний день им предъявлено обвинение по статье 105 (убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору по мотивам национальной, расовой ненависти или вражды) УК РФ.

Являются ли убийцы африканского студента скинхедами или нет, в любом случае идеи национальной и расовой неприязни воплотились в Воронеже в самой страшной форме. С явлениями такого порядка необходимо бороться не только силовыми методами, но и на идеологическом фронте. Победа возможно лишь тогда, когда идеологии расовой ненависти будет противопоставлена идеология мира и дружбы, и она окажется более привлекательной для молодежи.

Обсуждение доклада

Тарасова Е.В.: Нелли Александровна, Вы оцениваете деятельность молодёжных экстремистских организаций в Воронеже как очень высокую. Скажите, пожалуйста, а в чём Вы видите предпосылки развития идей экстремизма в вашем регионе? Спасибо.

Романович Н.А.: Спасибо за вопрос. Вы знаете, собственно, их несколько. Одни имеют, действительно, объективную почву, объективный характер, связаны с историческим прошлым нашего города, вторые имеют другие причины. Я просто перечислю некоторые из них. Во-первых, я хочу сказать, что Воронеж – чрезвычайно консервативный город. Когда мы анализировали, было проведено такое исследование где-то 12-ти крупных городов России, в число их вошёл и Воронеж. По критерию, хотят ли люди перемен, оказалось, что город, в котором люди больше всего хотят перемен – это Санкт-Петербург. Город, в котором люди меньше всего хотят перемен, Воронеж. Средним городом был Самара. То есть, Воронеж – очень консервативный город, и всевозможные перемены вызывают, может быть, даже агрессивные настроения среди горожан. Кстати говоря, Воронеж одно время относился в красному поясу, когда голосовали именно за коммунистов, но я считаю, что голосовали не в силу приверженности Зюганову, а в силу своей консервативности.

Другая причина в том, что в Воронеже очень сильная праворадикальная пресса. И социальная реальность конструируется таким образом, что это питает правое радикальное движение. Ведь можно сказать, что приезжают мигранты, они занимают рабочие места, насилюют наших женщин – бей мигрантов! А можно сказать иначе: приезжают мигранты, идут на те работы, где местное население работать не хочет, они готовы получать более дешёвую зарплату, они воспроизводят популяцию, потому что, конечно, смертность превышает рождаемость в регионе – они хорошие, поддерживайте их! То есть, очень многое зависит от СМИ, а именно, у нас очень сильная праворадикальная пресса, которая конструирует социальную реальность таким образом, что ведёт к таким негативным последствиям.

Можно ещё более глубоко копнуть, почему вообще эта идея появилась, да и не только в нашем городе, а в целом. Я считаю, что всё-таки русская нация была унижена и до «перестройки», и в течение «перестройки», и сейчас. И поэтому определённые силы хотят взять какой-то реванш.

Кобринский А.Л.: У меня несколько коротких вопросов. Понятно, убийство иностранного студента – случай из ряда вон выходящий, и всё же, у Вас есть данные, сколько за тот же период было убито в Воронеже студентов не иностранных, или молодых людей? Сколько было столкновений не иностранных молодых людей с иностранными студентами, пусть даже без убийства, и причины этих столкновений, конфликтов? И в скольких из них зачинщиками выступали иностранные студенты? Мне как человеку, прожившему 11 лет в общежитии, учившемуся в университете, будет это очень интересно узнать.

Романович Н.А.: Спасибо за вопросы. Я изучала только те моменты, когда причиной был экстремизм, когда причиной являлись какие-то другие, бытовые вещи, я не изучала. Я ещё не сказала, что произошла акция после этого убийства. Иностранцы вышли, прошлись по городу, акция была названа «Стоп, расизм!». Просто прошлись с плакатами «Я – русский» или какой-то другой национальности, а потом выпустили шарики вверх. Такая была безобидная процедура. Тем не менее, представители РНЕ восприняли эту акцию, которая была не против кого-то, а в поддержку, так сказать, дружбы, как акцию, направленную против их самих, то есть, они пытались этих демонстрантов забросать чем-то, ещё что-то. Они восприняли это шествие, как непосредственно направленное против их идеологии. Я думаю, что всё-таки это не относится к разряду рядовых убийств именно по своим мотивам.

Кобринский А.Л.: Я не очень знаю ситуацию, но мне бы лично не очень понравилось, если бы ко мне пришёл кто-то и начал бы учить, как жить! Может, в этом причина?

Романович Н.А.: Мне бы тоже это не понравилось. Но иностранный студент никого не учит жить, они приехали учиться и платят за своё обучение.

Кобринский А.Л.: А демонстрации?

Романович Н.А.: В демонстрацию объединились студенты в поддержку, чтобы сказать «Да, мы дружим!». Кстати говоря, из иностранных студентов в этой демонстрации очень немногие приняли участие, потому что они побоялись выйти, и вышли наши студенты, причём РНЕ восприняло эту акцию, как направленную непосредственно против них.

Калиева К.С.: Кто участвовал в опросе, о котором Вы говорили, их возраст, пол, национальность, какие города участвовали в нём? И второй вопрос, возможно ли, что Воронеж станет центром российского экстремизма? Спасибо.

Романович Н.А.: Я сравнивали Воронеж и Россию. По России, я уже сказала, это данные Фонда общественного мнения. Обычно у них опрашивается 1,5 тыс. людей, живущих в различных регионах России. Из Воронежа в опросе принимали участие около 1 тыс. чел. от 18 лет и старше. Репрезентативная выборка для городского населения.

Боронин О.В.: У меня сначала вопрос, а потом небольшая реплика. Сколько у Вас в городе военно-патриотических клубов? И реплика: я представляю не только науку, но ещё и маленькую политическую организацию левого толка, которая одной из своих целей ставит пошатнуть вот эти экстремистские группировки в Барнауле. Скинхэдов у нас мало, насколько мне известно, у нас в основном либо на-

ционал-большевики, либо коммунистическая рабочая инициатива, троцкисты. Истинных борцов за русскую идею – единицы! Если их оставить одних – они ничего не смогут, и экстремизм сам по себе сойдёт на нет. В основном это ведь молодые люди, учащиеся ПТУ, техникумов, высших учебных заведений, это болтающаяся праздно молодёжь, которая ищет нишу своей собственной субкультуры. Вот у национал-большевиков эта легендарная личность их лидера Э. Лимонова: очень хорошая военная дисциплина, выправка, это взаимопомощь, дружба. Для них важно проявить какую-то инициативу именно в политике, а у представителей коммунистической рабочей инициативы – это романтическая личность Э. Че Гевары. И это надо разрушить! Я скажу честно, мы пытаемся делать, и у нас пока не получается. Мы не можем им предложить свою альтернативу. Но мне кажется, что одной из таких альтернатив является развитие военно-патриотического движения. Субкультура этих клубов, в принципе, похожа на ту субкультуру, которая существует у скинхэдов, национал-большевиков, в РНЕ, но настоящий патриотизм – это всегда интернационализм. Может быть, не нужно запрещать, разгонять, судить? Может быть, предложить им альтернативу – законную и красивую, а может быть, даже более интересную? Спасибо.

Романович Н.А.: Да, я именно это и пыталась донести. Либо Ваши идеи, либо какие-то альтернативные. Я думаю, что более эффективной здесь будет идеологическая борьба, а не действия силового характера.

Заусаева Н.А.: Вы закончили своё выступление призывом одну идеологию заменить другой, но идеология – это всегда иерархия определённых ценностей. Скажите, не связана ли такая ситуация в Вашем регионе с определённым уровнем и качеством такой ценности, как терпимость, потому что она, всё-таки, имеет и социокультурные корни. Скажем, в нашем регионе, куда народы приезжали, разные люди селились, наверное, один уровень терпимости, а в вашем регионе – другой?

Романович Н.А.: Возможно, я просто не рассматривала ситуацию в этом контексте. Возможно, если бы мы начали проводить исследования, связанные с Вашей гипотезой, мы тоже что-нибудь бы нашли.

Курныкин О.Ю.: Нелли Александровна, то, о чём Вы говорили, на мой взгляд, архиважно для современной России. В связи с этим у меня такой вопрос: можно ли сегодня говорить о том, что в нынешних условиях сложилась идеология экстремизма, как некая законченная идеологическая система, и каковы основные составляющие этой системы, кого Вы можете причислить к идеологам экстремизма в современной России?

Романович Н.А.: Я думаю, что у каждого движения, здесь были перечислены несколько праворадикальных движений, есть свои собст-

венные концепции. И они, в принципе, похожи, у них есть что-то общее и отличное. Если говорить об общем, то можно сказать, что в какой-то степени идеология сложилась, потому что есть какие-то общие черты.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо за интересный доклад. Поднятый Вами вопрос мне кажется очень важным. Но опыт показывает, что, как правило, дело не сводится к одним «бритоголовым». Сначала некие представители интеллигенции популяризируют националистические и ксенофобские идеи. В связи с этим такой вопрос: есть ли в Воронеже такие общественные движения, которые носят ярко выраженный националистический характер? Потому что они, как правило, санкционируют идеологически эти действия, а уже потом начинаются всякие хулиганства. В нашем регионе, например, нечто подобное есть, хотя до погромов, к счастью, пока не дошло.

И ещё, у меня небольшое суждение. У меня есть некоторые сомнения: насколько корректно сравнивать опросы Фонда общественного мнения, проведенные по общероссийской выборке, и опросы по городу Воронежу? Ведь городское население специфично. Может быть, следует сравнивать другой такой же город, допустим, Самару, либо брать всё население Воронежской области, включая сельское население?

Романович Н.А.: Я согласна, это было бы более корректно, но мы имеем то, что имеем.

О.В. Семенкина **Противодействие международному терроризму** **в контексте глобализации мирового сообщества**

Актуальность проблемы международного терроризма, очаги которого все чаще вспыхивают в разных странах мира, не вызывает сомнения. Терракты в России, США, на Ближнем Востоке, в Европе, на территории постсоветского пространства ставят международное сообщество перед необходимостью пересмотра приоритетов национальной безопасности и объединения усилий по борьбе с новой глобальной угрозой.

Терроризм [1], как таковой, не порождение современности, история его становления уходит корнями в далекое прошлое. Отличительная особенность конца XX – начала XXI вв. – появление высокотехнологического мобильного международного терроризма, располагающего значительными материальными ресурсами, активно использующего достижения научно-технического прогресса (особенно в области вооружений, биотехногенных и информационных технологий).

Если до 11 сентября 2001 г. терроризм в основном воспринимался как разновидность «политического насилия, применяемого в ограни-

ченном масштабе в зоне конфликта, то после трагедии в США он начал рассматриваться как форма политически или религиозно мотивированного насилия, которое может осуществляться практически неограниченно и требует ведения военной кампании против террористических группировок по всему миру» [2].

Проблема эффективного противодействия распространению терроризма в последние годы активно обсуждается в рамках российских и зарубежных научных конференций, семинаров, круглых столов. В дискуссиях часто упоминается исламский фактор, влияние глобализации и НТР.

Активизация интереса к «исламскому фактору» связана отчасти с тем, что в современном глобализирующемся мире, переживающем сразу несколько системных кризисов (кризис системы национальных государств, кризис Ялтинско-Потсдамской системы, наступивший после холодной войны, кризис авторитарных режимов или «третья волна демократии») [3], активизировался конфликтотенный потенциал арабo-мусульманского полумесяца. Здесь сегодня базируются наиболее крупные террористические группировки, обладающие значительными военными и материальными ресурсами, активно использующими ислам в политических целях. Здесь проходит зона столкновения глобальных и региональных интересов.

Арабo-мусульманский регион – это пояс, переживающий кризис псевдомодернизации, а также территория формирования новых экономических и политических акторов, претендующих на влияние в трансформирующемся мире.

Несмотря на вышеобозначенные факты, нельзя не согласиться со сложившимся в научной среде мнением о том, что терроризм – не порождение исламской религии. Он проистекает не столько из самого ислама, сколько из суммы субъективных и объективных факторов, определяющих благоприятную почву для его развития. Детальный анализ этих факторов необходим для эффективного противодействия глобальной угрозе третьего тысячелетия.

В научных дискуссиях, посвященных проблеме международного терроризма, часто упоминается влияние глобализации. Глобализацию сегодня трактуют в широком диапазоне – от интенсификации мировых социальных отношений, сближающих самые отдаленные места и события – до представления о ней как о процессе, углубляющем неравенства в сложившемся мироустройстве, которое трансформируется в систему, где господствует глобальный корпоративный капитализм.

Развернутое определение глобализации дает Арчер, которая видит в ней «многосторонний процесс, ведущий к нарастающей мировой взаи-

мозависимости структуры, культуры и субъекта и сопровождающийся стиранием традиционных границ» [4].

Активизацию международного терроризма в конце XX в. часто связывают с негативными последствиями глобализации (расширение круга «теневых» субъектов международных отношений; формирование региональных группировок; диффузия автономии международных организаций; рост влияния ТНК [5] и т.д.), гигантским скачком научно-технического прогресса и искусственно подгоняемой модернизацией.

Терроризм как стратегия привлекателен для его организаторов, в частности, тем, что способен не только дестабилизировать развивающиеся регионы, но и деморализовать развитые страны, часто отвлекая их от объектов, представляющих непосредственный интерес для «теневых корпораций».

Глобальные вызовы и угрозы современному миру предполагают поиск адекватных ответов. На сегодняшний день сформировались две расходящиеся друг с другом стратегии борьбы с терроризмом. Первая опирается на необходимость мягких, преимущественно политических решений, принятых на многосторонней основе, нацеленных на вовлечение опасных режимов и организаций в международные структуры, формирование у них системы мотиваций, нейтрализующих деструктивные элементы в поведении на мировой арене.

Вторая делает ставку на силовые методы, вплоть до ликвидации террористических организаций и поддерживающих их режимов.

В «Стратегии национальной безопасности США», утвержденной Дж. Бушем в сентябре 2002 г., зафиксировано: «Нашим первым приоритетом является разрушение террористических организаций глобального масштаба, нанесение ударов по их центрам связи, командования и управления, по их сетям снабжения и финансирования» [6].

В сентябре 2001, после террористических ударов по США, Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой был обозначен ряд конкретных шагов в борьбе с терроризмом. В частности, в ней говорится о том, что все государства должны «незамедлительно заморозить средства на счетах и иные финансовые активы или экономические ресурсы лиц, совершающих или пытающихся совершать террористические акты, либо участвующих в совершении террористических актов или оказывающих им содействие; организаций, находящихся в собственности или под прямым либо косвенным контролем таких лиц, а также лиц и организаций, действующих от имени или по поручению таких лиц, а также связанных с ними лиц и организаций» [7].

О необходимости координации усилий международного сообщества с целью активного противодействия международному терроризму

неоднократно говорил В. Путин. Так, в интервью 5 декабря 2001 г. греческим газетам «Элефтеротипия» и «Вима» В. Путин напомнил, что Россия давно призвала другие страны объединить усилия в борьбе с терроризмом, предупреждала, что террористы все теснее координируют свои преступные акции, и в мире сложился своего рода террористический интернационал с охватом обширной территории от Филиппин до Балкан и Ближнего Востока» [8].

«Единый фронт государств, противостоящих терроризму, принципиально меняет всю систему международных отношений, – заявил В. Путин на встрече с ветеранами Второй мировой войны 8 мая 2002 г. – Как и в годы антигитлеровской коалиции, государства пытаются отбросить разногласия и отказываются от стереотипов, объединяясь вокруг общей цели. От терроризма не застрахованы даже самые богатые страны. Общая борьба с ним должна быть столь же бескомпромиссной, как и борьба с нацизмом» [9].

Практика показывает, что применение только силовых или только политическим методов противодействия терроризму в современных условиях малоэффективно. Противодействие терроризму будет конструктивным лишь при максимальной поддержке парламентов государств на основе тесного сотрудничества на глобальном, региональном и двустороннем уровнях. Недопустимо применение двойных стандартов, избирательности в оценке актов терроризма в различных регионах мира.

Применение вооруженных сил как ответного действия на терроризм должно проводиться в соответствии с международным правом и с согласия Совета Безопасности ООН. Государства должны воздерживаться от любого одностороннего использования силы, не соответствующего международному праву. Важнейшая задача национальных правительств и межгосударственных структур – предупреждать сращивание террористической машины с правящими режимами. Особое значение приобретает вовлечение в антитеррористическую борьбу здравомыслящих исламских сил, которые в современных условиях стали мишенью действий радикальных исламских террористических движений.

Глобальная угроза в лице международного терроризма диктует необходимость существенных изменений законодательной базы РФ и СНГ в области обороны и безопасности. На территории СНГ до сих пор стоит проблема внутрисоюзных конфликтов. Разрозненные действия государств по предотвращению эскалации событий в «горячих точках» не приносят результатов и создают благоприятную почву для проникновения международного терроризма. Необходимы четко скоординиро-

ванные усилия всех государств СНГ, опирающиеся на совместно выработанные законодательные акты, которые станут серьезным шагом на пути мирного урегулирования ситуации в регионе.

Примечания

1. Под терроризмом в рамках данного доклада понимается публично совершаемое общественно опасное действие (или угроза совершения такого действия), влекущее или могущее повлечь гибель людей или иные тяжкие последствия и направленное на устрашение населения или социальных групп в целях понуждения государства, международной организации, физического или юридического лица или группы лиц к совершению или отказу от совершения какого-либо действия в интересах террористов.

2. Вооружение, разоружение и международная безопасность. Ежегодник СИПРИ. 2002. С. 27.

3. Как пишут М. Лебедева и Ю. Мельвиль в статье «Переходный возраст современного мира» (журнал «Международная жизнь». 1999. №10. С. 76), политическая система развивается неравномерно. Стабильность сменяется кризисами «переходного возраста», ведущими к формированию новой мировой архитектуры. В этом смысле политическое развитие представляет смену эпох. Если раньше эти эпохи затрагивали отдельные страны и континенты, то сегодня, в силу процессов глобализации, нарождающаяся эпоха приобретает общепланетарный масштаб.

4. Martin W.C., Beittel M. Toward a Global Society: Evaluating Current Conceptions, Methods and Practices // The Sociological Quarterly. Berkley, 1998. Vol. 39 (1). P. 142.

5. Сейчас в мире около 30 крупнейших транснациональных компаний сосредоточили в своих руках 70% биржевых активов, что составляет почти 5 трлн. долл. Терроризм в современном мире прирос к «теплым» транснациональным финансовым сетям.

6. The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. P. 5–6.

7. Вооружение..., с. 238.

8. Сайт журнала «Право и безопасность»: http://dpr.ru/pravo/pravo_4_2.htm.

9. Там же.

Ху Хунпин **Внешний фактор и наркобизнес в Центральной Азии:** **взгляд из Китая**

Центрально-азиатские страны непосредственно граничат с Афганистаном, одним из главных в мире поставщиком опиума и героина. В начале 1990-х гг. по ряду известных причин лидерам наркобизнеса, особенно в Афганистане, пришлось отыскивать альтернативные пути наркотрафика. В это же время резко ухудшилась охрана внешних границ бывшего СССР, а правоохранительная система была не готова к громадному потоку дешевых наркотиков. Политическая нестабильность в Таджикистане также способствовала распространению наркотиков по территории Центральной Азии.

Наркобизнес в Центральной Азии имеет следующие характерные черты:

Во-первых, Центральная Азия постепенно становится основным транзитным путем и важным звеном в сети международной наркоторговли.

Ежегодно увеличивается транзит наркотиков через территорию Центральной Азии. С начала 1990-ых гг. прошлого века до сих пор количество наркотиков, провозимых через территорию Центральной Азии, возросло в несколько десятков раз. Теперь наркотрафик Афганистан → страны Центральной Азии → Россия → Европа стал главным, по нему наркотики из Афганистана поступают на мировой рынок.

Некоторые пограничные пункты и города, например, города Душанбе, Ош и т.д., в настоящее время стали горячими точками в незаконном обороте наркотиков.

Во-вторых, в Центральной Азии появилась тенденция увеличения и укрупнения транснациональных преступных наркогруппировок, которые постепенно «вытесняют мелких наркокурьеров».

Так, в 2002 г. сотрудниками АКН Таджикистана совместно с коллегам из других стран обезврежено 57 организованных преступных группировок, которые занимались распространением наркотиков. В 2001 г. была разоблачена 31 такая группировка.

В-третьих, сохраняется тенденция роста транзитных наркотиков «афганского» происхождения через территорию стран Центральной Азии с увеличением доли промышленного героина.

Если 5–10 лет назад количество изъятых опиатов измерялось в граммах, то в настоящее время счет пошел на сотни килограммов.

Так, в Кыргызстане в 2002 г. из незаконного оборота было изъято около 3 тонн наркотических средств. Особое внимание обращает на себя рост числа фактов изъятия героина, в сравнении с 2001 г. их количество выросло на 58,7%.

В Таджикистане в 2002 г. из незаконного оборота было изъято около 7 тонн наркотических средств, в том числе 4 тонны героина.

В-четвертых, в перспективе Центральная Азия может стать поставщиком наркотиков.

За последние годы стало популярным выращивать наркокультуры в Таджикистане, особенно в области Бадахшан и в горах Памира. В Ферганской долине и в Ошской области тоже имеются большие площади, занятые под наркокультуры.

В-пятых, потребность в наркотиках в Центральной Азии за последние годы значительно возросла, усилилась опасность распространения ВИЧ-инфекции, особенно среди инъекционных наркоманов.

Значительная часть транзитных наркотиков «афганского» происхождения остается в республике, способствуя дальнейшему росту количества наркобольных.

Только в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане потребление наркотиков с 1992 по 2000 гг. выросло более чем втрое. А это, в свою очередь, вызвало небывалое распространение СПИДа. За последние семь лет число инфицированных в этих странах увеличилось в 600 раз.

По официальным данным, число наркоманов в Узбекистане увеличивается, оно достигло уже 25 тыс. Однако специалисты уверены, что эта цифра составляет лишь 10 % от реальных показателей.

Официально в Казахстане число наркоманов более 47 тыс. человек, но, по данным ООН, в этой стране около 180 тыс. наркоманов, а число ВИЧ-инфицированных составляет 3100 человек, более 80% больных ВИЧ – инъекционные наркоманы.

В настоящее время в Кыргызстане, как сообщили в Госкомиссии при правительстве КР по контролю наркотиков, на учете в органах здравоохранения состоит 5 тыс. 611 наркозависимых, количество которых в сравнении с 1993 г. увеличилось более чем в 5 раз. В то же время, по данным исследований экспертов, наркоситуация в Киргизии хуже, чем казалось. Реальное количество употребляющих наркотики и больных наркоманией в республике может быть в 10–15 раз больше. С 1987 г. по 1 февраля 2002 г. зарегистрировано 375 ВИЧ-инфицированных граждан, свыше 86% из них – инъекционные наркоманы.

По официальным данным, число наркоманов в Таджикистане составляет около 45–55 тыс. человек. В 2002 г. в Таджикистане было зарегистрировано всего 58 ВИЧ – инфицированных. Но это опять-таки официальные данные.

В шестых, за последние годы в странах Центральной Азии заметно выросла наркопреступность.

За последние десять лет в Казахстане число наркопреступлений выросло в 4 раза и достигло 12% от общего числа преступлений, в Кыргызстане – в 1,6 раза. Женская наркопреступность в Кыргызстане с 1991 г. по 2000 г. увеличилась более чем в 180 раз.

После контртеррористической операции в Афганистане, несмотря на то, что власть Талибана была свергнута, проблема наркотиков не исчезла. Обстановка в Афганистане не безопасна и далека от стабильности. Наглядным подтверждением этому является увеличение объема производства наркотиков в Афганистане за последние два года.

По имеющим данным, в 2002 г. Афганистан получил прибыль от посевов опийного мака в 1,2 млрд. долл. Эта сумма намного выше той поддержки, которую оказывают ему международные организации. Средний доход афганских крестьян от выращивания опийного мака составляет 6500 долл. Пока трудно найти этому достойную альтернативу.

Афганистан уже стал основным поставщиком опия и героина в Россию и Европу. Существуют следующие известные наркотрафики: 1) западная граница Афганистана → Иран → Турция → Европа; 2) восточная и южная границы Афганистана → Пакистан → Индия → другие страны; 3) северная граница Афганистана → Таджикистан → Туркменистан → Узбекистан → Казахстан → Россия → другие европейские страны, а также Китай.

Незаконный оборот наркотиков в Афганистане не только угрожает безопасности и стабильности региона, но и обеспечивает международных террористов огромными доходами. Известный всему миру лидер терроризма Бен Ладен, чеченские террористические силы и другие международные террористические организации тоже связаны с наркотиками. В данном свете наркотики и терроризм уже стали близнецами. Пока наркотики производятся в Афганистане, до тех пор не исчезнет угроза безопасности как самому Афганистану, так и всему мировому сообществу, и в первую очередь, ближайшим соседям Афганистана – странам Центральной Азии.

В такой ситуации властные структуры стран Центральной Азии не остаются сторонними наблюдателями. В каждом государстве региона созданы Госкомиссии по контролю за наркотиками. Исполняются решения всех конвенций ООН по вопросам борьбы с наркотиками. В Кыргызстане за эти годы приняты четыре государственные программы, направленные на борьбу с наркотиками. Для адекватного противодействия угрозе этого зла, социальной и экономической безопасности Кыргызстана совершенствуется соответствующая законодательная база. Все делается для создания единой скоординированной системы государственного контроля над оборотом наркотиков.

Страны Центральной Азии борются с наркотиками уже более 10 лет со дня провозглашения их независимости. Они достигли немалых успехов, приобрели значительный опыт, получили поддержку международного сообщества. Но нельзя не признать, что эффективность системы контроля за наркотиками не идеальна. Ситуация с наркотиками в странах Центральной Азии остается все еще актуальной. И этому много причин.

В первую очередь, это территориальная близость к местам выращивания и производства наркотических средств. Но это относится не ко всем странам Центральной Азии. Так, Афганистан граничит с Ираном, но если раньше наркотики здесь имели широкое распространение, то в последнее время в результате ужесточения контроля со стороны государства эта проблема теряет свою злободневность.

Однако все же главной причиной являются внутригосударственные социально-экономические проблемы: тревожная политическая обстановка, бедность общества, коррупция. Слабая материально-техническая и финансовая обеспеченность правоохранительных органов КР привела к тому, что фактический объем изъятых наркотиков, по мнению международных экспертов, не превышает 1% от общего количества контрабандных наркотиков.

Центральная Азия не является спокойным регионом. Три зла – терроризм, сепаратизм и экстремизм – все еще остаются главной угрозой безопасности и стабильности в центрально-азиатском регионе. Но угроза наркотиков еще сильнее и опаснее, так как проблема наркотиков всегда связана с международной организованной преступностью: терроризмом, незаконной торговлей оружием, работоторговлей и т.д.

В ряде стран Центральной Азии грядут президентские выборы, обновление власти сыграет важную роль в деле укрепления стабильности и безопасности этого региона. Контрабандисты не любят стабильность и мирную жизнь, они в любой момент могут найти шанс для осуществления своих целей. Международное сообщество должно обратить пристальное внимание на развитие ситуации в этом регионе¹⁰.

А.Е. Чеботарев

Состояние и проблемы обеспечения безопасности государственной границы Казахстана и России

Важной составной частью защиты суверенитета и национальных интересов Республики Казахстан является обеспечение безопасности ее государственной границы. Общая протяженность государственной

¹⁰ Редколлегия благодарит О.А. Омельченко за помощь в редактировании данной статьи. – *Примечание ответственного редактора.*

границы РК, по официальным данным, составляет около 14 тыс. км, 7,5 тыс. из которых приходится на границу с Российской Федерацией.

Делимитация и охрана границы РК сопряжена с большим комплексом различных сложностей и проблем. В немалой степени это связано с тем, что оба этих процесса по-настоящему начали осуществляться в последние три года. Это, в свою очередь, обусловлено тем, что граница Казахстана с другими странами СНГ основывается на административной границе, существовавшей между республиками бывшего Союза ССР, в связи с чем она долгое время была не делимитирована и не имела необходимых атрибутов государственной границы.

Лишь с 1998 г. начал активно осуществляться процесс делимитации и демаркации границы Казахстана с соседними странами. В настоящее время остается до конца неделимитированным лишь участок границы Казахстана с Россией протяженностью более 1 тыс. км. Обе стороны планируют завершить этот процесс до конца 2004 г.

Отношения Казахстана со своими соседями относительно делимитации и охраны государственной границы сочетают в себе конструктивизм, основанный на взаимопонимании и учете интересов друг друга, и конфликтность, проявляемую в решении спорных вопросов. Наибольшая напряженность сохраняется на границе Казахстана с Узбекистаном, что обусловлено соперничеством этих государств за лидерство в Центральной Азии.

Что касается пограничных отношений России и Казахстана, то они развиваются в конструктивном русле. В частности, по оценке Астраханского управления международных связей, на казахстанско-российской границе нет спорных территорий в общепринятом смысле, так как обе стороны ни в коей мере не оспаривают прохождение линии государственной границы на всем ее протяжении. Здесь есть лишь несколько небольших участков, где по просьбе одной из сторон рассматривается возможность корректировки положения линии границы на паритетной основе.

Одним из таких участков стал поселок Огнеупорный в Костанайской области. Он был построен в советское время в ходе освоения Боскульского карьера огнеупорных глин и находился в распоряжении российского Магнитогорского металлургического комбината (ММК). Сам карьер был отдан ММК в аренду, срок которой истекает в 2023 г. Функционирование всех жизнеобеспечивающих коммуникаций и социально-экономической инфраструктуры поселка больше связано с Россией, чем с Казахстаном. Проживающие здесь 700 жителей, в том числе и 96 казахов, являются гражданами РФ и практически все они работают на ММК. Таким образом, являясь юридически казахстанским, фактически Огнеупорный давно уже стал российским. Поэтому

Россия предложила РК отдать ей поселок в обмен на равные по площади 293 гектара плодородной пахотной земли Чесменского района Челябинской области. По словам посла по особым поручениям МИД РК Мурата Атанова, решение этого вопроса находится в компетенции руководства страны. Казахстан скорее всего пойдет навстречу России.

Единственно, неясной представляется будущее Боскульского карьера после истечения срока его аренды. Атанов утверждает, что карьер при любом раскладе останется под юрисдикцией РК. То есть поселок передается РФ, а образующий его карьер – нет. Учитывая экономическую значимость карьера, не исключено, что Москва предложит Астане дополнительные территориальные уступки. Хотя возможно также, что стороны согласятся со сдачей карьера ММК в долгосрочную или в бессрочную аренду.

Говоря о границе между РК и РФ, нельзя не отметить, что, по информации отдельных российских экспертов, представители местных властей, особенно на уровне законодательных собраний, в частности в Алтайском крае и Оренбургской области, выдвигали идеи о пересмотре границы и возврате тех или иных территорий, отданных в советское время Казахстану. В то же время такая инициатива, как правило, носит персональный характер и не выражается в принятии каких-либо заявлений или решений со стороны соответствующих органов власти. Так что подобные случаи никак не способны повлиять на ход переговоров двух стран. Центральная власть РФ на официальном уровне таких вопросов не поднимала.

С точки зрения обеспечения безопасности казахстанско-российская граница представляет собой беспокойный рубеж. Особенно на это обращают внимание представители российских государственных органов. В частности, в феврале 2003 г. в Саратове прошло выездное заседание Совета безопасности РФ с участием секретаря СБ Владимира Рушайло, руководителей региональных администраций и силовых структур. На нем обсуждались вопросы защиты государственной границы России с Казахстаном. Основания для поднятия этих вопросов у российской стороны имеются. Только в Саратовской области, на которую приходится 550 км границы с РК, в 2002 г. было задержано более 300 нарушителей и пресечена деятельность 12 преступных группировок, действующих по обе стороны границы.

С другой стороны, некоторые не совсем приятные инциденты создает для своих соседей и российская сторона. Так в сентябре 2002 г. в Северо-Казахстанской области казахстанскими пограничниками были задержаны сотрудники милиции РФ, которые проводили здесь оперативно-розыскное мероприятие по раскрытию кражи скота. При том, что задержанные перешли границу и действовали на территории СКО

без уведомления своих казахстанских коллег, они были вооружены и ехали на машине без государственного номера. Правда, осложнения отношений между двумя странами в результате этого инцидента не произошло.

В целом, между Казахстаном и Россией постоянно осуществляются совместные мероприятия, направленные на решение вопросов взаимодействия в области обеспечения безопасности границы. Причем как на общегосударственном уровне, так и на уровне отдельных пограничных областей двух государств.

Например, в октябре 2003 г. в Челябинске состоялась международная встреча руководителей Южно-Уральского УВД на транспорте с коллегами Центрального и Западного УВДТ МВД Республики Казахстан. Участники встречи договорились об укреплении сотрудничества правоохранительных органов приграничных территорий России и Казахстана в деле борьбы с международным терроризмом, контрабандой наркотиков и оружия, преступностью и нелегальной миграцией. Стороны намерены добиться у руководства МВД России и Казахстана упрощения процедуры задержания, транспортировки и выдачи международных преступников.

На более же высоком уровне межгосударственных отношений заметный прорыв в развитии пограничных отношений РФ и РК произошел 9 января этого года, когда президенты двух стран Владимир Путин и Нурсултан Назарбаев подписали договор о сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам.

По оценкам пограничных служб двух стран, данный договор имеет большое практическое значение. На его основе между этими службами был подписан ряд документов, предусматривающих совместные действия по пресечению незаконной миграции и незаконного оборота наркотиков через границу. Эти действия направлены на усиление контроля в пунктах пропуска, сопровождение в приграничье пассажирских поездов и их досмотр. Другое новшество касается совместного контроля в пунктах пропуска через границу. В этом случае российские пограничники несут службу на обустроенном КПП на территории Казахстана и наоборот. Кроме того, пограничники двух стран договорились о проведении на основе полученной оперативной информации совместных операций по пресечению незаконной миграции и незаконного оборота наркотиков через границу.

Примечания

1. Бороденок О. Пахотные земли на юге Челябинской области обмениваются на поселок Огнеупорный в Казахстане // «Урал-пресс-информ». 15.11.2003 г.

2. В Алматы состоялся очередной раунд переговоров между правительственными делегациями РК и РФ по делимитации казахстано-российской госграницы // Kazakhstan Today. 11.02.2004 г.

3. Козенко А. Будут деньги – будет и граница // Коммерсант. 28.02.2003.

4. Махин В. Делимитация границы завершается // Казахстанская правда. №14. 17.01.2003 г.

5. На казахстанско-российской границе нет спорных территорий в общепринятом смысле // Астраханский регион. №2. 24.01.2003 г.

6. Овсиенко С. Главы погранслужб России и Казахстана договорились о совместных действиях на государственной границе двух стран // ИТАР-ТАСС. 28.01.2004 г.

7. Правоохранительные органы Южного Урала и Казахстана укрепляют сотрудничество // Деловая пресса. №41. 1.11.2003 г.

8. Президенты России и Казахстана подписали Договор о сотрудничестве по пограничным вопросам // АЭИ «ПРАЙМ-ТАСС». 9.01.2004 г.

9. Суханов А. Инцидент на границе // Око. №236. 12.12.2002 г.

А.С. Чесноков

Являются ли современные процессы этнической иммиграции в Россию угрозой национальной безопасности?

Россия, согласно различным статистическим исследованиям последнего времени, является страной, привлекающей значительное количество иммигрантов, преимущественно из стран постсоветского пространства, при параллельной тенденции увеличения в иммиграционном притоке доли стран «дальнего зарубежья», в основном Центральной и Южной Азии. По общему абсолютному количеству иммигрантов, прибывших в страну в течение 1990-х гг., Россия уступает только одной стране мира – США, и делит второе место с Германией. Причем доля иммигрантов в структуре населения всех трех стран колеблется в районе 8–10%. В действительности, иммиграция является для современной России единственным источником поддержания численности населения и притока рабочей силы в национальную экономику, так как наблюдающаяся с 1992 г. естественная, но в то же время стремительная, убыль населения лишь отчасти компенсировалась иммиграционным притоком.

Можно выделить целый комплекс вероятных причин всплеска «иммиграционного интереса» к России со стороны практически всех её окружающих государств: во-первых, он был предопределен репатриацией русских, татар и иных коренных российских народов в Россию после распада, разделившего некогда единый советский народ на при-

вилегированные титульные этносы и бесправные национальные меньшинства в новых независимых республиках. Волна национализма и экстремизма, последовавшая за ликвидацией Советского Союза на всем постсоветском пространстве, дала свои результаты: вспыхнули гражданские войны в Закавказье, Молдове и Таджикистане, в прочих республиках установилась дискриминационная система для лиц некоренных национальностей, проявившаяся в различных ограничениях в экономической, политической, образовательной сферах.

Ввиду численности русских, находящихся за пределами России, но в границах бывшего СССР, именно русская диаспора, составлявшая в 1989 г. около 25 млн. человек, стала основным объектом притеснений со стороны новых национальных властей и, следовательно, основным источником иммиграционного притока в Россию. Доля русских, в объеме ежегодно въезжавших в Россию иммигрантов в 1993–2001 гг., колебалась в районе 55–76%. Из некоренных народов, в среднем составлявших, соответственно, около 45–24% иммиграционного притока, больше всего в 1994–2001 гг. в Россию приехало: украинцев – 39%, армян – 28%, азербайджанцев – 11%. Часть из них, по всей вероятности, пожелали сохранить национальное гражданство, что подтверждают данные, согласно которым из всего постоянного населения России 0,7% составляют иностранные граждане, преимущественно следующие государства: Украины (22,5%), Азербайджана (15,1%), Армении (13,3%), Узбекистана (6,9%), Казахстана (6,8%), Таджикистана (6,3%), Грузии (5,2%) и Молдовы (5%).

Примечательно и то, что в эмиграции в Россию из Прибалтики, Центральной Азии (кроме Таджикистана) и Западных стран СНГ доля русских составляла 50–70%, в то время, как эмиграция из Закавказья и Таджикистана на 40–80% состояла из титульных народов.

Однако, если ключевым фактором, провоцирующим эмиграционные настроения русских в новых независимых республиках, по видимому, является отсутствие гарантий личной безопасности и напряженные межэтнические отношения, то для представителей некоренных народов, иммигрирующих в Россию, определяющим фактором эмиграции становится нестабильная военная и/или экономическая ситуация в родной стране.

Касаясь вопроса трудовой иммиграции в Россию, следует отметить, что в ее структуре значительное место занимает иммиграция из стран так называемого «дальнего зарубежья», прежде всего, Китая, Турции и Вьетнама и, в меньшей мере, КНЦДР и Югославии. Из стран «ближнего зарубежья» лидируют: Украина (дающая около 1/3 трудовых иммигрантов в Россию), а также Молдова, Таджикистан и Узбеки-

стан. Беженцы и вынужденные переселенцы – из них более чем 90% составляют выходцы из Казахстана и Узбекистана, а также Грузии и Таджикистана. Лиц из стран «дальнего зарубежья», претендующих на получение статуса беженца в России, зарегистрировано не более 30 тыс. человек, и на 90% это беженцы из Афганистана.

Указав объективные реалии иммиграционных процессов, перейдем к рассмотрению вопроса о том, насколько присутствие иммигрантов некоренных национальностей в России прямо или косвенно влияет на социальную сферу.

Общезвестно, что иммигранты, не относящиеся к категории «соотечественники», все последние годы вызывают более или менее интенсивное негативное отношение со стороны ряда СМИ и регионального и даже федерального политического истеблишмента. Достаточно вспомнить антииммигрантские заявления губернаторов Краснодарского края, мэра Москвы, чиновников министерств и ведомств (особенно находящихся в структуре МВД). Объектами антииммигрантских высказываний выступают, как правило, две категории: вынужденные переселенцы и беженцы, а также трудовые иммигранты из постсоветских республик Закавказья и Центральной Азии, с одной стороны, и иммигранты из Китая – с другой. А также нелегальные иммигранты обеих категорий. Попробуем разобраться, насколько «опасны» эти иммигранты для России.

Иммигрантам первой категории «инкриминируется», прежде всего, социальное иждивенчество, а также ведение «теневого» или откровенно криминального бизнеса на территории России. В качестве второго аргумента акцентируется проблема безработицы и занятия иммигрантами рабочих мест, предназначенных для граждан коренных национальностей. Однако мало кто обращает внимание на тот факт, что эти иммигранты обычно занимают рабочие места, на которые национальная рабочая сила не претендует по соображениям условий труда или размера зарплаты. Кроме того, вовлечение иммигрантов в «теневые» структуры обусловлено не априорной склонностью их к криминальной деятельности, но сложностями приобретения легального статуса, получения разрешения на проживание и работу. Хотя, работая в России, иммигранты часть своих доходов направляют в виде денежных трансфертов родственникам, оставшимся в родных странах. Более того, такие трансферты составляя определенные доли ВВП беднейших стран постсоветского пространства и объективным образом содействуют экономической стабилизации в этих странах, повышая платежеспособный спрос и являясь своего рода инвестициями России в региональную стабильность.

Вторая проблемная категория – китайская иммиграция, служащая объектом пристального внимания и беспокойства не только региональных, территориально близких к КНР областей и краев России, но и федеральных органов власти, а также СМИ. Это является одним из наиболее весомых аргументов противников установления либерального иммиграционного режима в России. Действительно, колоссальная разница демографических потенциалов по обе стороны российско-китайской границы дает для этого объективные основания. Вместе с тем, согласно различным экспертным оценкам, единовременное китайское присутствие на всей территории России оценивается в не очень значительное количество (200–800 тыс. человек на всю страну). В процентном отношении к коренному населению России это не более 0,5%, а значит, гораздо меньше, чем, например, в США и ряде других стран, имеющих значительную китайскую диаспору. Поэтому говорить о крупномасштабной азиатской демографической экспансии на дальневосточные и сибирские пространства России, по меньшей мере, преждевременно. Тем более, что в целом, в 1991–2001 гг., наибольший миграционный прирост населения в России наблюдался в Центральном Федеральном Округе и составлял около половины от общероссийского миграционного прироста, до четверти общероссийского прироста приходилось на Южный и Приволжский ФО, на Уральский ФО – около $\frac{1}{10}$ общероссийского миграционного прироста. Прирост в Северо-Западном и Сибирском ФО составлял считанные проценты, а в Дальневосточном ФО – миграционный баланс все десятилетие носил только отрицательный характер.

Пожалуй, одной из самых острых проблем, связываемых с присутствием иммигрантов, считается проблема их ментальной совместимости с доминирующей в России русской культурой. Действительно, большинство иммигрантов придерживаются специфических традиций своего народа, что проявляется как в их образе мышления (менталитете), так и в образе действия (поведении), которые или умеренно, или радикально, но отличаются от культурных моделей, распространенных в России. Однако, понимание различий как угрозы культурной идентичности, как показывает опыт, ведет лишь к самоизоляции иммигрантских общин и превращению их в гетто и отнюдь не способствует интеграции иммигрантов в принимающее их общество.

Следует также отметить, что негативное отношение к иммигрантам может быть объяснено отсутствием мобильных жизненных установок российских граждан и продолжением существования дискриминационной системы регистрации, ограничивающей потенциал мобильности и противоречащей праву человека на свободу передвижения: «люди работают там, где живут, а не живут там, где есть работа», по-

этому трудовая иммиграция рассматривается как аномальный феномен, не говоря уже об иммиграции вынужденной. Таким образом, представляемые отдельными политиками высокими (а в действительности являющиеся недостаточными) масштабы иммиграции в Россию свидетельствуют о положительных тенденциях экономического развития страны, которые делают уровень жизни и благосостояния населения постоянными, а экономическую конъюнктуру перспективной, а вовсе не о том, что России следует возвести рестриктивные барьеры и потерять не только необходимые экономике трудовые ресурсы, но и источники прироста населения.

Литература

1. Данные Всероссийской Переписи населения, 2002 г.
2. «Население России 2001». Девятый ежегодный доклад Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН / Под. ред. А.Г. Вишневого.